

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

АКТУАЛЬНЫЙ ГРАММАТИКОН ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ

КОНТЕКСТ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ
КВАЛИФИКАВНЫХ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ

ЖИВОПИСЬ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ В. МАЯКОВСКОГО

2020 / № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2020 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2020 / № 3

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Русская филология»**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т.Е. – д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Герасименко Н.А. – д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. – доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. – д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В.Н. – д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В.А. – д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Гусман Т.Р. – д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. – д.филол.н., проф., МГОУ;

Колларова Э. – д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. – д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. – д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. – д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б.Ю. – д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. – д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. – д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. – д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. – д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В.А. – д.филол.н., науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н.М. – д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» – печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 3. – 134 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

Issued 5 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N.A. Gerasimenko – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

V.V. Ledeneva – Ph.D. in Philological sciences Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Kopusov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2020. – № 3. – 134 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Коновалова Н. И., Красноперова Е. С.</i> АКТУАЛЬНЫЙ ГРАММАТИКОН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ	6
<i>Нагорный И. А., Иваницкий Е. И.</i> КОНТЕКСТ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ КВАЛИФИКАВНЫХ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ	15
<i>Попович О. А., Крылова Н. Ф.</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПОЭТИЧЕСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ	24
<i>Соколова А. А.</i> ВЫРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	37
<i>Цзян Юань.</i> ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА 'ОДЕЖДА' В БЫТОВЫХ НОМИНАЦИЯХ ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА «ЖИТИЕ ОДНОЙ БАБЫ»	49
<i>Чжан Юэ.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО СЛОВОМ <i>ГДЕ</i>	57

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Балашова Е. А.</i> «АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ» ФАИНЫ ГРИМБЕРГ: К ВОПРОСУ О СИНКРЕТИЧНОМ СОЗНАНИИ В ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ	65
<i>Балашов-Ескин К. М.</i> ОБРАЗ МЕДНОГО ВСАДНИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ В. А. СОСНОРЫ	72
<i>Велилаева Л. Р.</i> АМЕРИКАНСКИЙ И ШОТЛАНДСКИЙ ТОПОСЫ В ШОТЛАНДСКОЙ ЭМИГРАЦИОННОЙ ПОЭЗИИ США XIX В.: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ	79
<i>Ли Аньци.</i> ОБРАЗ СУМАСШЕДШЕГО В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ И ЛУ СИНЯ ...	85
<i>Петухова А. И.</i> МОТИВ СЧАСТЬЯ В РАССКАЗАХ ИРИНЫ ОДОЕВЦЕВОЙ	94
<i>Пуряева Н. Н.</i> ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЬНИЦ В ОЦЕНКЕ АВТОРОВ УЧЕБНЫХ ИЗДАНИЙ ПО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ 1820 – 1850 ГГ.	101
<i>Силаева М. В.</i> ЖИВОПИСЬ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ В. МАЯКОВСКОГО	111
<i>Хомяков С. А.</i> РАМОЧНЫЙ КОМПЛЕКС КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ КНИГИ СТИХОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «СОКРАЩАЯ РАССТАВАНИЕ» В. БОРИСОВА)	119

РАЗДЕЛ III. РЕЦЕНЗИИ

<i>Щедрина Н. М.</i> НАЧАЛО «ВТОРОГО ВЕКА ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА» В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	125
---	-----

РАЗДЕЛ IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Леденёва В. В.</i> ЯЗЫК И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	130
---	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTIC STUDIES

<i>N. Konovalova, E. Krasnoperova.</i> ACTUAL GRAMMATICON OF THE LINGUISTIC PERSONALITY: THE PROBLEM OF MODELING.....	6
<i>I. Nagornyy, E. Ivnitky.</i> THE CONTEXT AS A WAY OF EXPLICATION OF QUALIFYING MODUS CATEGORIES CATEGORIES	15
<i>O. Popovich, N. Krylova.</i> PRECEDENT NAMES IN THE POETIC ONOMASTICON OF BULAT OKUDZHAVA: HISTORICAL AND POLITICAL FIGURES.....	24
<i>A. Sokolova.</i> EXPRESSION OF GENDER RELATIONS BY PROCESS PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE.....	37
<i>Jiang Yuan.</i> THE REFLECTION OF A FRAGMENT OF RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD 'CLOTHING' IN THE CATEGORIES OF HOUSEHOLD IN N. LESKOV'S NOVEL "THE LIFE OF A PEASANT WOMEN"	49
<i>Zhang Yue.</i> THE SEMANTIC POTENTIAL OF INTERROGATIVE SENTENCES WITH PRONOUN <i>GDE</i>	57

SECTION II. LITERARY STUDIES

<i>Balashova E. A.</i> «ANDREY IVANOVICH GOES BACK HOME» BY FAINA GRIMBERG: ON THE PROBLEM OF SYNCRETIC CONSCIOUSNESS IN THE INDIVIDUALISTIC EPOCH	65
<i>K. Balashov-Eskin.</i> THE BRONZE HORSEMAN'S IMAGE IN THE POETIC CONSIDERATION OF V. SOSNORA.....	72
<i>L. Velilaeva.</i> AMERICAN AND SCOTTISH TOPOSES IN SCOTTISH EMIGRATIONAL POETRY OF THE 19th CENTURY USA: COMPARATIVE ANALYSIS	79
<i>Li Anqi.</i> IMAGE OF MADMAN IN N. V. GOGOL'S AND LU XUN'S WORKS	85
<i>A. Petukhova.</i> THE HAPPINESS MOTIVE IN IRINA ODOEVTSEVA'S STORIES	94
<i>N. Puryaeva.</i> RUSSIAN FEMALE WRITERS IN THE ASSESSMENT OF AUTHORS OF TEXTBOOKS IN RUSSIAN LITERATURE (1820–1850).....	101
<i>M. Silaeva.</i> PAINTING IN THE EARLY LYRICS OF V. MAYAKOVSKY	111
<i>S. Khomyakov.</i> THE FRAMEWORK COMPLEX AS A KEY TO UNDERSTANDING THE BOOK OF POEMS (BASED ON THE COLLECTION "SHORTENING THE PARTING" BY V. BORISOV)	119

SECTION III. REVIEW

<i>N. Schedrina.</i> THE BEGINNING OF "A. SOLZHENITSYN'S SECOND LIFE CENTURY" IN THE MODERN RESEARCHES	125
--	-----

SECTION IV. SCIENTIFIC LIFE

<i>V. Ledeneva.</i> LANGUAGE AND ACTUAL PROBLEMS OF EDUCATION: V INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE.....	130
---	-----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-23

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-6-14

АКТУАЛЬНЫЙ ГРАММАТИКОН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ

Коновалова Н. И., Красноперова Е. С.

Уральский государственный педагогический университет

620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, Российская Федерация

Аннотация.

Цель данной статьи заключается в исследовании психологической реальности словоформы в сознании языковой личности.

Процедура и методы исследования. Комплексный психолингвистический и когнитивный анализ спонтанных речевых словоупотреблений; метод лонгитюдных наблюдений над детской речью; моделирование ассоциативных полей словоформ и грамматических парадигм на основе экспериментальных данных.

Результаты. В ходе работы были выделены как наиболее частотные словоформы, составляющие ядро языковой системы и несущие на себе основную речевую нагрузку на дальнейших этапах речевого развития, так и «лакуны» в грамматических парадигмах, обнаруживаемые в спонтанной речевой деятельности.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования важны для разработки активного грамматического минимума (актуального грамматикона), что призвано существенно изменить формально-логические процедуры, применяемые в существующих методиках изучения грамматики.

Ключевые слова: актуальная грамматика, психолингвистика, языковое сознание, детская речь

ACTUAL GRAMMATICON OF THE LINGUISTIC PERSONALITY: THE PROBLEM OF MODELING

N. Konovalova, E. Krasnoперова

Ural State Pedagogical University

26 Kosmonavtov pr., Ekaterinburg 620017, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article explores the problem of the psychological reality of the word form.

Methodology. This approach involves the use of a complex of psycholinguistic, cognitive and linguistic “tools”: analysis of spontaneous speech word usage; longitudinal observations of children’s speech; modeling of associative fields as so individual word forms and grammatical paradigms based on experimental data.

Results. It outlines a set of genetically early grammatical forms that the child learns in the process of speech and cognitive development, and forms that the child rarely uses at the early stages of the formation of grammatical competence. It has identified both the most frequent word forms, which form the core of the language system and bear the main speech load at further stages of speech

development, and “lacuna” in grammatical paradigms, which the speaker does not use in spontaneous speech activity.

Research implications. The results of the research can be used to develop an active grammatical minimum (actual grammaticon) for teaching Russian, which is intended to significantly change the formal and logical procedures that are used in existing methods of studying grammar.

Keywords: Actual grammar, Psycholinguistics, Language consciousness, Children’s speech

Введение

Современная онто- и психолингвистика, обращённая к исследованию языковой способности человека, к выявлению когнитивных механизмов овладения языком (родным и / или неродным) в процессах речепорождения и речевосприятия, выдвигает на первый план поиск инструментария для обнаружения скрытых от непосредственного наблюдения мыслительных процессов. Актуальность такого поиска едва ли можно переоценить для решения проблем обучения языкам, выявления универсальных механизмов и индивидуальных стратегий обучающихся в ходе интериоризации и дальнейшего использования языка в разных видах речевой деятельности

Речевосприятие и речепорождение – близкие, но нетождественные процессы, исследованию которых посвящены работы по теории перцепции, онтогенеза речевых и когнитивных действий¹ [8; 15], перцепции в культурно-антропологической парадигме [10; 12; 14], ассоциативной символике различных перцептивных кодов [11; 13] и др.

Постановка проблемы

Одним из наиболее сложных аспектов изучения восприятия является обнаружение когнитивных механизмов освоения грамматики, особенно неродного языка. Существующие учебные материалы в основном ориентированы на использование набора формально-логических операций по формированию грамматической ком-

петенции обучающихся (склонение существительных, спряжение глаголов, изменение прилагательных по числам, родам и падежам, заучивание наизусть исключений и т. п.). В результате мы получаем человека, знающего правила и не умеющего их применять в спонтанной речевой деятельности. Более того, значительная часть выученных грамматических форм никогда не будет востребована (ср., например, многие формы причастий и деепричастий, формы косвенных падежей числительных и др.). Объяснить такое положение можно, по-видимому, тем, что грамматика русского языка для русскоязычных обучающихся механически переносится в методики для инофонов. Но, во-первых, русскоязычный ребёнок с начала школьного обучения вообще-то изучает не язык (он им уже владеет), а метаязык описания языковой системы; во-вторых, и для носителей русского языкового сознания эта система избыточна, они в большинстве своём не пользуются ею в полном объёме, кроме того, как справедливо отмечает Ю. Н. Караулов, «... трудно предположить, что способ индивидуального или интериоризированного бытования <грамматики> совпадает с результатами её описания или экстериоризированного бытия и что в сознании (или подсознании?) отдельно взятого носителя грамматика пребывает в виде рядов парадигм и перечня обобщающих правил для построения слов и предложений» [5, с. 5]. Как в таком случае можно представлять грамматику в учебных целях? Если «... анализ динамического соотношения языка-системы и языка-способности связан... с процессом перехода объективно-языковых явлений в явления индивидуальные, психологические и наоборот» [3, с. 83–84], следует, очевидно, обратиться

¹ См.: Гридина Т. А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи: учеб. пособие. М.: Флинта, 2013. 152 с.; Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг: учеб. пособие. М.: Флинта, 2007. 160 с.; Леонтьев А. А. Психология общения: учеб. пособие. М.: Смысл, 2005. 368 с.

к показаниям языкового сознания носителей языка. Важной в этом смысле является идея возможности наблюдения смены языковых систем на каждом этапе онтогенетического развития: «... язык не даётся ребёнку при рождении..., но зато ему дана уникальная способность самостоятельно выстраивать в собственном сознании все компоненты языковой системы (фонологический, морфологический, синтаксический, лексический и ряд иных), а также перестраивать и совершенствовать эту систему в течение всей жизни при взаимодействии с другими людьми» [8, с. 14].

В таком случае можно выдвинуть гипотезу относительно того, что генетически ранние грамматические формы должны составлять ядро активной грамматики, которую и следует вычленивать в первую очередь для определения грамматического минимума на начальных этапах обучения и дальнейшего его расширения на основе корпусных исследований речевых практик. Как известно, словоформам «... присуща разная частота употребления, степень коммуникативной автономии и др. Система словоформ называется парадигмой; это языковой конструкт. Но парадигма каждого слова реализуется в речи со своими особенностями, образуя так называемый грамматический профиль слова»¹. Для сравнения обратим внимание также на идеи вариативности форм выражения разного рода грамматических значений в зависимости от интенций говорящего и слушающего, ситуативного контекста и других параметров речевой ситуации [2; 9].

Цель данного исследования заключается в попытке обнаружить корреляцию генетически первичных грамматических форм, соответственно, в первую очередь востребованных ребёнком в раннем онтогенезе, и частотности этих грамматических форм в ассоциативно-вербальной сети (далее – АВС) говорящего, что представляет психологическую реальность словоформ в сознании языковой личности. Практическим «выходом» работы такого рода может стать

моделирование инварианта актуального грамматикона языковой личности, что позволит решить многие прикладные задачи методики обучения РКИ.

Методология и методы исследования

Анализ языковой системы (или отдельных её фрагментов) невозможен без учёта того, как представлена эта система в сознании её «пользователя». Это обусловило выбор комплексного психолингвистического, когнитивного и лингвометодического «инструментария» исследования: анализ спонтанных речевых словоупотреблений; лонгитюдные наблюдения над детской речью; моделирование ассоциативных полей как отдельных словоформ, так и целых грамматических парадигм на основе экспериментальных данных и их статистической обработки.

Методологически значимым для авторов данной работы представляется постулат относительно соотношения когнитивных и лингвистических механизмов становления и развития языковой личности: «Анализ когнитивных моделей, лежащих в основе постижения детьми грамматики родного языка, является необходимым условием описания психологической реальности этого процесса, в котором следует различать аспекты усвоения материальных показателей грамматических значений и собственно грамматической семантики. В первом случае в детской речи действуют законы аналогии и грамматической сверхгенерализации, во втором – проявляется опора ребёнка на актуальные для его сознания когниции» [4, с. 111]. Выбор таких когнитивных стратегий детьми в процессе овладения языковой системой вполне соотносится с классификацией участников инновационного процесса на «имитаторов..., «повторителей», которые склонны повторять однажды сделанный выбор несколько раз, и инноваторов, наиболее активно принимающих новые идеи» [7, с. 70]. Можно заметить, что результатом речевой деятельности участников всех отмеченных категорий становится

¹ Норман Б. Ю. Жизнь словоформы: учеб. пособие. М.: Флинта, 2015. С. 8.

пополнение узуса нестандартными грамматическими формами разного рода (в зависимости от лингвокогнитивных предпочтений). Предлагаем сравнить в этой связи описание эксперимента по интерпретации семантики экспресsem в зависимости от осмысления их звуковой оболочки по аналогии путём нахождения формально-го сходства с уже освоенными языковыми единицами [1, с. 40].

Эти экспериментальные данные подтверждают ещё один значимый для нашего исследования постулат, сформулированный Т. А. Гридиной по материалам исследований детской речи: «Грамматические образцы, явленные в словоформе, закрепляются вместе с актуальным значением данной словоформы – в опоре на некий предметный эталон и формальный образец (освоенный аналог)» [4, с. 112]. В таком случае наиболее частотными в детской речи естественным образом оказываются как первично освоенные словоформы, так и собственно грамматические инновации, сконструированные ребёнком (при незнании узальной единицы) по модели известных ему единиц в результате действия механизма сверхгенерализации. Если первые демонстрируют ядро грамматической системы в сознании ребёнка определённого возраста, то последние – необходимость в выражении какого-либо грамматического значения в ситуации номинативного дефицита.

Основные результаты исследования

Лонгитюдные исследования детской речи обнаруживают первые грамматические оппозиции в детской речи, среди которых отмечаются «противопоставление единственного числа множественному, именительного падежа винительному, настоящего времени прошедшему; ... первые глагольные формы: инфинитив и императив»¹; абсолютное доминирование форм 3-го л. ед. ч. и практически полное отсутствие форм 2-го л. ед. ч. и мн. ч.

¹ Гридина Т. А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи: учеб. пособие. М.: Флинта, 2013. С. 10–11.

Последнее, вероятно, можно объяснить эгоцентризмом детской речи, отсутствием в период раннего речевого онтогенеза социализации, доминированием в инпуте так называемого «языка нянь» (обращение к ребёнку с использованием форм 3-го л., типа *Маша будет кушать? Петя пойдёт гулять?*). Можно предположить, что полная парадигма не «собирается» из спонтанных речевых словоупотреблений даже к началу систематического курса русского языка в школе.

Рассмотрим, как отмеченные грамматические формы существительных и глаголов, составляющие ядро детского грамматикона от двух до пяти лет, представлены в ассоциативно-вербальной сети взрослого носителя русской лингвокультуры. Для этого обратимся к ассоциативной грамматике, определяемой как «грамматика речевой деятельности, намерений, тенденций и готовностей говорящего», что «позволяет нам рассматривать ряд словоупотреблений конкретного слова в речи носителей языка как серию одномоментных фиксаций состояния ассоциативно-вербальной сети, её определённого участка» [5, с. 7].

Результаты массовых психолингвистических экспериментов представлены в «Русском ассоциативном словаре» (далее – РАС) в виде ассоциативных полей, которые определяют, в частности, «как функциональную систему актуального доминантного смысла, репрезентированного лексически» [3, с. 84]. Добавим: не только лексически, поскольку реакции на стимул могут быть представлены и фразеологическими единицами, и высказываниями, в том числе прецедентными. Кроме того, ассоциативная доминанта может моделироваться не только эксплицитными реакциями, но и выводимыми импликатурами, особенно в случаях с грамматическими значениями, например, через формальные аналогии.

Существительные. На первый взгляд может показаться, что абсолютное доминирование И. п. в РАС предопределено наборами стимулов: существительные в лексикографической практике принято давать в начальной форме (И. п., ед. ч.). Однако

авторы РАС учли тот факт, что представленная в нём ABC (ассоциативно-вербальная сеть) является предречевой базой любого высказывания с использованием единиц языковой системы со всеми её словоизменительными особенностями. Не случайно поэтому в число стимулов включены формы косвенных падежей существительных и омоформы / омографы (ударение в стимуле не ставится, и респонденты могут давать реакции на актуальную для них грамматическую форму), например: *судьба* и *судьбы* (*судьбы* – Р. п., ед. ч. или *сУдьбы* – И. п., мн. ч.). Значительную часть списка стимулов составляют предложно-падежные формы существительных: *дело* и *в дело*, *в деле*, *на ногах*, *на ноге* и т. п., вокруг которых формируются разные, хотя и пересекающиеся ассоциативные поля в силу разных синтаксических валентностей словоформ. Кроме того, существенную часть стимулов составляют глаголы, которые управляют существительными, поэтому ожидаемыми синтагматическими реакциями являются словоформы косвенных падежей: *быть* – *вне ведения*, *без денег* – Р. п., *беде*, *дождю* – Д. п., *человеком*, *другом*, *дураком* – Т. п., *в форме*, *в гостях*, *в городе* – П. п. Можно, следовательно, считать обоснованным вывод о высокой частотности в ABC грамматических форм существительных в И. п., В. п. и низкой частотности форм Т. п. и особенно Д. п. [5; 6].

Глаголы. В списке стимулов РАС глаголы представлены как в инфинитиве, так и в личных формах, причём некоторые – практически в полных парадигмах, например: *взять*, *возьму*, *возьмёшь*, *возьмёт*, *возьмём*, *возьмёте*, *возьмут*, *взял*, *взяла*, *взяли* (отсутствует только форма ср. р. прош. вр., но ср. р. в грамматических парадигмах всех частей речи является периферийным). Соответственно, в ассоциативных полях с глаголами-стимулами ожидаемо появляются формально-структурные ассоциации в тех же грамматических формах. Кроме того, в список стимулов вошли все личные местоимения, причём как в И. п., так и в косвенных падежах, что закономерно даёт многочисленные реакции синтагматического типа (*я люблю*, *ты знаешь*, *он идёт*, *мы пришли*

и т. п.). Это даёт основание считать выборку репрезентативной, чтобы оценивать как достоверный вывод о низкой частотности в ABC форм 2-го л. глагола, что вполне коррелирует с данными детской речи. Отмеченное автором «Ассоциативной грамматики...» Ю. Н. Карауловым преобладание форм 3-го лица объясняется его «известной нейтральностью, немаркированностью» [5, с. 37–38].

Далее продемонстрируем статус грамматических форм существительных по частотности их употребления в разных речевых практиках по данным НКРЯ¹ с использованием материалов основного корпуса со снятой омонимией (табл. 1).

Можно отметить, что данные НКРЯ коррелируют с показателями востребованности падежных форм существительных в детской речи и в ABC: существенно «отрываются» от своих партнёров по грамматической парадигме И. п. и В. п. (последний меняется статусом с Р. п. в некоторых подкорпусах), а также формы ед. ч. от форм мн. ч. Особенно показательными являются формы Д. п., занимающие периферию парадигмы, в большинстве контекстов они выступают не в основном значении адресата, а в значении субъекта восприятия, где они конкурируют с базовым для выражения этой синтаксической функции И. п. (ср. возможность замены: *картографу показало*, *охотнику послышалось* – *картограф представил*, *вообразил*; *охотник услышал*).

Что касается личных глагольных форм, все отмеченные выше тенденции находят отражение в НКРЯ. В особых комментариях нуждаются лишь формы 2-го лица (табл. 2).

Низкая частотность форм 2-го лица глагола, отмеченная в РАС, находит своё подтверждение и в НКРЯ: во всех коммуникативных сферах количество словоупотреблений менее 1%. Функция поддержания коммуникации (или её иллюзии) определяет для говорящего выбор этих форм при порождении текста определённой функциональной сферы, в частности, несколько выше процент словоупотреблений в сферах электронной коммуникации,

¹ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 01.04.2020).

Таблица 1 / Table 1

**Частота употребления падежных форм существительных
(в порядке убывания частотности)**

The frequency of use of case forms of nouns (in descending order of frequency)

ГФ ед. ч.	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	ГФ мн. ч.	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
И. п.	422239	7,03	Р. п.	130029	2,16
Р. п.	325358	5,42	И. п.	96799	1,61
В. п.	255241	4,25	В. п.	73521	1,22
П. п.	139888	2,33	Т. п.	38348	0,64
Т. п.	119090	1,98	П. п.	31623	0,52
Д. п.	70127	1,17	Д. п.	19517	0,32

Источник: таблица составлена авторами статьи по материалам НКРЯ¹. Общий объём выборки корпуса со снятой омонимией – 6 003 397 слов.

Таблица 2 / Table 2

**Частота употребления форм 2-го лица (в порядке убывания)
Frequency of use of 2nd person forms (in descending order)**

Подкорпус (функциональная сфера)	Объём подкорпуса (количество слов)	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений
Электронная коммуникация	120 294	429	0,36
Художественные тексты	3 557 693	12189	0,34
Церковно-богословская	63 242	134	0,21
Обиходно-бытовая	67 225	116	0,17
Публицистика	1 546 367	1969	0,13
Реклама	24 296	28	0,12
Официально-деловая	74 216	27	0,04
Учебно-научная	546 513	162	0,03

Источник: таблица составлена авторами статьи по материалам НКРЯ².

художественных текстах, церковно-богословской. Такие коммуникативные предпочтения объясняются тем, что «... парадигма, в которую входит словоформа, – не только научный конструкт, но и психологическая реальность в сознании носителя языка. ... Вся парадигма слова в нашем сознании определяется набором тех ролей, которые слово выполняет в речи»³.

¹ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 01.04.2020).

² Там же.

³ Норман Б. Ю. Жизнь словоформы: учеб. пособие. М.: Флинта, 2015. С. 23–24.

Заключение

В целом можно считать, что выдвинутая гипотеза нашла подтверждение фактами Национального корпуса русского языка⁴ и экспериментальными данными, представленными в Русском ассоциативном словаре [6]: генетически первичные грамматические формы оказываются ядерными в ассоциативно-вербальной сети говорящего. Безусловно, мы отдаём себе отчёт в том, что наличие подобных корреляций не может однозначно считаться доказа-

⁴ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 01.04.2020).

тельством причинно-следственных связей между исследуемыми феноменами, для более точной интерпретации ядерно-периферийного статуса грамматических форм в грамматиконе нужно учитывать множество дополнительных переменных, связанных как с индивидуально-психологическими особенностями языковой личности, так и с другими фрагментами языковой системы. Тем не менее на данном этапе исследования предложенная нами комплексная процедура исследования психологической реальности словоформ в сознании *homo loquens* (человека говорящего) «подсказывает» некоторую последовательность методологически значимых шагов для моделирования актуального грамматикона:

1. Выявление наиболее востребованных на разных этапах речевого онтогенеза словоформ, создающих базу стадияльной динамики функциональных грамматических систем, сменяющих одна другую в процессе когнитивного и речевого развития ребёнка.

2. Нахождение так называемых «лакун» в грамматических парадигмах разных частей речи, не заполненных ребёнком в раннем онтогенезе (такие формы имеют не меньшую значимость для определения

ядерно-периферийного статуса словоформы в детском грамматиконе).

3. Обнаружение индивидуальных стратегий восполнения детьми одного возраста грамматических лакун, что объясняется, с одной стороны, недостаточной сформированностью грамматической компетенции, с другой – потребностью в использовании таких форм (так называемые грамматические инновации).

4. Анализ представленности конкорданса описываемых форм будущего (предполагаемого) грамматикона в ассоциативно-вербальной сети по данным психолингвистических экспериментов.

5. Корпусные исследования спонтанных словоупотреблений с заданным набором грамматических признаков в разных функциональных сферах речевой деятельности для выявления степени частотности анализируемых словоформ.

6. Учёт синтаксической активности словоформы – основной принцип ограничения конкорданса на заключительном этапе моделирования актуального грамматикона языковой личности.

Статья поступила в редакцию 20.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваулина И. А. Фоносемантический компонент значения слова в свете экспериментальных данных // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2016. № 14. С. 33–47.
2. Герасименко Н. А. Семантика предикативного признака в предложениях с субстантивами в роли сказуемого // Русский язык в школе. 1997. № 5. С. 83–87.
3. Голев Н. Д., Шкуропацкая М. Г. Ассоциативное измерение системных отношений в лексике: некоторые результаты и перспективы // Языковая личность: аспекты изучения. Сб. научных статей памяти члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова / под ред. И. В. Ружицкого и Е. В. Потёмкиной. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 82–100.
4. Гридина Т. А. Актуальная грамматика детской речи: когнитивные модели семантизации и механизмы порождения словоформ // Языковая личность: аспекты изучения. Сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова / под ред. И. В. Ружицкого и Е. В. Потёмкиной. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 110–122.
5. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 330 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Т. I. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. С. 750–782.
7. Минюрова С. А. Человек креативный и / или инновационный? // Лингвистика креатива. Коллективная моногр. Отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург, 2009. С. 59–77.
8. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
9. Шаповалова Т. Е. К проблеме осложнения простого предложения // Семантическая структура

слова и высказывания: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1993. С. 115–120.

10. Aikhenvald A. Y., Storch A. (eds.) Perception and Cognition in Language and Culture. Leideb, Boston, Brill, 2013. 279 p.
11. Chandler D. Semiotics: The Basics. London, Routledge, 2007. 273 p.
12. Classen C. The Deepest Sense: A Cultural History of Touch. Urbana, Univ. of Illinois press, 2012. 320 p.
13. Hickson M., Don W. Stacks, Nina-Jo Moore. Nonverbal Communication: Studies and Applications. Oxford University Press, 2003. 503 p.
14. Norman B. Yu. The Russian Pronoun My: its Internal Dramatics // Russian Linguistics. 2002. T. 26. № 2. P. 217–234.
15. Rookes P., Willson J. Perception: Theory, Development and Organization. London and Philadelphia, Routledge, 2000. 141 p.

REFERENCES

1. Vaulina I. A. *Fonosemanticheskij komponent znacheniya slova v svete eksperimental'nyh dannyh* [Phonosematic component of word meaning in the light of experimental data]. In: *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*, 2016, no. 14, pp. 33–47.
2. Gerasimenko N. A. *Semantika predikativnogo priznaka v predlozheniyah s substantivami v roli skazuemogo* [The semantics of the predicative basis of proposals from substantive in the role of the predicate]. In: *Russkii yazyk v shkole*, 1997, no. 5, pp. 83–87.
3. Golev N. D., Shkurovatskaya M. G. *Assotsiativnoe izmerenie sistemnykh otnoshenii v leksike: nekotorye rezul'taty i perspektivy* [The associative dimension of systemic relations in the lexicon: some results and prospects]. In: [Linguistic personality: aspects of the study. Collection of scientific papers in memory of corresponding member of RAS Yu. N. Karaulov / under the editorship of I. V. Ruzhitsky, and E. V. Potemkina]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017, pp. 82–100.
4. Gridina T. A. *Aktual'naya grammatika detskoj rechi: kognitivnye modeli semantizatsii i mekhanizmy porozhdeniya slovoform* [Relevant grammar child language: a cognitive model semantics and the mechanisms of generation of word forms]. In: [Linguistic personality: aspects of the study. Collection of scientific papers in memory of corresponding member of RAS Yuri Nikolaevich Karaulov, ed. by I. V. Ruzhitsky, and E. V. Potemkina]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017, pp. 110–122.
5. Karaulov Yu. N. *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [The associative grammar of the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1993. 330 p.
6. Karaulov Yu. N. *Russkii assotsiativnyi slovar' kak novyi lingvisticheskii istochnik i instrument analiza yazykovoї sposobnosti* [Russian associative dictionary as a new linguistic source and the tool of the analysis of language ability]. In: *Russkii assotsiativnyi slovar'. T. I. Ot stimula k reaktcii* [Russian associative dictionary. Vol. I. From stimulus to response] / Yu. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2002, pp. 750–782.
7. Minyurova S. A. *Chelovek kreativnyi i / ili innovatsionnyi?* [The person is creative and / or innovative?]. In: *Lingvistika kreativa. Kollektivnaya monogr.* [Linguistics creativity. Collective monograph. Resp. edited by T. A. Gridina]. Ekaterinburg, 2009, pp. 59–77.
8. Tseitlin S. N. *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on the formation and shaping in children]. Moscow, Znak Publ., 2009. 592 p.
9. Shapovalova T. E. *K probleme oslozhneniya prostogo predlozheniya* [The problem complications simple sentences]. In: *Semanticheskaya struktura slova i vyskazyvaniya: Mezhuuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Semantic structure of words and statements: interuniversity collection of scientific papers]. Moscow, 1993, pp. 115–120.
10. Aikhenvald A. Y., Storch A. (eds.) Perception and Cognition in Language and Culture. Leideb, Boston, Brill, 2013. 279 p.
11. Chandler D. Semiotics: The Basics. London, Routledge, 2007. 273 p.
12. Classen C. The Deepest Sense: A Cultural History of Touch. Urbana, Univ. of Illinois press, 2012. 320 p.
13. Hickson M., Don W. Stacks, Nina-Jo Moore. Nonverbal Communication: Studies and Applications. Oxford University Press, 2003. 503 p.
14. Norman B. Yu. The Russian Pronoun My: its Internal Dramatics // Russian Linguistics. 2002. T. 26. № 2. P. 217–234.
15. Rookes P., Willson J. Perception: Theory, Development and Organization. London and Philadelphia, Routledge, 2000. 141 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета;
e-mail: sakralist@mail.ru

Красноперова Евгения Сергеевна – документовед центра «Подготовительное отделение и сопровождение иностранных обучающихся» Уральского государственного педагогического университета;
e-mail: evgenia113@gmail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda I. Konovalova – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General linguistics and Russian language, Ural State Pedagogical University;
e-mail: sakralist@mail.ru

Evgenia S. Krasnoperova – Document specialist, the Center for Training foreign students, Ural State Pedagogical University;
e-mail: evgenia113@gmail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коновалова Н. И., Красноперова Е. С. Актуальный грамматикон языковой личности: проблема моделирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 6–14.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-6-14

FOR CITATION

Konovalova N. I., Krasnoperova E. S. Actual grammaticon of the linguistic persona: the problem of modeling. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2020, no. 3, pp. 6–14.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-6-14

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-15-23

КОНТЕКСТ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ КВАЛИФИКАТИВНЫХ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ

Нагорный И. А.¹, Ивницкий Е. И.²

¹*Цзилиньский университет*

130012, г. Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская Народная Республика

²*Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Российская Федерация

Аннотация.

Цель работы – системное описание квалификативных модусных значений в контексте, выявление способов взаимодействия категорий модальности, эмотивности и оценочности, а также установление степени влияния данных категорий на формирование общего смысла высказывания.

Процедура и методы исследования. Произведён анализ эмпирического материала с применением функционального подхода, что позволило описать квалификативные модусные категории как на уровне элементарной коммуникативной структуры – предложения, так и на уровне текста.

Результаты. Подтверждена гипотеза относительно того, что контекст, являясь одной из обязательных сфер экспликации квалификативных модусных категорий – оценочности, эмотивности и модальности, позволяет функционально проанализировать объективную и субъективную составляющие данных категорий, а также определить параметры их взаимодействия в семантической структуре предложения.

Теоретическая и / или практическая значимость заключается в обобщении теоретических данных по исследуемой теме. Квалификативные модусные категории исследованы на уровне их семантической реализации. Обоснован путь анализа эмпирического материала – от семантических категорий к средствам их репрезентации.

Ключевые слова: квалификативная категория, модус, семантическая структура, говорящий, позиция, оценочность, эмотивность, модальность

THE CONTEXT AS A WAY OF EXPLICATION OF QUALIFYING MODUS CATEGORIES

I. Nagornyy¹, E. Ivnitsky²

¹*Jilin University*

10 Qianjin ul., Changchun 130012, People's Republic of China

²*Belgorod State University*

85 Pobedy ul., Belgorod 308015, Russian Federation

Abstract.

Aim: a systematic description of qualifying modus meanings in the context, identifying ways of interacting with the categories of modality, emotiveness, and evaluativeness, as well as determining the degree of influence of these categories on the formation of the general meaning of the utterance.

Methodology. The empirical material was analyzed using the functional approach, which allowed us to describe the qualifying modus categories both at the level of the elementary communicative structure – sentences, and at the text level.

Results. The hypothesis is confirmed that the context, being one of the obligatory areas of explication of qualifying modus categories – evaluation, emotiveness and modality, allows you to functionally analyze

the objective and subjective components of these categories, as well as determine the parameters of their interaction in the semantic structure of the sentence.

Research implications: it consists in summarizing the theoretical data on the topic under study. Qualitative modus categories are investigated at the level of their semantic realization. The way of analysis of empirical material is substantiated – from semantic categories to the means of their representation.

Keywords: qualification category, modus, semantic structure, speaker, proposition, evaluability, emotivity, modality

Введение

Квалификация сообщаемого в предложении осуществляется с позиции субъекта речи и находит своё выражение в квалификативных модусных категориях: оценочности, эмотивности, модальности. Немаловажную роль при этом играет контекст как средство экспликации указанных модусных категорий. В первую очередь это касается эмотивности в её взаимодействии с оценочностью, поскольку существует мнение о потенциальной эмотивности любого слова: Ш. Балли, например, считал, что «всякая мысль, зависящая от жизни, эмоциональна» [3, с. 32]. И если посмотреть на слово с точки зрения субъекта речи, то репрезентация данного слова в предложении окажется субъективно значимой. При этом контекст выступает как некий вид пресуппозитивного знания: именно контекст может «снимать» полисемию, поддерживать и усиливать значимость отдельных слов, погашать и компенсировать значение слова. Также важно учитывать как минимальное окружение языковой единицы, так и функцию всего текста в определении языкового значения.

В последние десятилетия в лингвистике продолжает усиливаться интерес к содержательной стороне предложения. При этом различные подходы к исследованиям в области семантической составляющей предложения, как правило, не могут претендовать на исключительность и незаменимость, поскольку исследуют предложение в разных аспектах. Н. Д. Арутюнова, например, за смысловую базу предложения принимает логико-синтаксические начала [2]. Для В. А. Белошапковой и

Т. П. Ломтева основа содержательной основы предложения – структура события [4; 8]. Н. Ю. Шведова рассматривает содержание предложения по пути «от формы к смыслу» [7]. А Ш. Балли предлагает разделять содержание предложения на две смысловые составляющие: диктум (объективное содержание) и модус (субъективное содержание) [3].

Особое внимание в лингвистике отводится изучению принципов взаимодействия в предложении лексического и грамматического значений, исследованию способов влияния лексики на семантическую структуру предложения, а также конструктивной формы на смысл высказывания.

В исследованиях квалификативных категорий модальности, эмотивности и оценочности контекст рассматривается как важнейший экспликатор данных значений. Для контекстологических научных описаний важными остаются и сфера семантики предложения [15], анализ его объективного и субъективного содержания [18], и определение параметров специфики взаимодействия контекста с текстовыми категориями, что, в свою очередь, способствует определению как отдельных модусных значений, так и смысла высказывания в целом.

Роль контекста в определении эмотивности, модальности и оценочности

Особое значение контекста обнаруживается в экспликации эмотивной квалификации сообщаемого. В. И. Шаховский определяет эмотивный компонент значения слова как обязательный, факультативный

и потенциальный. При этом утверждает, что «текст может наводить эмотивные семы на совершенно нейтральные слова» [12, с. 77]. Например: *Завязавшаяся стачка застала его (военного врача) на поле и заставила разделить судьбу (против воли) сражающихся и отстреливаться* (Б. Пастернак). В скобках фиксированы словосочетания, являющиеся знаками предложенческих пресуппозиций и усиливающие эмотивный план коммуникативной единицы. Здесь деятель – это лицо, которому не положено брать в руки оружие, поэтому и стрелять ему пришлось против собственной воли. Эмотивно-содержательный план предложения сопровождается модальной квалификацией, где достоверность сообщаемого, репрезентированная в пропозиции осложнённого типа, способствует усилению эмотивной квалификации сообщаемого. Поэтому оценочные пресуппозиции актуализируют эмотивную коннотацию в предложении, и предложение из потенциально эмотивного превращается в оценочное [9]. Оценочная пресуппозиция (в приведённом предложении со знаком «→») находит отражение в эмотивном отношении к сообщаемому, и отрицательная оценка наряду с актуализированной пропозицией становится значимой целью высказывания.

С формальной точки зрения событийные пропозиции предложения (*завязавшаяся стачка, застала его* и др.), объединённые релятивными отношениями, способствуют эмотивной экспликации потенциально оценочных слов. А субстантивированное причастие *сражающихся* актуализирует отрицательную оценку относительно участников сражения. Поэтому формальный аспект предложения способствует формированию эмотивно-оценочного отношения к объективно-отрицательной пропозиции.

Влияние оценочного контекста на квалификацию сообщаемого может быть подтверждено в следующем предложении: *Их (белых) выразительные, привлекательные физиономии казались (доктору) близкими, своими* (Б. Пастернак). Оценочные компо-

ненты *выразительные и привлекательные*, определяющие грамматический субъект, эксплицируют в пропозиции-характеризации (*казались близкими, своими*) деятеля и его эмотивно-оценочную квалификацию сообщаемого. Объективная оценка, которая задаётся темой предложения, таким образом получает в реме предложения субъективную, эмотивно-оценочную квалификацию. В свою очередь субъективная оценка указывает на авторскую позицию, актуализируемую в тексте, а также на выражение говорящим своего отношения к сообщаемому [6, с. 26–28]. Таким образом, именно контекст эксплицирует эмотивный компонент значения слов: нам известно, что речь идёт о гражданской войне, и деление на «своих» и «чужих» является весьма условным, тем более для доктора. Коннотативно-положительную оценку, представленную в пропозиции, усиливает эмотивное значение, которое эксплицируется рядом однородных членов предложения. И если в теме предложения оценка представлена неконститутивными членами (*выразительные, привлекательные*), то в реме предложения оценочные прилагательные выступают в роли однородных сказуемых, которые подчёркивают эмотивную квалификацию сообщаемого.

Отметим, что в предыдущих примерах контекст усиливает эмотивную составляющую содержательной сферы предложения, что способствует формированию субъективно-авторской позиции в тексте. Оценочное значение в первом простом предложении формируется за счёт усиления связи событийных пропозиций в их «временной соотнесённости», а также за счёт пресуппозиционной содержательной оценки [13, с. 15]. Но пресуппозиционная оценка эксплицируется в эмотивных коннотациях (*завязывается стачка; разделить судьбу*), и именно данные коннотации ориентированы не на логическое, а на образное, эмоциональное объяснение так называемого «положения дел».

В тексте, на авторском уровне, нередким является акцентирование внимания читателя на эмотивной квалификации

сообщаемого: *Жалость не позволяла ему целиться в молодых людей, которыми он любовался и которым сочувствовал* (Б. Пастернак). Слово *жалость* относится к лексике эмоций, которая не всеми лингвистами рассматривается как эмотивная. Следует отметить, что лексика эмоций может не содержать квалификативного компонента, если речь идёт либо о её языковом употреблении, либо об использовании её в научном стиле. Видимо, поэтому В. И. Шаховский слова, называющие эмоции, не считает эмотивами [11]. В художественном же тексте лексика эмоций, как правило, имеет непосредственно отношение к эмотивной квалификации сообщаемого, так как продиктована оценочным значением слова. Эмотивность рассматриваемого языкового компонента подтверждается не только его пропозициональным значением (*жалость* – чувство сострадания к кому-, чему-либо [5]), но и другими предикативными эмотивами, фиксированными в указанном предложении (*любовался, сочувствовал*).

С формальной стороны анализируемое предложение не отличается обратным порядком слов, тем не менее, квалификация сообщаемого, помимо оценочных предикатов, формируется эмотивными отношениями, развивающимися на пропозициональном уровне. Поэтому объективно оценочная пропозиция квалифицируется ещё и как реализующая эмотивное отношение, формируемое релятивными (*любовался, сочувствовал*) и каузальной пропозициями.

Подобного рода эмотивные предложения формируют эмоциональную квалификацию не только в пределах одного предложения, но и в пространстве всего текста. Поэтому следующие после репрезентированной эмотивной квалификации предложения с потенциально эмотивной лексикой или с лексикой, называющей эмоции (учитывая наличие эмотивной пресуппозиции), являются эмотивно квалификативными. Например: *На красивом лице юноши были написаны черты невинности и всё протившего страдания*

(Б. Пастернак). Приведённые в статье примеры расположены в контекстуальной последовательности. В последнем примере используется характерное оценочное слово *красивом* и эмотивно-оценочный компонент *страдания*, а пропозиция характеристики актуализируется говорящим и, несомненно, имеет эмотивно-оценочную квалификацию. Но указанным эмотивам именно контекст придаёт более широкую интерпретацию, а значит, актуализирует более категоричную и объективную оценку, связанную с отрицательным отношением к гражданской войне. Кроме того, в приведённом предложении особое значение в квалификации сообщаемого приобретают неконститутивные члены предложения, которые образуют собственную пропозицию (*всё протившего страдания*). С помощью обратного порядка слов на первый план выходит эмотивный компонент оценочной лексики (*на красивом лице юноши*) и, соответственно, отрицательная оценка факта необходимости «убивать молодые, красивые лица».

На уровне контекста можно определить основные аспекты содержания текста [16]. Как тематические фиксируются такие понятия, как *доктор, гражданская война, необходимость отстреливаться*. Проблематичными являются противопоставленные им следующие понятия: *нежелание убивать близких, своих, с красивыми лицами, невинных*. Именно в противопоставлении понятий, в обнаружении несоответствия потребностям говорящего и обнаруживается эмотивно-квалификативный компонент предложения. Оценочная лексика в этом плане способствует формированию и авторской позиции, где автор «сочувствовал», «любовался», выражал «жалость». С формальной точки зрения выразить позицию автора в тексте, а значит, и авторское отношение к сообщаемому, помогают такие способы как использование предложений с однородными членами, реализация обратного порядка слов, актуализация интонационного фактора.

Таким образом, несомненным представляется то, что на уровне контекста

квалификативные модусные категории участвуют в формировании авторского отношения к сообщаемому и выражении, конкретизации авторской позиции [18]. В основе квалификации в приведённых контекстах находится объективная оценка, основанная на объективном положении дел. К объективной проблемной ситуации присоединяется эмотивная квалификация, генерирующая субъективное отношение к сообщаемому посредством пропозиции-характеризации. К эмотивно-оценочной квалификации сообщаемого присоединяется также модальная квалификация, актуализированная в сложном предложении с однородными придаточными, которые являются грамматическими экспликаторами значения достоверности в сообщаемой адресату информации. Последний пример, не привнося в текст ярких квалификативно-смысловых компонентов, является, на наш взгляд, показательным в плане актуализации заявленной ранее эмотивно-оценочной квалификации и подтверждением факта репрезентации авторского отношения к сообщаемому.

Особенностью исследования квалификативных модусных категорий является то, что они отражают различные языковые и речевые аспекты, тесно взаимодействуют друг с другом и под влиянием контекста способны изменять собственное значение. Являясь принадлежностью модусного уровня предложения, они находят выражение в лексических единицах языка, зарождаются на уровне семантики слова и проявляются как в формальной сфере предложения (например, изменение порядка слов), так и на коммуникативно-интонационном уровне. Например: *Доктор лежал без оружия в траве и наблюдал за ходом боя. Всё его сочувствие было на стороне героически погибших белогвардейских детей. Он от души желал им удачи. Это были отпрыски семейств, вероятно, близких ему по духу, его воспитания, его нравственного склада, его понятий* (Б. Пастернак).

В первом предложении все слова употребляются в прямом значении, отсутствуют какие-либо коннотации. Однако уже

здесь зарождается проблематическая ситуация: «доктор наблюдает за боем» – значит, что-то привлекает его внимание; «без оружия наблюдает за боем» – значит, находится в опасности. Поэтому данное, на первый взгляд безоценочное предложение не лишено эмоциональных характеристик, актуализации эмотивного отношения, а именно эмотивной квалификации сообщаемого.

Во втором предложении речь идёт о сочувствии, то есть об «отзывчивом отношении к горю кого-либо» [5]. Эмоционально окрашенное слово является здесь основой для эмотивной квалификации сообщаемого, и сочувствие в данном случае обращено к «детям». Слово *дети* даётся в коннотативном значении, что усиливает эмотивную ситуацию. Эмотивная квалификативная рамка в этом предложении накладывается на связанные между собой событийную и логическую пропозиции.

В последнем примере эксплицитно представлены не только отдельные признаки квалификативных категорий эмотивности и модальности, но и их совместное взаимодействие. *Отпрыски* – устаревшее слово, имеющее значение «дети», оно является образом старой страны, с которой герой ведёт борьбу, но и с которой у него много общего. Несомненно, данная коммуникативная ситуация квалифицируется как эмотивная, выражающая чувства страдания и жалости.

Оценочная квалификация в этом предложении формируется повтором слов с этической оценкой: «нравственного склада», «воспитания». Данные оценочные компоненты не входят в номинативный минимум предложения, но составляют речематическую часть высказывания, то есть являются облигаторной целью высказывания. Квалификативная модусная категория модальности также эксплицитно проявляется в этом предложении при помощи слова *вероятно*. Но поскольку в предложении квалификативные модусные категории представлены доминирующим оценочным значением, то модальное значение достоверности корректируется в сторону

представленной оценки. Поэтому *вероятно* здесь употребляется не в значении «может быть», а в значении «скорее всего».

Подобное частное наблюдение позволяет вести речь об оценочности как об одном из основных квалификативных значений, тем более что оценка рассматривается нами в широком понимании: и лексически, и грамматически.

Исходя из анализа смыслового аспекта приведённых примеров, можно, на наш взгляд, утверждать, что для определения в предложении репрезентативных параметров квалификативной категории оценочности, следует отталкиваться от оценочной семантики слова, а затем, в зависимости от типа семантической структуры предложения и места в этой структуре оценочных факторов, определять факт оценочности или безоценочности самого высказывания. Для квалификативной категории эмотивности также значимой представляется семантика слова, однако мы установили, что эмотивность может формироваться и самой эмотивной ситуацией, то есть определяться общей и частной тематикой и проблематикой текста. Экспликация квалификативной категории модальности во многом определяется устройством диктумной и модусной частей предложений, а взаимодействие структурных частей эксплицирует фактор субъекта с его отношением к сообщаемому.

Лексико-грамматический аспект квалификативных модусных категорий

Ещё раз обратим внимание на лексико-грамматический аспект квалификативных модусных категорий, а именно на взаимодействие, взаимодополнение лексического и грамматического значений в определении данных категорий. Если эмоция – это «оценка положения вещей» [1, с. 75], то используются при этом как лексические, так и грамматические языковые средства. А неэмотивная лексика в контексте способна выражать эмотивную квалификацию сообщаемого. По мнению Ф. Данеша, «любое

высказывание эмоционально» [14, с. 274]. Например:

– *Ты знаешь, кто это? Один из лучших русских людей. Путешественник Миклухо-Маклай. Он был великий учёный и верил в добрую волю людей. Он жил один среди людоедов на Новой Гвинее. Безоружный, умирающий от лихорадки* (К. Паустовский).

В начале отрывка после вопросительного знака фиксированы два повествовательных предложения: первое выражает общеоценочную квалификацию предмета речи, второе – его наименование. Общая оценка в первом предложении поясняется словом *русских*, то есть подчёркивается заслуга учёного перед своей нацией. Второе предложение поясняет предыдущую общую оценку компонентом *путешественник*. В следующем предложении собственно структурная схема не выражает оценочной квалификации сообщаемого, оценочность высказывания формируется неструктурными элементами – атрибутами *великий* и *добрую*. Далее фиксируется эмотивная квалификация сообщаемого, которая базируется на несоответствии положительной оценки путешественника и людоедов, среди которых Миклухо-Маклай жил.

В последнем, неполном в структурном аспекте предложении эмотивная квалификация соединяется с оценочной в предикатах: *безоружный* и *умирающий от лихорадки*.

Приведённый контекст даёт возможность не только обозначить квалификативные модусные категории, но и уточнить их значение. То, что Миклухо-Маклай жил среди людоедов на далёком острове, вызывает эмоции и говорящего, и адресата, являясь проявлением эмотивной ситуации. Однако, чтобы определить эмотивное значение, которое формирует эмотивная ситуация, нужно учитывать контекстуальный фактор. Например, чтобы определить степень чувств страха, печали или удивления, которые выражает говорящий, необходимо рассматривать предложение в контексте и с учётом текстовых категорий.

Достаточно часто эксплицитная квалификативная категория эмотивности помо-

гает в контексте определить имплицитное эмотивное значение предложений, функционирующих как показатель эмотивной ситуации: – ... *Но он сумел сделать столько добра дикарям и проявить столько терпения, что, когда за ним пришёл наш корвет «Изумруд», чтобы увезти его в Россию, толпы дикарей плакали на берегу, протягивали к корвету руки и кричали: «Маклай, Маклай!» Так вот, запомни: добротой можно добиться всего* (К. Паустовский).

В начале сложного предложения фиксируется расширенная номинативная структура с оценочными компонентами (*добра, терпения*), семантика которых усиливается наречием *столько*. Таким образом, к собственно оценочной квалификации сообщаемого прибавляется оценочная квалификация, основанная как на контекстном несоответствии для говорящего и адресата героя повествования и дикарей, так и на формальном усилении оценочных слов (*столько*) в семантической структуре предложения. Этому же способствует фиксация эмотивно-оценочной структуры с количественной оценкой *толпы дикарей* и эмотивной квалификации *плакали*. Данная семантическая структура осложняется пропозициями *протягивали руки, кричали*, а модус данного предложения («столько добра и столько милосердия») квалифицирует диктум на уровне параметра информативной достоверности. С позиции квалификативной категории модальности диктум в предложении притягивается к модусу [10] и квалифицирует пропозицию по основному значению достоверности или недостоверности [17]. Последнее предложение контекста наглядно передаёт эксплицированный модус (*запомни*), который квалифицирует диктум (*добротой можно добиться всего*) как достоверный. В диктумной части предложения имеется оценочный компонент *добротой*, занимающий препозициональное положение, также усиливающий субъективный характер высказывания.

Что касается эмотивного слоя модусно-го смысла в приведённом отрывке, то не везде указанный слой эксплицитен, о чём

уже говорилось ранее. Контекст в данном случае способствует пониманию того, что при развитии эмотивной ситуации, когда сообщается о жизни путешественника среди людоедов, эксплицируется эмотивное значение не страха, а сожаления, так как дальше эксплицируются яркие эмоции, передающие страдание героя («безоружный», «умирающий от лихорадки»). Положительная оценка героя формируется в контексте также противопоставлением его положительной характеристики и отрицательной ситуации, в которой он оказался и изменил эту ситуацию к лучшему.

Заключение

Сказанное позволяет сделать заключение относительно того, что квалификативные модусные категории оценочности, эмотивности и модальности на уровне контекста, по нашему мнению, последовательно участвуют в формировании авторского отношения к сообщаемому и проявлении авторской позиции в тексте. В основе модусной квалификации сообщаемого, как правило, находится объективно-авторская оценка, которая в предложении репрезентируется как значимая, сами же субъективные оценки нередко взаимодействуют со смысловым планом эмоционального отношения субъекта, показывающим истинность намерений говорящего. Истинность же и достоверность, в свою очередь, являются основой прагматической экспликации фактора речевого субъекта, проявления личностного оценочного мнения на коммуникативном уровне. Поэтому с семантической точки зрения заявленная последовательность по степени значимости при описании квалификативных модусных категорий представляется весьма перспективной. Контекст же, как нам думается, может быть признан одним из значимых способов экспликации квалификативных модусных категорий.

Статья поступила в редакцию 20.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Либроком, 2019. 384 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель; Ред., вступ. статья и примеч. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
4. Белошапкова В. А. Современный русский язык. М.: Альянс, 2016. 928 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Либроком, 2010. 278 с.
7. Грамматика современного русского литературного языка / С. Н. Дмитренко и др.; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
8. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во МГУ, 1972. 198 с.
9. Нагорный И. А. К вопросу о функционально-категориальных характеристиках русских частиц: утверждение-отрицание и модально-оценочная квалификация сообщаемого // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. №7 (228). Вып. 29. С. 28–36.
10. Нагорный И. А. Грамматико-коммуникативные функции частиц в речевой сфере // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 38. №3. С. 369–378.
11. Шаховский В. И., Жура В. В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002. №5. С. 38–56.
12. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
13. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск: Изд-во КГУ, 1988. 47 с.
14. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field. In: Preprints of the Plenary Session Papers: XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL, Berlin 10–15. August, 1987. Berlin, 1987, pp. 272–291.
15. Givon T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. Hillsdale; New Jersey; London, 1989. 456 p.
16. Kaplan D. DTHAT. In: Syntax and Semantics. Vol. 9 / Ed.by P. Cole. New York, Academic Press, 1978.
17. Ramsey F. P. Facts and Propositions. In: Truth / Ed.by G. Pitcher. New Jersey, 1964, pp. 16–17.
18. Smullyan A. F. Modality and Description. In: Journal of Symbolic Logic, 1948, Vol. 13, pp. 31–37.

REFERENCES

1. Апресян Ю. Д. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of language]. In: *Izbrannyye trudy. T. 1* [Selected works. Vol. 1]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995. 472 p.
2. Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning. Logical-semantic problems]. Moscow, Librokom Publ., 2019. 384 p.
3. Bally Sh. *Linguistique Générale et questions de langue française* (Russ. ed.: Budagov R. A., Ventzel E. V., Ventzel T. V., transl. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka*. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury Publ., 1955. 416 p.).
4. Beloshapkova V. A. *Sovremennyyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Al'yans Publ., 2016. 928 p.
5. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of Russian language] / Comp., chief edit. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.
6. Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 278 p.
7. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The grammar of modern Russian literary language] / S. N. Dmitrenko et al.; chief ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1970. 767 p.
8. Lomtev T. P. *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii* [The sentence and its grammatical categories]. Moscow, Moscow State University Publ., 1972. 198 p.
9. Nagornyi I. A. [The question of the functional-categorical characteristics of the Russian particle: assertion-negation and modal and evaluative qualifications reported]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo*

- gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 7 (228), Issue 29, pp. 28–36.
10. Nagorny I. A. [Grammatical and communicative functions of particles in the field of speech]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2019, Vol. 38, no. 3, pp. 369–378.
  11. Shakhovskii V. I., Zhura V. V. [Deixis in the field of emotional speech activity]. In: *Voprosy yazykoznaniiya*, 2002, no. 5, pp. 38–56.
  12. Shakhovskii V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p.
  13. Shmeleva T. V. *Semanticheskii sintaksis* [Semantic syntax]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1988. 47 p.
  14. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field. In: Preprints of the Plenary Session Papers: XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL, Berlin 10–15. August, 1987. Berlin, 1987, pp. 272–291.
  15. Givon T. *Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics*. Hillsdale; New Jersey; London, 1989. 456 p.
  16. Kaplan D. DTHAT. In: *Syntax and Semantics*. Vol. 9 / Ed. by P. Cole. New York, Academic Press, 1978.
  17. Ramsey F. P. Facts and Propositions. In: *Truth* / Ed. by G. Pitcher. New Jersey, 1964, pp. 16–17.
  18. Smullyan A. F. Modality and Description. In: *Journal of Symbolic Logic*, 1948, Vol. 13, pp. 31–37.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилинского университета (Китайская Народная Республика);
e-mail: ignago7@outlook.com

Ивницкий Евгений Иванович – аспирант кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета;
e-mail: ewgen12.ivnitzkij@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Professor, Institute of Foreign Languages, Jilin University (China);
e-mail: ignago7@outlook.com

Evgeny I. Ivnitky – Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University;
e-mail: ewgen12.ivnitzkij@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагорный И. А., Ивницкий Е. И. Контекст как способ экспликации квалификативных модусных категорий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 15–23.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-15-23

FOR CITATION

Nagorny I. A., Ivnitky E. I. The context as a way of explication of qualifying modus categories. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 15–23.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-15-23

УДК 811.161.1,373

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-24-36

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПОЭТИЧЕСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Попович О. А.¹, Крылова Н. Ф.²

¹Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова
140008, Павлодар, ул. Ломова, д. 64, Республика Казахстан

²Государственный университет управления
109542, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99, Российская Федерация

Аннотация.

Целью работы является описание особенностей функционирования имен собственных в поэтическом тексте Булата Окуджавы – известного поэта XX века, основоположника такого явления русской культуры, как авторская песня.

Процедура и методы исследования. Рассматриваются антропонимы тематического поля «Исторические и политические деятели», используемые автором в поэтическом тексте и имеющие в качестве своего референта реальное лицо, т. е. человека, живущего или жившего в реальном мире.

Результаты. Проведённое исследование показало, что анализируемая группа онимов отражает ключевые фигуры русской и мировой истории и культуры, а также знаковые фигуры того времени, в котором жил сам автор. За каждым именем стоит мировоззрение, мироощущение, система взглядов поэта.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в разработке методики интегрированного изучения дисциплин в вузе.

Ключевые слова: лингвистика текста, литературная ономастика, поэтоним, ономастикон, индивидуально-авторская картина мира

PRECEDENT NAMES IN THE POETIC ONOMASTICON OF BULAT OKUDZHAVA: HISTORICAL AND POLITICAL FIGURES

O. Popovich¹, N. Krylova²

¹S. Toraigyrov Pavlodar State University
64 Lomova ul., Pavlodar 140008, Republic of Kazakhstan

²State University of management
99 Ryazanskiy Prospekt, Moscow 109542, Russian Federation

Abstract.

The aim of the work is to describe the functioning of proper names in the poetic text of Bulat Okudzhava – a famous poet of the twentieth century, the founder of such a phenomenon of Russian culture as the author song.

Methodology. We consider the anthroponyms of the thematic field “Historical and Political Figures”, used by the author in a poetic text and having a real person as his referent, i.e. a person living or lived in the real world.

Results. The analyzed group of precedent onyms represents key figures of Russian and world history and culture, as well as iconic figures of the time in which the author lived. Behind each name is a worldview, attitude, belief system, code of ethics.

Research implications lies in the fact that the results of the study can be used to develop methods for the integrated study of disciplines in a university.

Keywords: linguistics of the text, literary onomastics, poetonym, onomasticon, individual author's picture of the world

Введение

В современной науке не ослабевает интерес к изучению имени собственного. Ономастические исследования привлекают учёных разных направлений и традиций. Одним из актуальных направлений современной ономастики является изучение функционирования имени собственного в языке художественной литературы. Широко известны слова В. В. Виноградова о том, что «вопрос о подборе имён, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образцах, характеристических функциях и т. п. не может быть иллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [1, с. 38].

В середине прошлого века начала формироваться новая наука, объектом исследования которой являются собственные имена в произведениях художественной литературы. Данная наука ещё не имеет одного, устоявшегося названия. Чаще всего её называют литературной ономастикой, но известны и другие названия: литературно-художественная ономастика, стилистическая ономастика, поэтическая ономастика, поэтонимология, поэтика онама, или именология. Наверное, этот ряд можно и продолжить.

В настоящее время наука активно развивается, о чём говорят многочисленные исследования учёных. Целый ряд работ посвящён истории формирования литературной ономастики [4; 12; 14]. Так, А. А. Фомин считает, что можно говорить по меньшей мере о четырёх линиях развития науки о литературной ономастике: философском, логическом, литературоведческом и лингвистическом [14].

Интересуют учёных как общие проблемы литературной ономастики [7; 13; 3;

15; 6], так и особенности использования собственных имён конкретными авторами [9; 11; 2; 10; 5] либо в определённых текстах [8]. Исследуются семантика имён, структурная организация ономастического пространства, стилистические функции онимов, их ассоциативные связи, соотношённые с реализацией конкретного образа, авторской позиции, замысла произведения и многое другое.

О. И. Фоякова выделяет несколько актуальных направлений анализа онимов в художественном тексте: по объекту изучения (текстовое – внетекстовое); по охвату ономастического пространства художественного текста (полный – дифференциальный); по соотношённости с семантической композицией художественного текста (ономастический – ономапоэтический); по характеру коннотаций (стилевые – внестилевые / внутренние – внешние); по содержанию внетекстовой информации (лингвистический – внелингвистический); по типам системных связей имён собственных в художественном тексте (парадигматический – синтагматический); по аспектам семантико-стилистического анализа онимов (структурный – функциональный) [15].

В рамках литературной ономастики важной также является проблема использования в художественном тексте прецедентных имён. Данная группа имён, как правило, отражает ключевые фигуры русской и мировой истории и культуры, а также знаковые фигуры того времени, в котором жил сам автор. Употребляя то или иное имя, автор тем самым показывает свою сопричастность, своё отношение, приятие или неприятие действий, поступков той или иной личности.

Литературное имя собственное, являясь функционально-семантическим словесным знаком, в пространстве художествен-

ного текста служит для индивидуализации и характеристики единичных объектов художественной действительности. Не вызывает сомнения и тот факт, что отбор и включение проприальной лексики в пространство художественного текста – процесс целенаправленный, служащий адекватному выражению авторских интенций.

В данной работе предпринята попытка описания особенностей функционирования имён собственных в поэтическом тексте Булата Окуджавы – известного поэта XX века, чьё творческое наследие невозможно отделить не только от такого явления русской культуры, как авторская песня, но и от литературы второй половины XX столетия в целом.

Исторические и политические деятели в ономастическом пространстве поэзии Булата Окуджавы

Антропонимы, используемые автором в поэтическом тексте и имеющие в качестве своего референта человека, живущего или жившего в реальном мире, представлены 198 языковыми единицами. Данную группу составляют несколько тематических полей, одним из которых является поле «Исторические и политические деятели». Каждое имя этой группы отражает мироощущение автора, его морально-этический кодекс.

Тематическая группа «Исторические и политические деятели» представлена 19 персоналиями: Александр Македонский, Цезарь, Жанна д'Арк, Зигмунт (король Польский), Наполеон, Лумумба, Пётр I, Павел I, Александр I, Аракчеев, Лунин (декабрист), Распутин, Ленин, Сталин, Молотов, Берия, Будённый, Руслан Хасбулатов, Георгий Саакадзе.

Большинство онимов относится к однословным наименованиям: фамилии (*Пушкин, Лунин*), а также слова, воспринимаемые как фамилии (*Ленин, Сталин, Цезарь*); имена, отчества (*Ильич*). Один оним является местоимением, получившим в поэтическом тексте статус имени собственного (*Самого* – о Сталине).

4 онима представляют двухсловную модель: сочетание имени и отчества *Иосиф Виссарьоныч*, сочетание имени и порядкового числительного *Павел Первый*, принятое при именовании правителей, императоров и т. д., сочетание личного и родового имени *Жанна д'Арк*, сочетание имени и когномена *Александр Македонский*.

Имя Ленина встречается в 3-х поэтических текстах Б. Окуджавы. Эти произведения относятся к его раннему творчеству. В поэме, посвящённой великому учёному – основателю космологии К. Циолковскому, «Весна в октябре» (1954 год) Ленин не является центральным образом. Имя в тексте употребляется лишь один раз в составе обособленного определения: *Калуга дышала // морозцем октябрьским // и жаром декретов, // подписанных Лениным*.

Несмотря на то, что в данном случае имя занимает на уровне синтаксиса функцию второстепенного члена, в семантическом пространстве текста его можно рассматривать в качестве ключевого компонента. В тексте чётко противопоставлены два концептуализированных хронотопа – хронотоп прошлого, дореволюционного времени, и хронотоп настоящего, обращённого в будущее. Концепт «Настоящее» репрезентируется на поверхностном уровне текста через лексемы нескольких пересекающихся в тексте тематических групп: *надежда, поддержка, новизна, дыхание, весеннее, весна; костры, пламя, свобода, красноармейцы, октябрь, Ленин; свет, звёзды, Луна* и др.

В стихотворении «Моё поколение» (1953 год) Ленин является одним из центральных образов произведения. Имя Ленина употреблено в тексте 6 раз (антропонимы *Ленин, Ильич*), оно используется почти в каждой строфе (в 3 или 4 строчке). В 3-й строфе, где отсутствует имя собственное, используется местоименная замена (*его*), в 7 строфе фигурирует апеллатив *ленинцы*.

Антропоним *Ленин* выполняет текстообразующую функцию и репрезентирует один из основных концептов текста. Содержание концепта в тексте раз-

ворачивается по двум смысловым векторам: Ленин – вождь революции (посылал матросов к Зимнему, с его именем сражались под Перекопом и Кронштадтом и т. д.); Ленин – идеал, пример для подражания (о нём рассказывали, как о самом большом и светлом, ему стараются подражать и т. д.).

Концепт «Ленин» соотносится с базовым концептом текста – концептом «Поколение». Данный концепт репрезентируется уже в названии стихотворения («Моё поколение»), т. е. вынесен в сильную позицию текста. В композиционной структуре стихотворения взаимодействуют образы двух поколений – поколения людей, участвовавших в революции и знавших, видевших Ленина (*Герои того сурового племени, овеванные революции ветром; тем, кого посылал он к Зимнему, руки кому пожимал горячо; в молчанье торжественно его провожала* и т. д.), и поколения лирического героя, противопоставленного поколению революционеров, так как родилось позже и не участвовало в исторических событиях, не видело Ленина (*Не на наших глазах совершалось начало; не видело Ленина моё поколение; Не нас посылал он с матросами к Зимнему*). Образ своего поколения автор раскрывает через то, что это поколение не делало, но то, что для этого поколения является очень важным. Ленин представлен в поэтическом тексте как символ эпохи, связующее звено, идеал, который объединяет людей разных поколений. Концепт «Ленин» входит в структуру базового концепта «Поколение». Отметим также, что данный концепт является очень важным в концептуальном пространстве всего творчества Б. Окуджавы. Само слово *поколение* встречается в стихотворениях Окуджавы неоднократно: *Он приходит, простой и любимый, // сквозь все поколения* («Ленин»); *В ногу, поколение моё* («Здравствуй, жизнь!»); *Вымирает моё поколение; глядит и глядит на нас // идущее за нами поколенья* («Я ухожу от пули...»); *И грядущим поколеньям, // обожжённым нетерпеньем, // тоже это предстоит* («Почему мы исчезаем...»); *Через два поколения выйдут на*

свет // люди, которых сегодня нет. Концепт «Поколение» представлен и в текстах, где он репрезентируется при помощи других языковых единиц, иногда – при помощи символов, аналогий и т. д.

В стихотворении «Ленин» (1955 год) антропоним репрезентирует базовый концепт текста. Имя используется в тексте дважды – в сильной позиции текста, в его названии, и в последних строках стихотворения.

Структурная организация текста соотносима с конструкцией именительного темы, фигурой речи, где существительное, называющее тему, стоит в форме именительного падежа и отделяется от последующего текста (в данном случае – точкой). В самом тексте предмет речи не называется, а используется местоименно-синонимическая замена, ср.: *Мы приходим к нему за советом; Он выходит навстречу; знакомый его говорок; Мы встречаемся с ним ежедневно; хоть на миг без него; разве мы не приходим к нему*.

В отличие от предыдущего стихотворения образ Ленина в данном тексте конкретизирован, он раскрывается через описание конкретной, хотя и предполагаемой, вымышленной ситуации (встреча, беседа с Лениным), которая является типичной, повторяющейся (*приходим утром, в полдень, в полночь, встречаемся с ним ежедневно*). В тексте, вероятно, речь идёт не столько о реальном общении с Лениным, сколько об обращении к его идеям, книгам (*чтобы силу извлечь // из испытанных временем книг*), которое получило в тексте форму конкретных образов, ситуации, выведенной за пределы актуального времени (*Он приходит... // сквозь все поколения*).

Содержание концепта «Ленин», представленное в данном тексте, включает следующие компоненты:

1) описание внешности, характеристика действий (*аккуратен, собран, невысокого роста, приветлив, скромно одет, жмёт руку, смотрит знакомо и добро, его голос входит в самое сердце, простой и т. д.*);

2) Ленин в жизни людей (*мы приходим к нему за помощью, «извлечь силу»; всё, что создано нами прекрасного, великого,*

создано с Лениным; любимый; он приходит сквозь все поколения).

Перечисленные выше смысловые компоненты выводятся в тексте через соотношение «он – мы»: *мы приходим, он выходит, мы встречаемся, разве мы не приходим, создано нами – создано с Лениным, он приходит*. В первой части стихотворения перечисляются более конкретные характеристики образа, в последней – актуализируется его масштабность.

В тексте коммуникативная модель «он – мы» основана на противопоставлении: «он» не включён в «мы». Несмотря на всю позитивность, идеальность образа Ленина, на то, что «мы приходим к нему», на грамматическом уровне образ Ленина дистанцирован от образа, который выражен местоимением «мы», включающего в себя лирического героя.

Во всех текстах присутствует ярко выраженная положительная коннотация данного образа. Антропоним *Ленин* отражает один из ключевых компонентов в семантической структуре текста.

В поэтическом тексте «Лунин в Забайкалье» антропоним *Лунин* также репрезентирует центральный образ стихотворения. Михаил Сергеевич Лунин – декабрист, а образы декабристов неоднократно встречаются у Б. Окуджавы. Однако в поэтических текстах нами был обнаружен только один индивидуализированный образ, представленный под своим собственным именем.

В тексте антропоним *Лунин* встречается только один раз, и то в названии стихотворения, которое по своей структуре представляет собой эллиптическое предложение – *Лунин в Забайкалье*. В самом тексте для называния образа используются личные местоимения. Название *Лунин в Забайкалье* носит пропозициональный характер, оно определяет не только тему речи, её предмет, но и целую ситуацию. Причём топоним *Забайкалье* в сочетании с антропонимом называет не только пространство как таковое, он определяет и время (после декабрьского восстания), и то, что происходит в это время и в этом

пространстве – это время и место ссылки и тюремного заключения М. Лунина. В названии стихотворения, в силу его пропозициональности, задаются определённые художественные пространство и время – «не здесь» и «не сейчас». В первой строфе создаются иные художественные время и пространство – «здесь» и «сейчас».

Коммуникативная модель анализируемого текста проявляется, в первую очередь, через особенности употребления прономинальных единиц. Использование антропонима в названии предполагает дальнейшую местоименно-синонимическую замену, в первую очередь местоимением 3-го лица «он». В тексте же использовано местоимение 2-го лица «вы» в функции вежливого обращения к одному лицу, т. е. Лунин представлен уже как мыслимый собеседник лирического героя. Необходимо отметить, что диалогичность текста проявляется на разных языковых уровнях, с помощью следующих средств: на уровне морфологии использование местоимения 2-го лица, глаголов в форме 2-го лица повелительного наклонения (*скажите, ступайте*), на уровне синтаксиса – использование обращения (*о вы, неудачник опасный*), побудительных и вопросительных предложений и т. д.

Прономинальные единицы в данном тексте играют важную роль и в реализации идейно-композиционного замысла стихотворения. Коммуникативная модель текста строится на соотношении местоимений «вы» – «мы», в котором «вы», репрезентирующее центральный образ, не противопоставлено «мы», подразумевающему лирического героя и ещё кого-либо, а включено в него.

Поэтический текст состоит из шести строф. В первых двух, а также в последних двух строфах употребляется местоимение «вы», в третьей и четвёртой строфе – местоимение 1 лица, при этом «мы», включая в себя и лирического героя, и центральный образ, носит обобщённый характер. *Чем медленней мы – тем старше* – в этом предложении *мы*, наверное, подразумевает любого, каждого и т. д.; *Отвага нас детская*

мучит – в данном случае *нас*, всего скорее, подразумевает не любого, каждого, а лирического героя, Лунина, и всех других, таких же, как они (так же, как и в строке *Пора бы собой дорожить*, в которой местоимение опущено, но его значение подразумевается). Таким образом, через изменение коммуникативной модели, переход от местоимения *вы* к инклюзивному *мы* выражено авторское отношение к герою, определена их общность.

К четвёртой строфе смещается вектор внутреннего пространства текста: *Отвага нас детская мучит, / в кирпич кулачками стучит* – в этих строках лирический герой обращается не столько к декабристу Лунину, говорит не столько о нём, сколько о себе самом. Звучит характерная для Окуджавы горькая самоирония: вместе с «отвагой» – ощущение трагизма, осознание бесполезности, несущественности своих действий.

В следующей строфе происходит возвращение к прежней коммуникативной модели. Обращает на себя внимание количественное распределение личных местоимений в структуре текста. Если в первых шести строках обнаруживается однократное употребление прономенов *вы*, *мы*, то в последней части стихотворения местоимение *вы* используется в трёх строках подряд: *Неужто что было, то было? // И гвардия вас позабыла, // и даже не снитесь вы ей. // А чем же вы это опасны?* В предпоследней строфе за счёт повтора местоимений, уменьшения количества строк, за счёт звукописи увеличивается смысловая и эмоциональная плотность текста. В этой строфе, на наш взгляд, происходит максимальное обострение внутреннего конфликта, разрешение которого происходит в последней строфе.

Восьмая, последняя строфа – это главный вопрос лирического героя, на который он сам же и пытается дать ответ: *А чем же вы это опасны? // Наверное, тем, что прекрасны // и тем, что, наверно, пристрастны // в любви к отчизне своей.*

Этот ответ представляет собой не только главную характеристику центрального

образа, но и является квинтэссенцией мировоззрения автора.

Имя Сталина встречается в четырёх поэтических текстах Б. Окуджавы. В стихотворении «Стоит задремать немного...» (1979 год) имя *Сталин* употребляется три раза: два раза во второй строфе и один раз в последней, десятой строфе; в первой строфе в функции имени собственного выступает местоимение *Самого*.

По внешней форме стихотворение переключается с поэмой А. Твардовского «Василий Тёркин» (возможно, что стихотворение в какой-то степени является стилизацией): тот же ритм, диалогичность текста, стилистические приёмы, повторяющееся обращение *Нет, ребята* и т. д.

Стихотворение носит обличительный характер, в нём прослеживаются элементы сатиры, гротеска. Гротескная форма задаётся уже с первых строчек стихотворения, где ситуация определяется не как реальная, а как вымышленная – ситуация сна, дремоты. Стилистический тон стихотворению задаёт глагол *задремать*: *Стоит задремать немного, // сразу вижу Самого.*

Содержание базового концепта складывается из компонентов, выводимых на разных уровнях текста. В стихотворении практически не используются прямые характеристики главного персонажа. Образ раскрывается через гротескную форму при помощи ряда приёмов: использования апеллятива в функции онима, антитезы, гиперболы, литоты, образного перифраза, метафоры, риторических вопросов, условно-следственных конструкций, соединения разностилевых единиц.

Антропоним, репрезентирующий базовый концепт, вступает в тексте в синтагматические отношения с другими языковыми единицами, представляющими горизонтальный контекст, которые также выполняют номинативную функцию, но при этом содержат характеристику главного персонажа: *Сталин, Сам, лик всей страны, усатый сокол.*

Образ Сталина вводится в поэтический текст не при помощи официального имени (псевдонима), а посредством имени

собственного, представляющего собой результат *онимизации* апеллятива – определительного местоимения *Сам* в значении существительного. В данном употреблении местоимение является просторечным и имеет значение ‘хозяин, глава (дома, семьи, предприятия, учреждения и т. д.)’.

Таким образом, апеллятив, перешедший в разряд онимов, становится не только наименованием центрального персонажа, но и его характеристикой.

Стилистическая и лексическая корреляция онима *Самого* со словом *собутельнички* обуславливает сниженный характер образа: потенциальные семы слова *собутельнички* – ‘невысокий социальный статус’, ‘уровень культуры, поведения’ и т. д. – в результате наличия в нём семы совместности распространяются и на главного персонажа.

Во второй и третьей строфе при помощи гиперболы в гротескной форме показывается всемогущество Сталина. Во второй строфе антропоним используется два раза в составе бессоюзных сложных предложений с условно-следственными отношениями, построенных по принципу синтаксического параллелизма, первая часть сложного предложения называет какое-либо незначительное физическое действие персонажа, вторая часть называет следствия этого действия: *Сталин трубочку раскурит // станут листья опадать. // Сталин бровь свою нахмурит – // трём народам не бывать... // А усы в вине намочит – // все безудержно пьяны*. Власть Сталина распространяется и на природу, и на целые народы. Образ Сталина противопоставляется образу народа: *Что ничтожный тот комочек // перед ликом всей страны?* Образ Сталина масштабен, но масштабен он своей разрушительной силой.

Для создания гротескного образа на фоне разговорной лексики автор использует слова, относящиеся к поэтическому языку: *лик* в традиционно-поэтическом значении, а также слово *сокол*, являющееся в русском фольклоре и древнерусской литературе символом воина-героя, богатыря

и т. д. В сочетании с прилагательным *усатый* выражение принимает комический характер: *И летал усатый сокол // целый мир вгоня в дрожь*.

В четвёртой строфе возникает образ эпохи, гротескная форма постепенно исчезает, ситуация сна постепенно переходит в ситуацию реальной действительности. Разговаривая с предполагаемым оппонентом, лирический герой приводит аргументы, позволяющие ему в последней строке сделать свой вывод. Образ Сталина рассматривается через призму эпохи, народа и его истории. Да, с именем Сталина ходили на врага, в народе жива любовь к нему, однако вина Сталина не вызывает у лирического героя никакого сомнения: *нас гонял по лагерям; но ведь и друг дружку били; А дороги чем мостили; Сталин очень виноват*.

Образ Сталина – один из самых сложных и противоречивых в русской истории. Внимание к Сталину в творчестве Б. Окуджавы не случайно. Его родители были коммунистами, принадлежали к партийной элите. И мать, и отец были репрессированы. Отец – расстрелян, мать дважды отбывала наказание.

В стихотворении «Сталин Пушкина листал...» (1979) используется ономастическая лексика, принадлежащая к разным разрядам и тематическим группам: имена политических деятелей (*Сталин, Иосиф Виссарионович, Берия*), имена писателей (*Пушкин, Байрон*), ойконим *Москва*.

В тексте используется кольцевая композиция, которая проявляется на уровне коммуникативной модели текста. Стихотворение начинается с описания лирическим героем конкретной ситуации (Сталин листает Пушкина, пытаюсь понять суть), ситуация воспринимается как внешняя по отношению к лирическому герою, образ Сталина представлен в позиции 3 лица «он». Во второй строфе происходит изменение модели за счёт использования глагольной формы 2-го лица *увидишь* в обобщённом значении: *я, ты, он, любой не увидит*. Последующие пять строф – это рассуждения лирического героя о

Пушкине, причём в трёх строфах высказывания воспринимаются как собственный голос лирического героя, в последующих двух строках происходит изменение стилистической окраски текста, в голосе лирического героя звучит ирония: он мыслит уже не своими категориями, а категориями представителей власти (*Может, он – шпион английский, // если с Байроном дружил; Впрочем, может, был агентом // эфиопского царя?..*), в результате рассуждения лирического героя воспринимаются как рассуждения самого Сталина. Заканчивается стихотворение также описанием конкретной ситуации, образ Сталина возвращается в позицию 3 лица «он»: Москва, полночь, «Иосиф Виссарионович не ложился почивать», не поняв «вольный дух поэта», он распорядился вызвать к себе Берию.

Композиционная структура стихотворения строится на противопоставлении двух образов – Сталина и Пушкина, это противопоставление задаётся уже в первой строфе: *Сталин Пушкина листал, // суть его понять старался, // но магический кристалл // непрозрачным оставался.* Пушкинская реминисценция «магический кристалл» не только создаёт гротескную ситуацию, но и становится основой противопоставления образов.

Выражение Пушкина «магический кристалл» («Евгений Онегин») основано на одном из способов гадания посредством «магического кристалла». В тексте Пушкина выражение воспринимается в метафорическом значении, как символ поэтического воображения.

В стихотворении Окуджавы действия Сталина больше связываются с использованием магических средств, через которые он пытается увидеть то, что от него сокрыто. В результате образ Сталина получает сниженный характер, а его магическая практика, воспринимаемая как нечто, относящееся к тёмным, древним силам, оказывается противопоставленной светлomu и высокому – поэтическому воображению поэта. Это поддерживается на лексическом уровне, ср. контекстуально антонимичные лексемы *непрозрачный, тьма и душа.*

Также если автору «Евгения Онегина» образы являются и «даль свободного романа» сквозь магический кристалл он различал, пусть ещё и неясно, то магический кристалл Сталина остаётся непрозрачным, и, кроме тьмы, он различить больше ничего не может.

Сниженный характер образа Сталина также проявляется через использование разговорной формы отчества в составе двухсловного имени – *Иосиф Виссарионович*, который в сочетании с устаревшим, почти полным *почивать* создаёт иронический и, наверное, комический оттенок.

Таким образом, содержание концепта выводится из:

1) прямого значения фраз, характеризующих персонажа, например: *увидишь... // Тьму – и больше ничего, // но не душу стихотворца* – неспособность видеть душу поэта, видит тьму; *Всё он мог: и то, и это, // расстрелять, загнать в тюрьму* – обладающий беспредельной властью; *только вольный дух поэта // неподвластен был ему* – его власти не подчиняется вольный дух поэта;

2) потенциальных смыслов, логических выводов, например, факт использования магических средств, способствует характеристике образа как имеющего отношение к чему-то тёмному, древнему и низкому, а неспособность видеть душу поэта, способность видеть только тьму, плохое владение оккультными практиками указывает на ограниченность личности: *Может, он – шпион английский, // если с Байроном дружил?; Впрочем, может, был агентом // эфиопского царя?* – видит во всех, кто ему непонятен, врага; ограниченность мышления (так как неправильно делает логические выводы);

3) стилистической окраски текста (использование разговорного варианта имени, разговорной лексики).

Также сам факт противопоставления Сталина Пушкину является важным смысловым компонентом в структуре концепта.

В последней строке стихотворения возникает образ Берии, одного из главных организаторов «сталинских» репрессий –

Сталин, так и не поняв душу поэта, видимо, решил разобраться с ним (или с ней) при помощи репрессивных мер. Появление образа Берии создаёт ощущение абсурдности описываемой ситуации.

В стихотворениях «Моё поколение» (1953 год) и «Калужская фантазия» (1989 год) образ Сталина не является центральным. В первом стихотворении имя Сталина употребляется в последней строчке (*высшее счастье – быть коммунистами // такими, как Ленин, такими, как Сталин*) и не выявляет никаких смысловых связей в семантическом пространстве текста. В стихотворении «Калужская фантазия» имя Сталина используется в одном ряду с другими антропонимами: *Там вожди на мавзолее: Сталин, Молотов, Будённый, // и ладошками своими скромно машут: нет-нет-нет...*

Имя Павла I встречается в двух стихотворениях Б. Окуджавы. В стихотворении «Как я сидел в кресле царя» (1962 год) антропоним *Павел Первый* употреблён 4 раза в стихах, звучащих рефреном: последние две строки первой строфы Я – *Павел Первый, тот, который// сидит России во главе*, четвёртой и шестой Я ж *Павел Первый.// Мне бунт устраивать нельзя*, и восьмой строфы Я – *Павел Первый.// Мне бунтовать никак нельзя*.

Имя употребляется в одной и той же конструкции и называет предикативный признак подлежащего, выраженного местоимением 1 лица единственного числа. Таким образом, в тексте происходит отождествление образа Павла I с образом лирического героя, являющегося субъектом речи. В стихотворении создаётся образ человека, призывающего к свободе, сопротивлению, бунту, но который, в силу своего положения, не может участвовать в этом бунте.

Образ Павла I также встречается в стихотворении «Зной», где кроме имени Павла употребляется целый ряд связанных друг с другом онимов: ойконимы *Питер, Петергоф, Павловск*, антропонимы *Петр, Пушкин*. В тексте имя употреблено в словосочетании *причуды Павла*, которое

называет характеризующую пропозицию – Павел I зачастую воспринимался современниками как странный человек, о его причудах ходили легенды, его странности раздражали, некоторые считали его безумным и т. д.

В аналогичной конструкции в данном стихотворении также используется имя Петра I. В словосочетании «*плоть Петра*» существительное *плоть* становится многозначным символом. Это и конкретный предмет, орудие наказания, и выражение жестокости Петра I, его темперамента, и в то же время тех усилий, с которыми ему приходилось менять свой народ. Возможно, что существительное *плоть* в большей степени выражает эмотивные смыслы, нежели указывает на какие-либо качества, действия и т. д.

Образы Павла и Петра в данном стихотворении – это образы не столько конкретных людей, сколько «образы образов». Будучи представителями прошлого, они обнаруживают себя во времени настоящем. Возникающие в воображении лирического героя, эти образы «проплывают и парят»: *Прямо перед паровозом проплывают и парят // Павловска перрон пустынный, // Петергофа плен прекрасный, // плоть Петра, // причуды Павла, // Пушкина пресветлый взгляд*. Данные образы играют важную роль в организации художественного пространства и времени поэтического текста.

Имя русского императора Александра I и императора Бонапарта Наполеона используется в стихотворении «Вот Тюрингии столица...».

В столице Тюрингии, городе Эрфурте, осенью 1808 года проходили переговоры между Наполеоном и Александром I. Ойконим *Эрфурт* в тексте не фигурирует, автор называет город, используя перифраз *Тюрингии столица*. Для лирического героя этот город становится связующим звеном между эпохами, напоминанием об исторических событиях.

В поэтическом тексте сопоставляются две ситуации: беседа императоров и беседа лирического героя. В стихотворении нет

каких-то рассуждений, отражающих содержание беседы, – это скорее зарисовка, описывающая в большей степени внешние стороны происходящего. Главный смысл, основные переживания остаются на уровне подтекста. Важной является стилистическая тональность текста: движение от некой лёгкости, совмещённой с иронией, к горечи и боли.

Коммуникативная модель текста строится на соотношении «они» – «мы». Антропони́мы, репрезентирующие образы императоров, употреблены в одном стихе в составе словосочетания с комплетивными отношениями *Александр с Наполеоном* и занимают позицию 3 лица. Характеристики, данные в тексте историческим персоналиям, также относятся к обоим деятелям: *Два тирана, два кумира, // разделившие полмира*.

За образами Александра и Наполеона стоит историческая эпоха. На наш взгляд, в тексте прослеживается противопоставление двух эпох: исторической, героической и современной лирическому герою, которую он определяет как *годы прокляты*. Наблюдается также и сопоставление двух жизненных периодов: для императоров это время действий, событий, для лирического героя – время воспоминаний.

Имя С. М. Будённого встречается в двух стихотворениях Б. Окуджавы – в стихотворениях «Калужская фантазия» и «Вы говорите про Ливан...». В первом стихотворении имя *Будённый* используется в одном ряду с другими антропонимами: *Там вожди на мавзолее: Сталин, Молотов, Будённый, // и ладошками своими скромно машут: нет-нет-нет...* Образ Будённого не является центральным.

В стихотворении «Вы говорите про Ливан...» (1993 год) имя Будённого употреблено во множественном числе и относится к разряду нарицательных (процесс апеллятивизации). Слово *будённые* становится наименованием общего понятия, приобретает в тексте значение 'военный, захватчик' и вступает в синтагматические отношения с лексемой *кровь*, а также с лексемами *танк, дуло, приспи-*

чить, накликать. В стихотворении контекстуально противопоставленными оказываются слово *будённые* и антропони́мы *Мандельштам, Лев Толстой, Александр Сергеич*. Такое противопоставление играет важную роль в идейно-композиционной организации текста.

В лирике Б. Окуджавы также есть два стихотворения, в которых используется имя Р. И. Хасбулатова – российского политического деятеля.

Тексты, в которых используется имя Хасбулатова, датированы 1993 годом – временем, когда в стране происходят очень сложные события, правительственный кризис. Оба стихотворения Б. Окуджавы – реакция на общественную обстановку того времени.

Композиционно стихотворение «На митинге народных депутатов» состоит из двух частей. Предметом речи первой части стихотворения, в которой и употребляется имя Хасбулатова, являются реалии того времени – митинг народных депутатов. Отношение к ситуации автор передаёт через ряд субстантивов и субстантивных сочетаний, большая часть которых имеет значение характеристики лица по определённому признаку. Данный ряд является горизонтальным контекстом для анализируемого антропонима: *народные депутаты, Хасбулатов, толпа, уездные корифеи, секретари, лакеи, не евреи, нашенские по духу своему*.

Во второй части стихотворения возникает символический образ коммунальной кухни, характеризующий ситуацию современной России (или бывшего СССР), которая определяется как болезнь.

Второе стихотворение, в котором используется антропоним *Хасбулатов*, состоит всего из четырёх строк:

Первые два стиха – о чувстве ответственности автора за происходящее, о его чувстве вины: *Конечно, я во многом виноват: // ну, проглядел, такой уж я бездарный...* Коммуникативная модель этого текста организуется местоимением «я». В стихотворении происходит контекстуальное противопоставление лирического

героя и политического деятеля, о котором говорится в последних строфах *Но если Хасбулатов – демократ, // то лучшие уж в режим тоталитарный!*

На наш взгляд, эти стихотворения носят в какой-то степени публицистический характер, так как отражают современные для автора события. Поэтому говорить о том, что антропоним *Хасбулатов* представляет художественный образ, по нашему мнению, трудно.

Остальные антропонимы, именующие исторических деятелей, встречаются только в одном стихотворении, и занимают, как правило, в структуре поэтических текстов Б. Окуджавы менее важные позиции.

Заключение

Исследованная нами группа имён собственных отражает ключевые фигуры русской и мировой истории, а также знаковые фигуры того времени, в котором жил сам автор. За каждым именем – мировоззрение, мироощущение, система взглядов, морально-этический кодекс Булата Окуджавы. Употребляя то или иное имя, автор тем самым показывает свою сопричастность, своё отношение, приятие или неприятие действий, поступков той или иной личности.

Статья поступила в редакцию 20.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 256 с.
2. Волкова С. Н. Типы и функции антропонимов в «Афганских рассказах» О. Н. Ермакова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. М., 2018. С. 285–290.
3. Калинин В. М. Теоретические основы поэтической ономастики: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 2000. 37 с.
4. Курс К. Ю. Из истории литературной ономастики // Известия Смоленского университета. 2012. №2 (18). С. 79–86.
5. Лабунец Н. В., Кочнева Н. С. Ономастическая рефлексия в произведениях В. П. Крапивина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. HUMANITATES. 2019. Том 5. №2. С. 6–19.
6. Митрофанов Д. А. Адаптация культурно-маркированных онимов в художественном дискурсе // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. М., 2018. С. 542–546.
7. Немировская Т. В. Некоторые проблемы литературной ономастики // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. С. 112–122.
8. Орехова Т. И. Онимы в текстах городского романа и бардовских песен: семантика, структура и функционирование // Диалог культур: поэтика локального текста. Горно-Алтайск, 2018. С. 265–273.
9. Печетова Н. Ю., Михайлова М. В. Роль имени собственного в создании образа персонажа художественного произведения (на примере произведений Л. Улицкой) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2015. Т. 12. №1. С. 106–111.
10. Родионова Н. Н. К проблеме изучения антропонимикона творчества М. М. Пришвина // ФИЛОЛОГОС. Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. Елец, 2016. №28 (1). С. 57–62.
11. Сотникова Е. А., Иванова М. Ю. Особенности использования онимов в текстах рассказов И. А. Бунина (на материале рассказов, входящих в первую часть цикла «Тёмные аллеи») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2020. Т. 13. №1. С. 246–249.
12. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
13. Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов; отв. ред. А. П. Непокупный. М.: Наука, 1986. 254 с.
14. Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопросы ономастики. 2004. №1. С. 108–120.
15. Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1990. 104 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika* [Stylistics. The Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 256 p.
2. Volkova S. N. *Tipy i funktsii antroponimov v «Afganskikh rasskazakh» O. N. Ermakova* [Types and functions of anthroponyms in "Afghan stories" by O. N. Ermakov]. In: *Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie. XIX Kirillo-Mefodievskie chteniya / Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina* [Pushkin state Institute of Russian language.]. Moscow, 2018, pp. 285–290.
3. Kalinkin V. M. *Teoreticheskie osnovy poeticheskoi onomastiki: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Theoretical foundations of poetic onomastics: abstract of D. thesis in Philological sciences]. Kiev, 2000. 37 p.
4. Kurs K. Yu. [From the history of literary onomastics]. In: *Izvestiya Smolenskogo universiteta*, 2012, no. 2 (18), pp. 79–86.
5. Labunets N. V., Kochneva N. S. [Onomastic reflection in the works of V. P. Krapivin]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Tyumen state university herald. Humanities research. Humanitates]. HUMANITATES. 2019, Vol. 5, no. 2, pp. 6–19.
6. Mitrofanov D. A. *Adaptatsiya kul'turno-markirovannykh onimov v khudozhestvennom diskurse* [Adaptation of culturally-marked of names in the artistic discourse]. In: *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Translation. Communication]. Moscow, 2018, pp. 542–546.
7. Nemirovskaya T. V. *Nekotorye problemy literaturnoi onomastiki* [Some problems of literary onomastics]. In: *Aktual'nye voprosy russkoi onomastiki* [Topical issues of Russian onomastics]. Kiev, 1988, pp. 112–122.
8. Orekhova T. I. *Onimy v tekstakh gorodskogo romansa i bardovskikh pesen: semantika, struktura i funktsionirovanie* [Onyms in the texts of urban romances and bard songs: semantics, structure and functioning]. In: *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of cultures: poetics of the local text]. Gorno-Altaysk, 2018, pp. 265–273.
9. Pechetova N. Yu., Mikhailova M. V. [The proper name role in creating the image of character artwork (on the example of works by L. Ulitskaya)]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov], 2015, Vol. 12, no. 1, pp. 106–111.
10. Rodionova N. N. [The problem of the study of anthroponymical the work of M. M. Prishvin]. In: *FILOLOGOS. Eletskii gosudarstvennyi universitet im. I. A. Bunina* [Bunin Yeletsky State University]. Elets, 2016, no. 28 (1), pp. 57–62.
11. Sotnikova E. A., Ivanova M. Yu. [Features of the use of names in the texts of stories by I. A. Bunin (based on the short stories included in the first part of the series "Dark alleys")]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. Questions of theory and practice]. Tambov, 2020, Vol. 13, no. 1, pp. 246–249.
12. Superanskaya A. B. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General theory of a proper name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 366 p.
13. Superanskaya A. V., Stal'tmane V. E., Podol'skaya N. V., Sultanov A. Kh. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and methodology of onomastic research] / resp. edited by A. P. Nepokupnyi. Moscow, Nauka Publ., 1986. 254 p.
14. Fomin A. A. [Literary onomastics in Russia: results and prospects]. In: *Voprosy onomastiki*, 2004, no. 1, pp. 108–120.
15. Fonyakova O. I. *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste: ucheb. posobie* [The proper name in a literary text: textbook]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1990. 104 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попович Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова (Казахстан);
e-mail: olporovich@mail.ru

Крылова Наталья Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общих дисциплин Государственного университета управления (Россия);
e-mail: krylova.tasha@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Popovich – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Philology, S. Toraighyrov Pavlodar State University (Kazakhstan);
e-mail: olpopovich@mail.ru

Natalya F. Krylova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian language and General disciplines, State University of management (Moscow, Russia);
e-mail: krylova.tasha@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Попович О. А., Крылова Н. Ф. Прецедентные имена в поэтическом ономастиконе Булата Окуджавы: исторические и политические деятели // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 24–36.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-24-36

FOR CITATION

Popovich O. A., Krylova N. F. Precedent names in the poetic onomasticon of Bulat Okudzhava: historical and political figures. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 24–36.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-24-36

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-37-48

ВЫРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Соколова А. А.

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова
625001, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Льва Толстого, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель данной работы заключается в выявлении и анализе процессуальных фразеологизмов, выражающих гендерные отношения в современном русском языке.

Процедура и методы исследования. В статье проанализирована семантика процессуальных фразеологических единиц, выражающих гендерные отношения. При проведении исследования применены методы сплошной выборки из художественной литературы и периодических изданий, метод лексико-семантического анализа с элементами статистических методик, метод компонентного анализа, методы наблюдения, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. В ходе работы были систематизированы семантические группы и подгруппы процессуальных фразеологизмов, выражающих гендерные отношения, выявлен компонентный состав исследуемых единиц, составлены синонимические ряды фразеологических единиц, рассмотрены их конверсивные и антонимические пары.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию фразеологии и могут быть использованы для составления фразеологических словарей.

Ключевые слова: процессуальные фразеологизмы, гендер, семантические группы, синонимические ряды

EXPRESSION OF GENDER RELATIONS BY PROCESS PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

A. Sokolova

*Marshal of Engineering Troops A. Proshlyakov Tyumen Higher Military Engineering Command School
1 Tolstogo ul., Tyumen 625001, Russian Federation*

Abstract.

The aim of this work is to identify process phraseological units that express gender relations in modern Russian language.

Methodology. The article analyzes the semantics of process phraseological units that express gender relations. The research uses methods of continuous sampling from fiction and periodicals, the method of lexical and semantic analysis with elements of statistical methods, the method of component analysis, methods of observation, generalization and interpretation of results.

Results. In the course of the work, semantic groups and subgroups of process phraseological units expressing gender relations were systematized, the component composition of the studied units was identified, synonymous series of phraseological units were compiled, and their causative and antonymic pairs were considered.

Research implications. The article summarizes the material on the topic under study. The results of the research contribute to the theory of phraseology and can be used in the compilation of phraseological dictionaries.

Keywords: procedural phraseological units, gender, semantic groups, synonymous series

Введение

Отношения между мужчиной и женщиной складывались веками. В социальных условиях понятие пола приобрело, кроме биологического, социокультурное значение.

Многие исследователи отмечают, что в последнее время гендерные исследования играют огромную роль во многих направлениях гуманитарных наук. Как отмечает Н. В. Белая, «изучение роли полов в развитии культуры, их символического и семиотического выражения в философии, истории, языке, литературе и искусстве помогает увидеть новые аспекты развития социума, глубже проникнуть в суть происходящих процессов» [1, с. 97]. По словам Н. В. Белой, гендерный подход способствует антропоориентированному изучению языка и «позволяет точнее учитывать человеческий фактор в языке» [1, с. 102]. Это означает, что в языке и речи выражаются гендерные отношения и стереотипы носителей языка, требующие подробного анализа и изучения.

В современной науке сложилось следующее определение: «Гендер – совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [10, с. 13].

А. В. Кирилина отмечает, что, «исследуя структуры языка, связанные с полом, лингвисты исходят сегодня из его социальной и культурной, а не только природной обусловленности» [6, с. 18].

В современной лингвистической науке учёные обращаются к гендерным исследованиям, которые ориентированы «на изучение речевого поведения мужчин и женщин, их предпочтений в выборе лексики, фразеологических оборотов, этикетных форм, синтаксических конструкций и т. д., а также влияния данных речевых средств на успешность коммуникации» [2, с. 52].

Как отмечают А. В. Поплевко и Е. П. Подольская, гендерная лингвистика рассматривает выражение пола в языке,

обращается к вопросам репрезентации мужчин и женщин в акте коммуникации, пытается определить языковые механизмы функционирования гендерных отношений и должна способствовать пониманию сущности явлений, которые происходят в языке и обществе [8, с. 87].

Исследованиями гендерных отношений сквозь призму языка в настоящее время занимаются многие учёные: гендерную ментальность в английских и русских паремиях изучает В. А. Деткова [3, с. 61–66], межкультурную коммуникацию в гендерных отношениях рассматривают И. И. Лизенко и Ю. А. Фодор [7, с. 28–36], в когнитивно-лингвокультурологическом аспекте к гендеру во фразеологии обращается В. С. Самарина [9, с. 1–21], гендерными отношениями в языке занимается Ф. А. Исламова [5, с. 1383–1385], современные аспекты гендера в языкознании выделяет Е. С. Зиновьева [4, с. 74–78].

Во фразеологической системе русского языка сложилась подсистема процессуальных фразеологизмов, выражающих отношения между полами. Цель данной работы заключается в выявлении и анализе процессуальных фразеологизмов, передающих гендерные отношения.

Для достижения цели исследования необходимо проследить, как во фразеологии интерпретируются роли мужчины и женщины, кто является инициатором возникновения отношений, их развития и прекращения, каковы гендерные стереотипы, то есть выработанные обществом привычные ожидания способов социального поведения и требования к личности в соответствии с биологическим полом.

При проведении исследования применены методы сплошной выборки из художественной литературы и периодических изданий, метод лексико-семантического анализа с элементами статистических методик, метод компонентного анализа, методы наблюдения, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты оригинального авторского исследования

Методом сплошной выборки из художественной литературы и периодических изданий нами составлена картотека из 107 фразеологических единиц, выражающих гендерные отношения в современном русском языке.

Мы считаем целесообразным разделить фразеологизмы, которые выражают отношения между мужчиной и женщиной, на брачные и внебрачные. Исследование показало, что фразеологизмов, способных выражать внебрачные отношения, в два раза больше, чем единиц, которые обозначают брачные связи (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Типы гендерных отношений, выражаемых процессуальными фразеологизмами современного русского языка /

Types of gender relations expressed by processive phraseological units of the modern Russian language

№ п/п	Типы гендерных отношений	Процессуальный фразеологизм	Кол-во	%
1.	Внебрачные	разбивать/ разбить сердце кому-л.	72	67%
2.	Брачные	вступать/ вступить в брак с кем-л.	35	33%
Всего	-	-	107	100%

Источник: данные автора.

1. Процессуальные фразеологизмы, выражающие внебрачные отношения

72 фразеологические единицы, по данным нашей картотеки, могут обозначать гендерные отношения вне брака, например: **воспылать аллюром** к кому-л., **покорять/ покорить сердце** кого-л., **иметь близость** с кем-л., **заводить/ завести роман** с кем-л., **объясняться/ объясниться в любви** кому-л., **быть в связи** с кем-л., **крутить/ закрутить шашни** с кем-л., **разбивать/ разбить сердце** кому-л., **входить/ войти в совокупление** с кем-л., **вешаться/ повеситься на шею** кому-л., **любить до гроба** кого-л., **отвечать/ ответить взаимностью** кому-л., **загонять/ загнать под каблук** кого-л., **заниматься/ заняться любовью** с кем-л., **наставлять/ наставить рога** кому-л., **подбивать клинья** к кому-л., **сводить/ свести с ума** кого-л., **иметь интрижку** с кем-л. и др.

Структурно-семантическая группа фразеологизмов, которая выражает внебрачные гендерные отношения, поделена нами на подгруппы на основании половой характеристики субъекта и объекта.

1.1. Процессуальные фразеологизмы, выражающие гендерные отношения между субъектом-мужчиной и объектом-женщиной

В первую семантическую подгруппу входят единицы, выражающие отношения между субъектом-мужчиной и объектом-женщиной, например, **находиться под каблуком** у кого-л. в значении «быть в подчинении у женщины», **воспылать аллюром** к кому-л. в значении «влюбиться в кого-л., увлечься», **сходить/ сойти с ума** по кому-л. в значении «быть влюблённым в кого-л.», **оказывать/ оказать знаки внимания** кому-л. в значении «ухаживать за кем-л., проявлять свою симпатию к кому-л.», **объясняться/ объясниться в любви** кому-л. в значении «открывать свои любовные чувства кому-л.», **иметь сношения** с кем-л. в значении «вести половую жизнь с кем-л.», **иметь связь** с кем-л. в значении «находиться с кем-л. в любовных, интимных отношениях с кем-л.» и др.

Приведём примеры использования таких фразеологизмов: *Через некоторое время Валентин Михайлович стал оказывать мне знаки внимания* (Э. Савкина. Если впряжусь, то основательно); *Андрей Ревизанов объяснился в любви Людмиле Верховской, а она прогнала его прочь* (А. Амфитеатров. Отравленная совесть); *Есть версия, что Александр Сергеевич имел связь с Александринной* (Ю. Безелянский. В садах любви); *Одним словом, я сходил с ума по Валентине Сергеевне и однажды рыдал у её ног до тех пор, пока она не ответила на моё «люблю» поцелуем* (А. Будищев. Безумие ли?).

В первой семантической группе субъект-мужчина при фразеологизмах активен, он инициирует отношения с объектом-женщиной. Субъект чаще всего выражается одушевлённым существительным. Это мужчины, у которых может быть названо имя, звание, должность, социальный статус. Субъект может быть обозначен личным местоимением: *Костромской мужчина не склонен оказывать женщине знаки внимания* (А. Зябликов. Провинциальная столица); *Правда, с нынешней весны «милый друг» начал оказывать знаки внимания хорошенькой ученице Гумилёва Ирине Одоевцевой* (А. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой); *Сей посол оказывал ей знаки внимания, почитай, как царствующей особе* (Э. Радзинский. Княжна Тараканова); *Во всяком случае, он стал оказывать Люсе знаки внимания, и она охотно, и даже чересчур охотно, стала принимать их, не считаясь со своим женихом, который, оказывается, в это время сильно страдал* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема).

Фразеологические единицы, которые выражают гендерные отношения вне брака, могут образовывать синонимические ряды.

Процессуальные фразеологизмы, выражающие гендерные отношения между субъектом-мужчиной и объектом-женщиной, образуют два синонимических ряда.

Фразеологизмы *иметь контакт* с кем-л., *вступать/ вступить в контакт* с кем-л., *иметь сношения* с кем-л., *завязывать/ за-*

вязать сношения с кем-л., *вступать/ вступить в сношения* с кем-л., *иметь связь* с кем-л. объединены общей семой «находиться, быть в любовных, интимных отношениях с кем-л.»: *С женой он имел контакт, разговаривал – не в пример некоторым другим* (Ю. Мамлеев. Американские рассказы); *Он имел связь с женщиной, работавшей в канцелярии факультета* (А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца); *Завязав с нею сношения, он уговорил её уехать с ним на Афон* (П. Пахомов. Преподобный Феодосий Кавказский и казачка Татьяна); *А. Руновскому Зейдат казалась чем-то вроде «домашней язвы, прикосновение к которой становится тлетворным для всех, кто имеет несчастье вступать с нею в какие-либо сношения»* (В. Дегоев. Мирянин).

Синонимический ряд *находиться под каблуком* кого-л., *находиться под башмаком* у кого-л., *быть под башмаком* у кого-л., *быть под каблуком* у кого-л. объединён на основании общей семы «быть в подчинении у кого-л.»: *Но на самом деле он был совершенно под башмаком у своих дам* (И. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава третья); *Феодор Продром считался замечательным поэтом, на его долю выпала высокая честь преподавать риторику самой Анне, багрянородной писательнице, а дома он находился под башмаком злой жены, и только воспоминание о красоте Феофании несколько освещало его невесёлую жизнь...* (А. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха); – *Боюсь, что ты со своим характером будешь у жены под каблуком* (Э. Рязанов, Эмиль Брагинский. Ирония судьбы, или С лёгким паром).

1.2. Процессуальные фразеологизмы, выражающие гендерные отношения между субъектом-женщиной и объектом-мужчиной

Вторую семантическую подгруппу составляют фразеологические единицы, которые выражают гендерные отношения субъекта-женщины к объекту-мужчине, например: *загонять/ загнать под каблук кого-л.* в значении «брать власть над

мужчиной, подчинять его себе», **держаться под башмаком** кого-л. в значении «подчинять себе кого-л.», **вешаться/ повеситься на шею кому-л.** в значении «открыто проявлять свою любовь к кому-л., приставать к кому-л. со своими чувствами», **делать глазки кому-л.** в значении «заигрывать с кем-л., привлекать к себе внимание», **сводить/ свести с ума кого-л.** в значении «влюбить в себя кого-л., увлекать», **принимать/ принять знаки внимания** от кого-л. в значении «пользоваться симпатией кого-л., быть благосклонной к кому-л.» и др.

Приведём примеры использования в литературе данных единиц: *Целый год наша прекрасная девушка принимала от нас знаки внимания и каждому из нас давала надежду, что именно его она готова полюбить на всю жизнь* (И. Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть); *Красавица бабушка держала покойного мужа под башмаком* (И. Соколов-Микитов. Детство); *То, что ты не вешаешься мне на шею с требованием жениться, не пытаешь – люблю я тебя или нет* (О. Зуева. Скажи, что я тебе нужна...).

Во фразеологизмах рассматриваемой подгруппы активность проявляет женщина, она инициирует отношения с объектом-мужчиной. В качестве субъекта обычно выступают собственные одушевлённые существительные или личные местоимения.

1.3. Процессуальные фразеологизмы, выражающие обоюдные гендерные отношения

Третья семантическая подгруппа объединяет фразеологизмы, которые могут выражать отношение субъекта-мужчины к объекту-женщине, так и субъекта-женщины к объекту-мужчине: **крутить шашни** с кем-л. в значении «флиртовать, быть в любовных отношениях», **вступать/ вступить в связь** с кем-л. в значении «начать интимные отношения с лицом противоположного пола», **выяснять/ выяснить отношения** с кем-л. в значении «пытаться разобраться

в сложившихся отношениях между кем-л., сделать их ясными, искать причину непонимания, ссоры, размолвки», **иметь свидание** с кем-л. в значении «встретиться с любимым человеком, иметь романтические встречи», **заниматься/ заняться любовью** с кем-л. в значении «вести половую жизнь с кем-л.», **разбивать/ разбить сердце** кому-л. в значении «влюбить в себя кого-л. и сделать несчастным вследствие неразделённой любви», **кружить/ вскружить голову** кому-л. в значении «влюбить в себя кого-л., увлекать» и др.

Такие фразеологические единицы выражают гендерные отношения, при которых инициатором могут быть как мужчины, так и женщины:

(1) *Не беспокойся, Ира не ребенок, ухажёры к ней липнут как мухи на мёд, – усмехнулась Марина* (Л. Дворецкий. Шакалы); *Женщины от него без ума, и все к нему липнут как мухи на мёд!* (Н. Телешов. Начало конца);

(2) *Он своими сладкими речами совсем вскружил дурочке голову!* (А. Белянин. Свирепый ландграф); *Бойкая и эмоциональная русская дама не на шутку вскружила голову могущественному регенту, герцогу Зюдерманландскому, и при шведском дворе имела гораздо больше веса и влияния, чем её супруг* (И. Грачева. Диво в Дивове);

(3) *Его старшая дочь Лиля закрутила роман с Антоном Сташисом, оперативником, работавшим на Петровке, в Настинном бывшем отделе.* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают); *Спустя короткое время Лёня закрутил роман с Мариной Горбатовской, девушкой красивой и умной, которая влюбилась в Леонида по уши и без него света белого не видела* (А. Маринина. Последний рассвет).

В этой семантической подгруппе субъект и объект могут быть выражены местоимением во множественном числе, при этом фразеологизм тоже имеет форму множественного числа, а обоюдность отношений поддерживается наличием взаимных местоимений: *Как раз на тюке с ватой мы и закрутили любовь* (Н. Никулин.

Воспоминания о войне); *Они влюбились друг в друга и закрутили* прямо-таки настоящий роман! (Комсомольская правда, 04.10.2007); *Никогда тебе не писывала, даже когда по молодости мы с тобой любовь крутили*, всё устно обходились, да вот заставила нужда (А. Иванов. За рекой, за речкой).

В третьей семантической подгруппе процессуальные фразеологизмы, выражающие обоюдные гендерные отношения, также образуют синонимические ряды.

Фразеологизмы *быть в связи* с кем-л., *водить шашни* с кем-л., *водить шуры-муры* с кем-л., *крутить/ закрутить шашни* с кем-л., *крутить/ закрутить роман* с кем-л., *крутить/ закрутить любовь* с кем-л., *иметь роман* с кем-л., *крутить шуры-муры* с кем-л. входят в синонимический ряд на основании общего понятия «находиться с кем-л. в интимных, любовных отношениях»: *Я знал со слов матери, что отец водил шашни с молодой красавицей Верой Строевой* (А. Рекемчук. Мамонты); *А он меж тем крутит шашни с Телятиной* (Н. Дежнев. В концертном исполнении); *Я думаю, что теперь, в нынешней ситуации, военком, с которым я уже три года веду шуры-муры, затребует сумму покрупче* (Г. Щербакова. Моление о Еве); – *Смотри-ка, – шепнула Наденька Лизе (с которой она уже успела помириться), – у нашей тихони губа не дура: знает, с кем шуры-муры крутить* (Т. Моспан. Подиум).

Фразеологизмы *вступать/ вступить в связь* с кем-л., *заводить/ завести роман* с кем-л., *заводить/ завести шуры-муры* с кем-л. создают синонимический ряд с общим понятием «начинать с кем-л. любовные, интимные отношения»: *Появился долгожданный помощник неожиданно, дежурный по посольству позвонил, у меня, сказал, болтается твой подчиненный, завёл уже шуры-муры с машинисткой* (А. Азольский. Глаша); *Осип Абрамыч, вошёл в связь с псковской прелюбодейкой и бросил свою семью на ветер, Петр Абрамыч волей-неволей должен был принять почётный и бес-*

плодный труд опекунства (Ю. Тынянов. «Пушкин»); *А после, соединив лагеря, они стали жить вместе, и каждый выбрал себе в жёны ту, с которой он вступил в связь с самого начала* (И. Ходькова. Амазонки – женщины войны).

Фразеологизмы *разрывать/ разорвать отношения* с кем-л., *разрывать/ разорвать связь* с кем-л. образуют синонимический ряд с общим понятием «закончить всяческие контакты с кем-л.»: *По странному совпадению, когда Дюма-сын растался с Мари Дюплесси, Александр Дюма-отец разорвал связь с Идой Ферье, и оба Дюма съехались* (Ю. Безелянский. В садах любви); *Увлёкшись своей кухней Эльзой Ловенталь, Альберт разорвал отношения с Милевой* (Р. Михайлин. Гений теории).

Фразеологизмы *заниматься/ заняться любовью* с кем-л. и *заниматься/ заняться сексом* с кем-л. образуют синонимическую пару с общим понятием «вести половую жизнь с кем-л.»: *Займитесь с мужем (своим) сексом в необычное время и не на диване, а, допустим, на кухне* (Аргументы и Факты, №14, 05.04.2000); *Займитесь любовью под «Играй, гармонь любимая!»* (Аргументы и Факты, №29, 19.07.2000).

Интересно, что количество употреблений двух данных фразеологизмов, собранное за один и тот же промежуток времени из одних и тех же источников, неравномерно. Фразеологизм *заниматься/ заняться сексом* с кем-л. употребляется в современной печати в 3 раза чаще, чем фразеологизм *заниматься/ заняться любовью* с кем-л. (18 к 6).

Процессуальные фразеологические единицы, выражающие внебрачные отношения между полами, вступают не только в синонимические отношения, но и образуют конверсивные пары, например, *находиться под каблуком* у кого-л. – *загонять/ загнать под каблук* кого-л.; *сходить с ума* по кому-л. – *сводить/ свести с ума* кого-л.; *принимать знаки внимания* кого-л. – *оказывать знаки внимания* кому-л. Приведём примеры их использования в речи:

(1) Немало способствовало этому и то, что на вершине изъеденной нищетою, размежёванной сословными перегородками страны восседал ограниченный, слабovolный, двуличный человек с мировоззрением гвардейского офицера, **находившийся** к тому же **под каблуком** своей неврастеничной жены (О. Трояновский. «Через годы и расстояния»); Когда мужчина очень зависит от мамы, он начинает с подозрением смотреть на других женщин – как бы они тоже его **под каблук не загнали** (Комсомольская правда, №7, 2005);

(2) В моей программе в шестьдесят седьмом году работала будущая «кавказская пленница» Наталья Варлей, затем очаровательная ленинградка Лида Ясинская – высокая, красивая женщина, которая всех напрочь **сводила с ума...** (И. Кио. Иллюзии без иллюзий); **Знаете, я с удовольствием вспоминаю время своего детства – период, наверное, с 12 до 16 лет, – когда я сходила с ума по Олегу Ивановичу Янковскому** (М. Варденга. Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха);

(3) Имея учёную степень и кучу всевозможных наград, Таня всегда чувствовала к себе интерес окружающих, благосклонно **принимая знаки внимания** от мужчин и руководства и со злорадством подмечая завистливое отношение сослуживиц (Е. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри); Он **оказывал знаки внимания** двум боевым девушкам Москвы, Нинке Стожаровой и Ульянке Лисс (В. Аксёнов. Таинственная страсть).

Внутри исследуемой семантической подгруппы фразеологизмы могут вступать в антонимические пары: **вступать/вступить в связь** с кем-л. – **разрывать/разорвать связь** с кем-л., **налаживать/наладить отношения** с кем-л. – **разрывать/разорвать отношения** с кем-л. Например:

(1) Он тоже **вступил в связь** с секретаршей (В. Конечкий. «Начало конца комедии»); **Небольшой круг близких знакомых Жорж Санд радовался, что она разорвала связь, которая ничего не могла ей принести, кроме горя и унижения**

(А. Анненская. «Жорж Санд. Её жизнь и литературная деятельность»);

(2) **Йоргенсен окончил школу, отслужил в армии, стал моряком, но был недоволен жизнью и никак не мог наладить отношения с женщинами** («Парадокс», 01.05.2004); **Причины расставания: Элизабетта совершила роковую ошибку, ляпнув: «Я верю, что в ближайшем будущем выйду замуж». Это напугало Клуни так, что он решил разорвать отношения** (Комсомольская правда, 13.09.2013).

Для фразеологизмов, выражающих внебрачные отношения между полами, характерно разнообразие именных компонентов, несущих в себе семантику существительного *любовь*, в составе. В своей картотеке мы насчитали всего 4 фразеологизма с именным компонентом *любовь* (**объясняться/объясниться в любви** кому-л., **признаваться/признаться в любви** кому-л., **крутить/закрутить любовь** с кем-л. и **заниматься/заняться любовью** с кем-л.), а в 24 фразеологизмах использованы «слова-заменители»: *знаки внимания, связь, отношения, роман, шашни, шуры-муры, контакт, аллюр, интрижка, сношения, секс.*

Фразеология отражает, как носители языка избегают номинации *любовь*: В 26-м году на даче в Пушкине он вдруг **объяснился в любви** Лиле, слова его упали на подготовленную почву – она давно на него поглядывала, – и роман их моментально вспыхнул (В. Катанян. Лиля Брик. Жизнь); **Случилось это после застольной стычки с супругом, который на вечеринке якобы демонстративно оказывал знаки внимания другой женщине** (Труд, №7, 2001); Он носил прозвище *Командор* и **крутил роман** с продавицей *Раюсей* (В. Астафьев. Царь-рыба).

2. Процессуальные фразеологизмы, выражающие брачные отношения

Отношения между мужчиной и женщиной могут быть оформлены официально, и это тоже находит своё отражение в языке, в частности во фразеологии. Процессуальные фразеологические еди-

ницы могут выражать брачные гендерные отношения, то есть показывают, как мужчина и женщина создают семью или разрушают её.

В результате исследования нами выявлено 35 фразеологизмов со значением «брачные гендерные отношения». Центральным фразеологизмом и самым частотным оказался фразеологизм **выходить/ выйти замуж** за кого-л. В нашей картотеке насчитывается 133 употребления данной единицы. Сравните: фразеологизм **выдавать/ выдать замуж** кого-л. употребляется 13 раз, 8 употреблений приходится на фразеологизм **брать/ взять в жёны** кого-л. и четыре – на фразеологизм **брать/ взять замуж** кого-л.

Мы считаем целесообразным разделить процессуальные фразеологизмы, выражающие гендерные брачные отношения, на семантические подгруппы в зависимости от того, как выражен субъект и объект.

2.1. Процессуальные фразеологизмы, выражающие гендерные отношения между субъектом-мужчиной и объектом-женщиной

Первую подгруппу составляют языковые единицы, которые выражают отношения между субъектом-мужчиной и объектом-женщиной: **брать/ взять замуж** кого-л., **брать/ взять в жены** кого-л., **звать/ позвать замуж** кого-л., **предлагать/ предложить руку** кому-л., **просить/ попросить руки** кого-л., **предлагать/ предложить руку и сердце** кому-л., **добиваться/ добиться руки** кого-л., **делать/ сделать предложение** кому-л.

Такие фразеологизмы в избытке встречаются в речи: *Король даже не взял её в жёны... только в нижний гарем* (С. Лукьяненко. Бхеда); *Видимо, он любил мою тётку. Он предложил ей руку и сердце* (С. Довлатов. Наши); *Он просил её руки, но отец Софьи посчитал эту партию для своей дочери неподходящей* (Ю. Безелянский. В садах любви); *Мне господин Жак вчера на балу сделал предложение* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В данной подгруппе мы выделили два синонимических ряда. **Первый** ряд образуют фразеологизмы, объединённые общей семой «предпосылки к созданию брачных отношений»: **добиваться/ добиться руки** кого-л., **предлагать/ предложить руку и сердце** кому-л., **предлагать/ предложить руку** кому-л., **просить/ попросить руки** кого-л., **звать/ позвать замуж** кого-л., **делать/ сделать предложение** кому-л.

Приведём примеры фразеологических единиц первого ряда: *И я вдруг подумала, а что, если один из них, какой-нибудь англичанин-путешественник, возьмёт и предложит мне руку и сердце* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова); *– Ухаживал за моими ножками три года. Вдруг как-то приехал и позвал замуж. Папа дал согласие. Была помолвка, он уехал* (В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж); *Через 12 лет, в 1902 году, Сергей Рахманинов, ко всеобщему удивлению, сделал предложение Наталье Сатиной, дочери своей тётки, и получил согласие* (А. Шлыков. Музей-усадьба «Ивановка»).

Второй ряд объединяет фразеологические единицы, которые обозначают «процесс создания брачных отношений»: **брать/ взять замуж** кого-л., **брать/ взять в жёны** кого-л. Например: *– Жан Батист Клод Шарден ле Буль де Зир, готов ли ты взять в жёны названную Лилиану из Брокса близ Ристайла?* (А. Белянин. Свирепый ландграф); *Кажется, любой благополучный старик согласись меня взять замуж – и я бы пошла* (А. Солженицын. В круге первом).

2.2. Процессуальные фразеологизмы, выражающие гендерные отношения между субъектом-женщиной и объектом-мужчиной

Во вторую подгруппу входят фразеологизмы, которые выражают отношения между субъектом-женщиной и объектом-мужчиной: **иметь мужем** кого-л., **выходить/ выйти замуж** за кого-л., **идти/ пойти замуж** за кого-л., **высказывать/ выска-**

чить замуж за кого-л., **принять/ принять предложение** кого-л. Ими избилует наша речь и речь художественной литературы: *Хотели ли бы вы, сударыня, иметь мужем человека, знакомого с морскими бурями?* (Н. Гоголь. Женидьба); *Снежана вышла замуж за хорошего парня, зовут Олег* (В. Токарева. Своя правда); *Когда-то со мной в институте училась Аня Решетова, вот она тоже полжизни ждала прекрасного принца, а потом выскочила замуж за лысого вдовца, обременённого тремя детьми* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха).

В данной подгруппе синонимический ряд образуют фразеологические единицы, которые обозначают процесс создания брачных отношений: **выходить/ выйти замуж** за кого-л., **идти/ пойти замуж** за кого-л., **выскакивать/ выскочить замуж** за кого-л.

2.3. Процессуальные фразеологизмы, выражающие обоюдные гендерные отношения

В третью семантическую подгруппу мы включили фразеологизмы, выражающие отношения и субъекта-мужчины – объекта-женщины, и субъекта-женщины – объекта-мужчины: **регистрировать/ зарегистрировать брак** с кем-л., **вступать/ вступить в брак** с кем-л., **идти/ пойти под венец** с кем-л., **заключать/ заключить брак** с кем-л., **заключать/ заключить брачный союз** с кем-л., **стоять под венцом** с кем-л., **обмениваться/обменяться обручальными кольцами** с кем-л., **проходить/пройти обряд венчания** с кем-л., **сочетаться браком** с кем-л., **регистрировать/ зарегистрировать отношения** с кем-л., **связывать/ связать судьбу** с кем-л., **оформлять/ оформить брак** с кем-л., **создавать/ создать брак** с кем-л., **сочетаться узами** с кем-л., **связывать/ связать узами** с кем-л., **состоять в браке** с кем-л., **жить/ прожить в браке** с кем-л.

Приведём примеры использования данных языковых единиц в речи: *Осуждённый вступил в брак с потерпевшей летом этого года* (Д. Данилов. Любовь длится

полгода); – *Насколько понимаю, – без всякой улыбки заявила красавица, – вы только что связали себя узами брака с Ликой* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *В это время, как гласит его формулярный список, он уже состоял в браке* с «дворянкой Натальей Федоровной Ивановой» (И. Андроников. Лермонтов и Н. Ф. И.).

В данной семантической подгруппе мы выделили два синонимических ряда.

В первый ряд мы объединили фразеологизмы с общей семой «процесс создания брачных отношений»: **регистрировать/ зарегистрировать брак** с кем-л., **вступать/ вступить в брак** с кем-л., **оформлять/ оформить брак** с кем-л., **регистрировать/ зарегистрировать отношения** с кем-л., **заключать/ заключить брак** с кем-л., **связывать/ связать судьбу** с кем-л., **сочетаться браком** с кем-л., **идти/ пойти под венец** с кем-л., **сочетаться узами** с кем-л.

Можно привести такие примеры использования в речи фразеологизмов первого ряда: – *Сказочные героини в твоём возрасте уже шли под венец* (О. Оноико. Некромантисса); *Вы сочетались браком с Сусанной Николаевной, и я уверен, что Ваше венчание освещали не одне восковые наши свечи, а и райский луч!*» (А. Писемский. Масыны).

Во второй синонимический ряд входят фразеологизмы с общей семой «констатация брачных отношений»: **состоять в браке** с кем-л., **жить/ прожить в браке** с кем-л., **быть в браке** с кем-л. Приведём примеры: *Ольга Владимировна Потемкина (1942-1993), парижская кабарежная певица, состояла в браке с исполнителем русских песен Марком де Лючеком* (Л. Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний); *Когда она умерла, у неё было уже двое детей, – она была в браке с известным артистом в провинции – Чарским* (П. Гнедич. Книга жизни); *И Перво-Адам не знал женщины и не жил в браке* (Н. Бердяев. Смысл творчества).

Фразеологизмы, выражающие обоюдные гендерные отношения, могут вступать в антонимические связи, например: **заключать/ заключить брак** с кем-л. –

расторгать/ расторгнуть брак с кем-л., **оформлять/ оформить брак** с кем-л. – **оформлять/ оформить развод** с кем-л. и др.

Компоненты, входящие в состав фразеологизмов и имеющие противоположную семантику, вносят свои семы в формирование противоположных значений фразеологизмов. Например: именные компоненты *брак – развод*, глагольные компоненты *заклучать – расторгать*.

2.4. Процессуальные фразеологизмы, выражающие отношения между субъектом-родителями и объектом-детьми

В четвёртую подгруппу вошли единицы, которые выражают отношения между родителями и их взрослыми детьми: **отдавать/ отдать замуж** кого-л., **выдавать/ выдать замуж** кого-л., **отдавать/ отдать в жёны** кого-л., **пораспихать замуж** кого-л.

Рассмотрим примеры: *Никанор Алексеевич единственную дочь выдал замуж за Михаила Максимовича Кормилицына, которого взял в своё дело* (Н. Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое); *И потом мой папа меня отдал замуж* (О. Тимофеева. Незнайка спешит на помощь); *Король страшно расстроился, заплакал и сказал, что тому, кто найдёт амулет, он отдаст в жёны прекрасную принцессу и ещё половину царства в придачу* (С. Седов. Доброе сердце Робина).

Даже когда субъект не назван, по наличию объекта (*дочь, дочерей*) становится

понятно, что в роли субъекта выступают родители или один из них.

В данной семантической подгруппе также возможны синонимические отношения. Все фразеологические единицы объединены общим понятием «процесс создания брачных отношений»: **выдавать/ выдать замуж** кого-л., **отдавать/ отдать в жёны** кого-л., **пораспихать замуж** кого-л., **отдавать/ отдать замуж** кого-л.

Заключение

Палитра семантики фразеологических единиц, выражающих отношения между полами, очень богата. Отношения между мужчиной и женщиной могут быть как брачные, семейные, так и внебрачные, любовные. Языковой материал показал, что активными в создании, развитии и прекращении отношений являются оба субъекта – и мужчина, и женщина. В результате анализа выявлено, что подавляющее большинство фразеологических единиц могут выражать обоюдные отношения между мужчиной и женщиной, инициатором гендерных отношений может быть представитель любого пола. Лишь отдельные фразеологизмы употребляются либо преимущественно с субъектом-мужчиной, либо преимущественно с субъектом-женщиной. Исследуемые фразеологические средства языка делятся на семантические подгруппы по половой характеристике субъекта и объекта и формируют различные типы системных связей: конверсивные, синонимические и антонимические.

Статья поступила в редакцию 20.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая Н. В. О проявлении гендерных различий в языке // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2009. №3. С. 97–102.
2. Ветрова Э. С. Особенности репрезентации гендерных отношений в украинских и лезгинских обращениях // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. №4. С. 52–58.
3. Деткова В. А. Образ женщины в русских и английских паремиях семантической группы «семейные отношения» сквозь призму гендерной ментальности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 12, № 4. С. 61–66.
4. Зиновьева Е. С. Современные аспекты изучения гендера в языкознании // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. №1. С. 74–78.
5. Исламова Ф. А. К вопросу о гендерных отношениях в языке // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. №4. С. 1383–1385.

6. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык: Антология / Научн. ред. и сост. А. В. Кирилина. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
7. Лизенко И. И., Фодор Ю. А. Реализация принципа межкультурной коммуникации в гендерных отношениях // Основные направления развития научного потенциала в свете современных исследований: теория и практика: Материалы двенадцатой международной заочной научной конференции. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2018. С. 28–36.
8. Поплевко А. В. Надольская Е. П. Гендерное различие мужской и женской речи // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов X Междунар. науч. практ. конф., Минск, 23 ноября 2016 г. / Редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. редактор) [и др.]. В 6 частях. Часть 2. Мн.: БГУ, 2017. С. 87–96.
9. Самарина В. С. Гендер во фразеологии: когнитивно-лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 21 с.
10. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация – XXI век, 2002. 256 с.

REFERENCES

1. Belaya N. V. [The manifestation of gender differences in language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Seriya: Filologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2009, no. 3, pp. 97–102.
2. Vetrova E. S. [The peculiarities of representation of gender relations in Ukrainian and Lezgian appeals]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets state University.], 2016, no. 4, pp. 52–58.
3. Detkova V. A. [The image of women in Russian and English Proverbs of the semantic group “family relationships” through the prism of gender mentality]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo ueniversiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural state University. Series: Linguistics], 2015, Vol. 12, no. 4, pp. 61–66.
4. Zinoveva E. S. [Modern aspects of studying of gender in linguistics]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka state University for the Humanities], 2016, no. 1, pp. 74–78.
5. Islamova F. A. [To the question of gender relations in the language]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. 2015. Vol. 20, no. 4, pp. 1383–1385.
6. Kirilina A. V. *Gendernye issledovaniya v lingvisticheskikh distsiplinakh* [Gender research in the language disciplines]. In: *Gender i yazyk: Antologiya* [Gender & language: anthology] / Scientific ed. and comp. A. V. Kirilina. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 624 p.
7. Lizenko I. I., Fodor Yu. A. *Realizatsiya printsipa mezhkul'turnoi kommunikatsii v gendernykh otnosheni-yakh* [The implementation of the principle of intercultural communication in gender relations]. In: [The main directions of development of scientific potential in the light of modern research: theory and practice: proceedings of the twelfth international correspondence scientific conference]. Stavropol, North Caucasus Federal University Publ., 2018, pp. 28–36.
8. Poplevko A. V., Nadol'skaya E. P. *Gendernoe razlichie muzhskoi i zhenskoi rechi* [Gender difference of male and female speech]. In: *Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statei i tezisov X Mezhdunar. nauch. prakt. konf.* [Ideas. Search. Solution: a collection of articles and abstracts X International scientific practice Conf.], Minsk, November 23, 2016 / Editorial board: N. N. Nizhneva (resp. editor) [et al.]. In 6 parts. Part 2. Minsk, Belarusian state University Publ., 2017, pp. 87–96.
9. Samarina V. S. *Gender vo frazeologii: kognitivno-lingvokul'turologicheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Gender in phraseology: a cognitive linguistic cultural aspect: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Stavropol, 2010. 21 p.
10. *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of gender terms] / edited by A. A. Denisova / *Regional'naya obshchestvennaya organizatsiya «Vostok-Zapad: Zhenskie Innovatsionnye Proekty»* [Regional public organization “East-West: Women’s Innovative Projects”]. Moscow, Informatsiya – XXI vek Publ., 2002. 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Анастасия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова;
e-mail: asok19@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya A. Sokolova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian language, Marshal of Engineering Troops A. Proshlyakov Tyumen Higher Military Engineering Command School;
e-mail: asok19@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соколова А. А. Выражение гендерных отношений процессуальными фразеологизмами современного русского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 37–48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-37-48

FOR CITATION

Sokolova A. A. Expression of gender relations by process phraseological units of the modern Russian language. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 37–48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-37-48

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-49-56

ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА 'ОДЕЖДА' В БЫТОВЫХ НОМИНАЦИЯХ ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА «ЖИТИЕ ОДНОЙ БАБЫ»

Цзян Юань

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Синьцзянский педагогический университет

830017, г. Урумчи, район Шуймогоу, улица Гуаньцзин, д. 100, Китайская народная республика

Аннотация.

Цель работы – проследить, как отражается такой фрагмент русской языковой картины мира, как 'одежда', в бытовых номинациях повести Н. С. Лескова.

Процедура и методы исследования. Исследуется бытовая лексика, называющая виды одежды, которая выявлена методом нацеленной выборки в повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы», где затронут широкий круг проблем жизни различных социальных пластов России XIX века, прежде всего крестьян. Классификация, анализ семантики единиц с их номинативно-оценочным потенциалом с помощью исторических, этимологических словарей актуальны при оценке реалистической достоверности воссозданных картин жизни, нужны для осмысления стилистической роли номинаций при отображении быта и традиций, интересны в лингвокультурном плане.

Результаты. Наблюдение над использованием писателем-реалистом наименований одежды подтверждает справедливость утверждения, что вещи, одежда при раскрытии образов героев важны: этот фрагмент русской языковой картины мира антропоцентричен.

Теоретическая и / или практическая значимость. Выбранные методы исследования обуславливают практическую значимость статьи: наблюдения могут способствовать пониманию объектов художественного пространства иностранными читателями, в том числе китайскими, использоваться для уточнения переводов и создания языкового комментария к тексту. Теоретическое значение статьи – в углублении представления об идиолекте автора и его эволюции.

Ключевые слова: идиолект Н. С. Лескова, «Житие одной бабы», номинации одежды, русская языковая картина мира, прагматическая установка текста, художественно-стилистическое своеобразие произведения

THE REFLECTION OF A FRAGMENT OF RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD 'CLOTHING' IN THE CATEGORIES OF HOUSEHOLD IN N. LESKOV'S NOVEL "THE LIFE OF A PEASANT WOMAN"

Jiang Yuan

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytischy 141014, Moscow region, Russian Federation

Xinjiang Normal University

100 Guanjing Road, Urumqi 830017, Shuimogou District, Peoples Republic of China

Abstract.

The aim of the work - to trace how such a fragment of the Russian linguistic picture of the world as 'clothes' is reflected in the everyday nominations of the story by N. Leskov.

Methodology. Vocabulary of life is studied, naming types of clothing, which was revealed by the method of targeted sampling in the story of N. S. Leskov's "Life of a Woman", where a wide range of life problems of various social strata of Russia of the XIX century, above all the peasants, are touched upon. Classification, analysis of semantics of units with their nominative and evaluative potential with the

help of historical, etymological dictionaries are relevant in assessing realistic authenticity of recreated pictures of life, necessary for understanding the stylistic role of nominations in displaying everyday life and traditions, are interesting in linguocultural terms.

Results. Observation of the use of clothes' names by a realist writer confirms the validity of the statement that things and clothes are important in revealing the images of characters: this fragment of the Russian language picture of the world is anthropocentric.

Research implications. This leads to the practical significance of the article: observations can contribute to the understanding of the objects of the artistic space by foreign readers, including Chinese, used to clarify translations and create a language commentary to the text. The theoretical value is in deepening the idea of the author's idiolect and his evolution.

Keywords: N. S. Leskov's idiolect, «The life of one woman», names of clothing, Russian language picture of the world, pragmatic text setting, artistic and stylistic originality of the work

Введение

Произведения Н. С. Лескова сохранили для современных русских и зарубежных читателей немало ценных свидетельств блестящего мастерства бытописания этого автора. Но творчество Н. С. Лескова остаётся ещё малознакомым в Китае из-за трудностей осмысления слов безэквивалентной лексики, архаических номинаций, в том числе бытовых, усложняющих перевод произведений этого автора и на другие языки. Однако, согласно нашим данным [14], исследование проблематики, языка и стиля произведений Лескова в последние годы в Китае интенсифицировалось, так что китайское лесковедение можно считать формирующейся областью, соотносящейся с изучением русской культуры.

Благодаря использованным при создании бытописательных картин в текстах этого автора номинациям, репрезентирующим различные фрагменты языковой картины мира, можно составить представление о жизни русского человека в XIX веке, что для писателя-реалиста было важнейшим предметом изображения.

Н. С. Лескова называют историком быта и этнографом [5; 13; ср.: 8, с. 7–8]. Но вернее было бы говорить о том, что точность, «мероприориентированность», стремление к детализации – важные черты идиостиля писателя, которые уже в ранних прозаических произведениях проявились как основа их художественно-стилистического своеобразия [7, с. 34], будучи обусловленными особенностями авторского творческого мышления, чер-

тами его языковой личности. «Возможность овладения языковым знанием заложена биологической природой человека на уровне генетики, психофизиологии и реализуется в социуме под влиянием многих факторов» [2, с. 30]. В истории китайской литературы известные писатели также используют описание различных деталей в произведениях, для того чтобы составить крупный план среды обитания, чтобы читатели, не принадлежащие ушедшей эпохе, могли понять атмосферу той жизни, почувствовать исторический аромат и уловить предпосылки изменений, которые отразил текст и сохранили средства его создания. В то же время детализация закладывает основу для адекватного читательского восприятия, необходимую для понимания характера главного героя. Речевая партия главного героя, диалоги с другими героями произведения также становятся неотъемлемой частью культурной реакции.

Национально-культурный компонент в текстах русской литературы привлекает внимание исследователей [1; 3; 6; 9; 11, с. 31–37]. Жильё, пища, одежда, средства передвижения – то, что в каждой национальной картине мира представляет человеческие потребности, необходимые для существования и выживания народа в неких климатических условиях, имеет отличительные особенности на конкретном культурно-историческом этапе, следовательно, обуславливает своеобразие языковой картины мира через систему средств её репрезентации, имеет связь с ментальностью.

Результаты проведённого исследования

Фрагмент русской языковой картины мира 'одежда' не мог не быть представлен системой номинаций в реалистических текстах ранней прозы Н. С. Лескова: одежда – показатель культурный, сословный и символический; она выполняет и сакральную функцию, что связано с обрядовой стороной народной жизни [4, с. 43], а всё это привлекало внимание художника слова [10]. Одежда вызывает интерес в этнокультурном и социально-историческом отношении, а средства её номинации тесно связаны с эпохой бытования реалий, поэтому среди них в узусе есть и устаревшие слова, и неологизмы. Историкокультурную ценность представляют номинации традиционных видов одежды, с нашей точки зрения. Они позволяют воссоздать характер эпохи, сравнить культурные традиции. История Китая насчитывает пять тысяч лет, и поэтому в стране, по народной традиции, используется не только древняя, но и современная одежда, хотя её виды сильно отличаются, кроме того, одежда каждой династии хранит различия. Так, платье Cheongsam (*ципао*) – традиционный костюм китайских женщин, известный в мире как квинтэссенция китайского стиля и собственно женская национальная одежда. Традиционный вид Cheongsam (*ципао*) был сформирован в 1920-х годах и стал самой популярной женской одеждой впоследствии. Во второй половине XX века и ныне Cheongsam (*ципао*) уже не выглядит как повседневная одежда и с такой функцией не используется: избран в качестве церемониального костюма.

Описание жизни в России при крепостном праве и сразу же после его отмены, т. е. эпоха, о которой говорил Лесков в ранней прозе, имеет особое значение для осмысления эволюции жизни русского народа, развития его ментальности. Русская одежда различалась прежде как дворянская и крестьянская, последняя была очень простая и скромная, и в повести «Житие одной бабы» это отражается при созда-

нии портретных зарисовок, в конкретных описаниях деталей одежды людей средней руки, а также бедных – крепостных крестьян. Так, *халат* ('домашняя одежда, запахивающаяся или застёгивающаяся сверху донизу')¹ у Н. С. Лескова – это одежда дворянская, что подчёркивается указанием субъекта *барин*: *Барин надел ватный кашемировый халат и подпоясался...*². *Сюртук* же ('уменьш. сюртучок, -чка, м. || унич. сюртучишко: длинная (до колен) мужская верхняя одежда, обычно приталенная')³, как показывает писатель, мог носить чиновник, купец, свободный человек, имеющий дело. Таковым представлен старичок Крылушкин – купец, а впоследствии целитель-травник: «*Не искупаться ли?*» – *подумал Крылушкин, дойдя до речки, да тут же снял свой синий сюртук, разобрался совсем да искупался и седую голову мылом вымыл*; ср.: *Чиновник, опытный в обращении с заключёнными, пришёл в форменном сюртуке и в сопровождении четырёх солдат*. Употребляются эти номинации Н. С. Лесковым в строгом соответствии со стилистическими задачами указать на определённый социальный тип и поэтому используются как нечастотные: *халат* – 1, *сюртук* – 2 употребления.

Единицы рассматриваемого семантического пространства являются значительной по составу лексико-семантической группой (ЛСГ) внутри лексико-семантического поля (ЛСП) бытовой лексики и относятся друг к другу как согипонимы при гиперониме *одежда*, несущем ядерную сему (или гиперсему), присутствующую в значении каждой из конкретных номинаций. Слова можно классифицировать с опорой на «Русский семантический

¹ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Азбуковник, 2000. С. 310.

² Цитирование примеров по: Лесков Н. С. Житие одной бабы. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru> (дата обращения: 20.05.2019).

³ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Азбуковник, 2000. С. 306.

словарь»¹, выделяя, помимо общих наименований, лексические единицы, именуемые верхней одеждой и носильное бельё, одежду для улицы, различая её виды в зависимости от материала, способа изготовления, функции, разделяя по гендерному и возрастному основаниям и т. д. Следует самостоятельно учитывать слова, называющие головные уборы, обувь, аксессуары, детали и части одежды. Узуальное семантическое пространство единиц с компонентом значения 'одежда' является весьма разветвлённым. Идиолект языковой личности в его представлении текстами не должен полностью соответствовать узусу в силу особенностей формирования в процессе жизненной эволюции автора [7, с. 3–4, с. 9–12]. Исследуемая ЛСГ включает слова, представляющие различные подгруппы: *веретье* ('мешковина, грубая ткань') (4 употребления) – квалифицируется нечто способное укрыть тело – по характеру материала; *тулуп* ('длинная и широкая шуба, обычно нагольная (не крытая материей), уличная одежда')² (10 употреблений) – тёплая зимняя одежда, служащая также одеялом; а также *платок / платочек* (5 употреблений), *повязка* (4), *шляпа* (3 употребления) – головные уборы: *Раздела Варька Настю в холодной пуньке, положила её в холодную постель и одела веретьем, а сверху двумя тулунами*. Представляется, что фактор частоты употребления конкретных слов ЛСГ служит показателем распространения, традиционности того или иного вида одежды, детали, ведь писатель должен был указать её в разных ситуациях, описывая различных персонажей повести, коллизии жизни главной героини Насти.

Здесь оказались важны бытописательные детали, составляющие биографическую канву – основу сюжета. Скромная и

нежная девушка родилась в бедной семье, из-за жадности своего брата вышла замуж за того, кто её не любил и кого она не любила. С самого начала её неудачного брака прежние мечты были разрушены, и жизненный путь привёл к трагедии. Подробное описание бесправного положения и тяжёлого существования женщины в семье у Лескова служит не только для того, чтобы обрисовать реалистические картины быта в XIX веке, но предназначено дать имплицитную оценку трагическому положению дел, указать на тяготы повседневной жизни русской бабы в то время. Отдельные этапы жизни Насти словно помечены Лесковым наименованием той одежды, которая отвечает состоянию героини. Например, уменьшительно-ласкательное слово *платьице* использовано для характеристики физической хрупкости, социальной и психологической незащищённости Насти перед нежеланной, но неизбежной свадьбой: *Пробил её мороз до костей в одном платьице, вздохнула она, отёрла рукой слёзы и вошла потихоньку через девичью в детскую комнату*.

При этом ядерный гипероним *одежда* оказался гапаксом данного текста, так как используется Н. С. Лесковым лишь единожды и безотносительно к характеристике персонажей – в цитате из церковного песнопения: *Крылушкин <...> сильным ещё, но тоже немножко уже дребезжащим голосом запел: «Чертог твой вижду, спасе мой! украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь»*. Собирательное *одежда* писателем также не используется, как и общие обозначения *костюм* ('одежда, платье'), *облачение*, *туалет*, *убор*; единожды представлено лишь слово *наряд* – 'одежда, костюм'³.

Ставим задачей рассмотреть наиболее важные в стилистическом отношении номинации одежды. Об этом можно судить по тому, как Н. С. Лесков осуществлял представление персонажей, их портретирование. В данном отношении наиболее значимыми стилистически и в лингвокуль-

¹ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Азбуковник, 2000. С. 297–332.

² Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Азбуковник, 2000. С. 302.

³ Там же. С. 297.

турном отношении кажутся номинации лёгкой верхней одежды. *Рубашка* (11 употреблений в тексте), *рубашечка* (3), *рубашонка* (1), *рубашоночка* (1), *рубаха* (4 употребления) – традиционная русская народная одежда, которая упоминается в повести в ключевых характеристиках. Мужская *рубашка*, женская *рубашка* – наименование лёгкой кофты, как правило, прямой, из грубой или тонкой ткани, с широким рукавом, нередко с вышивкой. Это одежда, закрывающая верхнюю часть тела. Все однокоренные производные в данном словообразовательном гнезде восходят к исконному русскому слову *рубаха*: «Суф. производное от общеслав. *rovъ. Ср. диал. *руб* “одежда из грубой ткани”, сербо-хорв. *руб* “шов”, н.-лужицк. *rub* “грубая ткань”, “одежда”, латышск. *Rjovs* “зарубка”, нем. *Rant* “край, кайма”. Ср. *подрубить* “подшить”. *Рубаха* буквально “подрубленная одежда (с каймой)”¹.

Из-за условий жизни в то время *рубашка / рубаха* была основной одеждой для мужчин и женщин, что показывает Н. С. Лесков: *А относительно девичьих нарядов сказали, что девки на Гостомле «спокон века» ходили в одних вышитых рубашках и что это ничему не вредит; что умная девка и в одной рубашке будет девкою, а зрячая, во что её ни одень, прогорит, духом.*

В семантике слова *рубашка / рубаха* актуален гендерный, этнокультурный компонент, судя по использованию Н. С. Лесковым. Ношение рубашки мужчинами писатель отображает как факт обыденный, отмечая деталями описания, что в мужском традиционном костюме она сочетается со *свитой / свиткой* («свитка. Искон. суф. уменьшит.-ласкат. образование от общеслав. *свита* «одежда», производного от *свити* «свить, соткать», ср. церковнослав. *свито* «полотно») и *кушаком* (‘матерчатый широкий и длинный пояс’): *Рубашка на нём была мокра от росы, а свита была связана кушаком* (см.:

¹ Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. С. 276.

кушак – ‘матерчатый широкий и длинный пояс’)².

Рубашка / рубаха как вид женской одежды требовала ношения с *юбкой* (‘женская одежда, закрывающая фигуру от талии книзу’), *паневой*, что отражает реалистическое портретирование в повести Н. С. Лескова – старик запечатлён в рубашке, Настя – в рубашке с юбкой: *Луна ясно освещала комнату, беловолосого старика в ситцевой розовой рубашке, распевавшего вдохновенные песни, и стройную Настю в белой как снег рубашке и тяжёлой шерстяной юбке ярко-красного цвета.* (См. *юбка*: «Заим. в XVI в. (в форме юпка) из польск. производное от жура «женская кофточка, куртка» < ср.-в.-нем. *jurre*, восходящего – через франц. и итал. посредство – к арабск. *jubba* «род одежды»»)³.

Писатель с высокой достоверностью через оценки в речевых партиях персонажей показывает, что ношение рубашки / рубахи женщиной без юбки допускается в русской традиции (а) юным, детским возрастом, (б) позволительно в домашней обстановке, а в иных случаях служит показателем (в) неадекватного поведения, болезни, нарушения бытовых установок или (г) крайней бедности. Лесковские контексты все эти особенности ярко запечатлели, при этом исследуемые номинации послужили показателем изменений в судьбе главной героини; см.:

(а) – *Да не то, ребятаушки! а ведь нехорошо смотреть-то на большую девку, как идёт в одной рубашке, – говорил барин.* Здесь в речевой партии барина прямо указывается, что *большие*, т. е. взрослые «девки» не должны ходить в одной рубашке без юбки;

(б) *Полно тебе, – сказала кузничиха. – Отойди от неё, дай ей одеться-то. Ведь она не махонькая; не вставать же ей при мужиках в одной рубахе.* Описывается

² Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Азбуковник, 2000. С. 329.

³ Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. С. 384.

сцена пробуждения ото сна, когда Насте надо встать с постели, где она спала под домашнему в одной рубахе;

(в) *Смотрит, бабочка идёт в одной рубахе, два кувшина тащит со щами да с квасом, на другой руке у неё ребенок сидит, а другое дитя бежит издали, отстало и плачет.*

– *Мама! мама! ножки устали, ой, мама! – кричит ребёнок, а мать идёт, будто не слыши его плача. Не то это с сердцов, не то с усталости, а может, с того и с другого...* Повествование Н. С. Лескова о неадекватном поведении вследствие усталости, болезни содержит указание на его причину: *с сердцов* – ‘от огорчения’, *от усталости*;

То она сидела спустя голову, молчала и, как глухонемая, не отвечала ни на один вопрос, то вдруг пропадала, бегала в одной рубашке по полям, звала Степана и принимала за него первого встречного мужчину. Предикаты *бегала, молчала, пропадала*, указывающие на непоследовательные, нелогичные действия Насти, свидетельствуют о расстройстве её психики;

(г) *Где она бродила и чем питалась, никто не знал. Говорили только, что она совсем обносилась, и видали её пробежавшею через поля в одной рубашке.* – О крайней бедности свидетельствует контекстуальный партнёр – предикат *обноситься* – ‘износить, потрепать платье’.

Итак, наблюдение над использованием писателем-реалистом наименований одежды, в частности слова *рубашика / рубаха*, подтверждает справедливость утверждения, что вещи, одежда при раскрытии образов героев важны, потому что «заряжены» «человеческим началом» [12, с. 61–62]. Этот фрагмент русской языковой картины мира антропоцентричен.

Заключение

В повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы», посвящённой горькой женской судьбе, номинации одежды отражают авторскую прагматику точности в изображении людей, уклада их быта, обычаев, вследствие чего ядерная зона фрагмента русской языковой картины мира ‘одежда’ не представлена в соответствии с художественной установкой, а периферийные (конкретные) номинации используются писателем активно при характеристике персонажей, прежде всего главной героини Насти. Для представления реалий XIX века, картины мира, понимания тонких лесковских характеристик через «вещный мир» необходимо описательный комментарий слов ЛСГ ‘одежда’. Замена любого гипонима на гипероним *одежда* стилистически недопустима.

Статья поступила в редакцию 04.07.2019.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антошин Н. С. Язык и народно-бытовая лексика и фразеология в рассказах Н. С. Лескова: дис. ... канд. филол. наук. Без указ. места, 1947. 300 с.
2. Герасименко Н. А. Грамматика на службе развития речи и речевой культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. №2. С. 28–34.
3. Головачева О. А. Национально-культурный компонент в заголовках и текстах публицистических произведений Н. С. Лескова 60-х гг. XIX века // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Материалы Международного форума русистов / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. Новозыбков, 2018. С. 544–551.
4. Киселева И. А., Поташова К. А. Семантика и поэтика русского костюма в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. №2. С. 36–48.
5. Клишина О. Н., Клишина О. С. Н. С. Лесков как историк быта и этнограф // Исторические, филологические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. №7 (13): в 3 ч. Ч. II. С. 105–110.
6. Леденёва В. В. «Вещный мир» в зеркале идеографического словаря автора // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Азбуковник, 2013. С. 217–222.

7. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова. М.: МПУ, 2000. 187 с.
8. Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
9. Михеева А. А. Художественно-стилистические функции средств номинации и предикации в романе Н. С. Лескова «Обойденные»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.
10. Полетаева В. В. Одежда как отражение социальной структуры российского общества первой половины XIX века (на примере костюма дворянского и крестьянского сословия) // Научные достижения и открытия современной молодёжи: сборник статей победителей международной научно-практической конференции: в 2 частях. Пенза: Изд-во «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2017. С. 302–304.
11. Смоленский Н. И. и др. Художественно-образное и научное (научно-историческое) постижение действительности: проблема соотношения (круглый стол) / Смоленский Н. И., Песоцкий В. А., Алпатова Т. А., Халикова Н. В., Леденёва В. В., Ларионов А. Э., Багдасарян В. Э., Бруз В. В. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. №4. С. 14–67.
12. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. 624 с.
13. Хализев В. Е. Художественный мир писателя и бытовая культура (на материале произведений Н. С. Лескова) // Континент 1981: теоретико-литературные исследования. М.: Наука, 1982. С. 110–145.
14. Цзян Юань. Об изучении языка и стиля Н. С. Лескова в Китае // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. №2. С. 45–51.

REFERENCES

1. Antoshin N. S. *Yazyk i narodno-bytovaya leksika i frazeologiya v rasskazakh N. S. Leskova: dis. ... kand. filol. nauk.* [Language and folk-household vocabulary and phraseology in the stories of N. S. Leskov: PhD thesis in Philological sciences]. *Bez ukaz. mesta*, 1947. 300 p.
2. Gerasimenko N. A. [Grammar in the service of the development of speech and language culture]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 2, pp. 28–34.
3. Golovacheva O. A. *Natsional'no-kul'turnyi komponent v zagolovkakh i tekstakh publitsisticheskikh proizvedenii N. S. Leskova 60-kh gg. XIX veka* [National-cultural component in the headlines and texts of publicistic works by N. S. Leskov in the 60-ies of the XIX century]. In: *Kommunikativnye pozitsii russkogo yazyka v slavyanskom pograničie: dvuyazychie i mezh'yazykovaya interferentsiya: Materialy Mezhdunarodnogo foruma rusistov* [The communicative position of the Russian language in the Slavic Borderlands: bilingualism and interlingual interference: proceedings of the International forum of specialists in Russian Philology / ed. by S. N. Starodubets, V. N. Pustovoitova]. Novozybkov, 2018, pp. 544–551.
4. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Semantics and poetics of the Russian costume in the “History of the Russian State” by N. M. Karamzin]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2018, Vol. 16, no. 2, pp. 36–48.
5. Klishina O. N., Klishina O. S. [N. S. Leskov as a historian of everyday life and ethnographer]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice.]. Tambov: Gramota Publ., 2011, no. 7 (13): in 3 parts. Part 2, pp. 105–110.
6. Ledeneva V. V. «Veshchnyi mir» v zerkale ideograficheskogo slovarya avtora [“The real world” in the mirror of the ideographic dictionary of the author]. In: *Avtorskaya leksikografiya i istoriya slov: K 50-letiyu vykhoda v svet «Slovarya yazyka Pushkina»* / Executive editor L. L. Shestakova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013, pp. 217–222.
7. Ledeneva V. V. *Osobennosti idiolekta N. S. Leskova* [Features of N. S. Leskov idiolect]. Moscow, MPU Publ., 2000. 187 p.
8. Ledeneva V. V. *Slovo Leskova* [Leskov's Word]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2015. 260 p.
9. Mikheeva A. A. *Khudozhestvenno-stilisticheskie funktsii sredstv nominatsii i predikatsii v romane N. S. Leskova “Oboidennyye”: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Artistic and stylistic functions of the means of nomination and predication in the N. S. Leskov novel “Left out”: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2008. 17 p.
10. Poletaeva V. V. *Odezhda kak otrazhenie sotsial'noi struktury rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny*

XIX veka (na primere kostyuma dvoryanskogo i krest'yanskogo sosloviya) [Clothing as a reflection of social structure of Russian society during the first half of the XIX century (on the example of the costume of the nobility and the peasant class)]. In: [Scientific achievements and discoveries of modern youth: a collection of articles by winners of the international scientific-practical conference: in 2 parts]. Penza: Publishing house "Science and Education" (IP Gulyaev G. Yu.), 2017, pp. 302–304.

11. Smolenskii N. I. et al. [Artistic creative and scientific (scientific and historical) understanding of reality: the problem of correlation between (round table)] / Smolenskiy N. I. Pesotsky V. A., Alpatova T. A., Khalikova N. V., Ledenyov V. V., Larionov A. E., Bagdasaryan V. E., Bruz V. V.]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Science, 2017, no. 4, pp. 14–67.
12. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic]. Moscow, Progress; Kul'tura Publ., 1995. 624 p.
13. Khalizev V. E. *Khudozhestvennyi mir pisatelya i bytovaya kul'tura (na materiale proizvedenii N. S. Leskova)* [The artistic world of the writer and consumer culture (on the material of works by N. S. Leskov)]. In: *Kontinent 1981: teoretiko-literaturnye issledovaniya* [The continent 1981: theoretical and literature studies]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 110–145.
14. Jiang Yuan. [The study of N. S. Leskov language and style in China]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2019, no. 2, pp. 45–51.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цзян Юань – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, преподаватель русского языка Синьцзянского педагогического университета; e-mail: 1173628093@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Jiang Yuan – Postgraduate Student, Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University, a teacher of Russian language, Xinjiang Normal University; e-mail: 1173628093@qq.com

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цзян Юань. Отражение фрагмента русской языковой картины мира 'одежда' в бытовых номинациях повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 49–56.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-49-56

FOR CITATION

Jiang Yuan. The reflection of a fragment of Russian language picture of the world 'clothing' in the categories of household in N. Leskov's novel "The life of a peasant women". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 49–56.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-49-56

УДК 8.81.26

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-57-64

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО СЛОВОМ *ГДЕ*

Чжан Юэ*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Статья посвящена вопросительным предложениям с наречием где. Цель статьи – проанализировать семантический потенциал данных предложений, т. е. определить, что может быть предметом интереса говорящего, и выявить условия реализации выражаемых ими значений.

Процедура и методы исследования. В процессе исследования вопросительных конструкций используется метод структурно-семантического анализа, сплошной выборки и классификации языковых единиц. Выявляется семантический потенциал входящих в исследуемые конструкции компонентов, их валентность.

Результаты. Вопросительные предложения с где в первую очередь реализуют пространственные вопросы. При этом где-вопросы могут использоваться, когда предметом интереса говорящего становится не только местонахождение субъекта / объекта, но и начальная или конечная точка его перемещения. Языковой материал показывает, что данные вопросительные предложения могут выражать непространственные значения. Предметом интереса говорящего может быть причина отсутствия объекта в поле зрения говорящего, способ осуществления ситуации, контрагент или относительное время. Для реализации того или иного значения где важную роль играет лексический состав вопросительного предложения, особенности которого описываются в статье.

Теоретическая и / или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы в преподавании современного русского языка в вузе, в разработке учебных курсов и спецкурсов по синтаксису.

Ключевые слова: вопросительное предложение, вопросительное местоименное наречие, семантика вопросительного слова, предметная область вопроса; валентность, реализуемая вопросительным словом

THE SEMANTIC POTENTIAL OF INTERROGATIVE SENTENCES WITH PRONOUN *GDE*

Yue Zhang*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation***Abstract.**

Aim. The main purpose of this study is to analyze semantic potential of interrogative sentences with pronoun «gde», and to illustrate contexts, conditions on which depends realization each one of mentioned meanings.

Methodology.

Results. Interrogative sentences with pronoun «gde» are most frequently used to form spatial questions, namely questions about location of certain subject / object, as well as questions about starting or ending point of their routes in case of transferring. Subject area of questions with pronoun «gde» could be reason of absence of someone / something in vision of the speaker, or method to realize some situation, or counterpart and or even time.

© СС BY Чжан Юэ, 2020.

Research implications.

Keywords: Interrogative sentences, Interrogative adverb, Semantics of interrogative pronoun, Subject area of the question, Valence realized by the question word

Введение

В словарях отмечается, что вопросительное наречие *где* означает 'в каком месте' [13, с. 303; 3, с. 570]. Однако, как показывают примеры, вопросительные предложения со словом *где* могут выражать и другие значения (о семантике вопросительных предложений см.: [8; 12; 5; 6; 14]). В данной статье рассматриваются как различные значения вопросительных предложений с *где*, так и условия их реализации.

1. Пространственные значения вопросительных предложений с наречием *где*

Как отмечалось выше, первичное значение слова *где* – 'место, в котором локализуется ситуация и / или её участник(и)'. *Где* может играть роль актанта места, т. е. заполнять при предикате семантическую валентность места:

(1) – *Где ты был утром? Ты мне был нужен. Где ты был? – Я был на конференции резидентов в департаменте реабилитации (лечебной физкультуры)* (В. Голяховский)¹.

Основную часть предикатов, имеющих актант места и сочетающихся с вопросительным наречием *где*, составляют предикаты, обозначающие различные положения в пространстве и местонахождение (по классификации Т. В. Булыгиной [4, с. 112]): *висеть* (о картине), *сидеть*, *находиться*, *быть* и т. д. К этим двум типам можно добавить также предикаты существования, выделенные в отдельную группу в классификации Ю. Д. Апресяна [2, с. 291]: *водиться*, *жить* и др.; см. примеры (1), (2):

(2) – *А где вы раньше жили? – спросила Ирина у Олега. – С родителями, – ответил Олег* (В. Токарева).

Глагол *жить* имеет значение 'пробыть, проживать где-л.' [9, с. 487], 'проводить жизнь в каком-н. месте, среди кого-н., обитать' [13, с. 195]. Таким образом, валентность места у глагола *жить* является семантической (она соответствует переменной в толковании значения глагола). В ответе значение места выражается метонимически: *с родителями*, т. е. в квартире у родителей (о том, что место может быть обозначено указанием на хозяина места, см.: [7, с. 76]).

Семантическую валентность места имеют также предикаты каузации местонахождения, например *хранить*, *сеять* и др. [11, с. 70], что делает возможным их употребление в вопросительных предложениях со словом *где*:

(3) *Где вы храните ваши денежки? В аккуратном бумажнике или в старом потрёпанном кошельке? А может, распахиваете по карманам?* (Н. Манушкина).

Хранить, по Е. В. Рахилиной, означает «каузировать некоторую вещь (Z) постоянно находиться в определённом месте (X)» [11, с. 70], и в примере (3) семантическую валентность места данного глагола замещает *где*.

Вопросительное слово *где* может выражать не только актант, но и сирконстант места:

(4) – *Ты где сегодня ужинаешь, Амвросий? – Что за вопрос, конечно, здесь, дорогой Фока!* (М. Булгаков).

(5) – *Иди-ка ты опять на базар. Купи три мандарина, да покрупнее. Посопел Евдоким недоволен, да что поделаешь, пошёл. Приходит и спрашивает: – Где тут мандарины продаются? Ему показывают: – А вон там* (О. Тихомиров).

Глагол *ужинать* толкуется как 'есть вечером, съесть ужин' [13, с. 474], где *ужин* – это 'вечерняя еда, последняя еда перед сном' [13, с. 474]. Таким образом, *ужинать* не имеет локальной семантической ва-

¹ Все использованные в статье примеры, кроме специально оговоренных, взяты из Национального корпуса русского языка: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorp.ru/> (дата обращения: 15.03.2020).

лентности, соответственно, *где* при этом глаголе выражает сирконстант (см. пример (4)). Глагол *продать* описывается таким образом: 'отдать за определённую плату' [13, с. 479], т. е. *продать* также не имеет семантической валентности места, и *где* является сирконстантом (см. пример (5)).

Итак, пространственные вопросительные предложения со словом *где* могут различаться следующим образом: актантом или сирконстантом является вопросительное наречие.

В составе вопросительных предложений во вторичной функции вопросительное наречие *где* также может обозначать место локализации ситуации и / или её участников, однако в данных вопросительных предложениях наличие такого места, как правило, либо отрицается, либо ставится под сомнение; см.:

(6) – *А где же Иоська? – А где ему быть? Дома он...* (В. Осеева).

В примере (6) *А где ему быть?* имплицитно отсутствует точка / области пространства, отличной от «дома», в которой Иоська может находиться.

Е. В. Рахилина обратила внимание на то, что *где* в вопросительных предложениях может обозначать не только местонахождение описываемой ситуации и / или её участников, но и начальную или конечную точку перемещения субъекта / объекта, т. е. выражать пространственные значения вопросительных наречий *куда* и *откуда* [11, с. 104–107]; см. примеры из [11]:

(7) – *Где он положил деньги? – На столе, возле вазы с конфетами.* (Ср.: *Куда он положил деньги?*)

(8) – *Где ты вытащил огромную рыбку? – В чёрном омуте, за болотом.* (Ср.: *Откуда ты вытащил огромную рыбку?*)

В таком случае *где* сочетается с предикатами перемещения или каузации перемещения.

Ситуация перемещения субъекта предполагает три фазы: до момента t_0 X находится в Q, с t_0 до t_1 X перемещается из Q в Z; после t_1 X находится в Z (Q – начальная точка перемещения, Z – конечная). Ситуация перемещения объекта (т. е. каузации его перемещения) имеет те же

три фазы: до момента t_0 Y находится в Q, с t_0 до t_1 X перемещает Y из Q в Z; после t_1 Y находится в Z. Таким образом, перемещение включает начальное (Q) и конечное (Z) местоположение субъекта / объекта.

Где-вопрос действительно может быть задан для выяснения места Z, т. е. конечного местонахождения субъекта / объекта; см. пример (7) и следующие примеры:

(9) *Где упал Тунгусский метеорит?* (пример из работы [11]).

(10) – *Парашиотик. <...> – А-а-а, тот самый? <...> Вита огляделась по сторонам: – Где ж тебя повесить? А давай его пока сюда!* (С. Каледин).

(11) – *Улитка. <...> – А ты где её спрятал? – Под кроватью* (Ю. Лавряшина).

В примере (9) говорящего интересует конечное местоположение субъекта перемещения, в примерах (10) и (11) – конечное местоположение объекта перемещения. Заметим, что в последнем примере адресат сообщает, *где* он спрятал улитку, а не *куда* он её спрятал (*Под кроватью*, а не *Под кровать*). Как пишет Е. В. Рахилина, «во всех таких случаях отвечающий указывает не саму... конечную точку, а, так сказать, место её положения, пространство, на (или в) котором она находится» [11, с. 105].

Что касается места Q, т. е. начального местоположения субъекта / объекта, то, как показывает наш материал, по отношению к данной точке *где* используется значительно реже (приведённый выше пример (8) *Где ты вытащил огромную рыбку?* – единственный пример, который даёт в своей работе Е. В. Рахилина). *Где* может заменять *откуда*, когда данные вопросительные наречия употребляются не в своём прямом пространственном значении:

(12) – *Он продаёт овощные ножи для праздничного оформления стола. <...> – А где он ножи берет? – спросил Чибирев. – Привозят ему. Как и вы, точно так же. С курьером* (С. Носов).

В данном случае *брать* означает 'находить для использования' [3, с. 341], и вопросительное наречие указывает не на начальное местоположение объекта, из которого его извлекли и переместили в Z, а на спо-

соб, посредством которого адресат получил объект в своё распоряжение. Не случайно в ответной реплике приводится именно способ приобретения объекта: *Привозят ему.*

2. Временное значение вопросительных предложений со словом *где*

Сирконстантный ответ на *где*-вопрос может не обозначать локализацию ситуации в пространстве. Например:

(13) – *Где аплодировали громче всего? – После второго акта.*

(14) – *Где вы выключили радио? – Сразу после сводки погоды* (примеры из работы [11]).

В подобных вопросах вопросительное слово *где* выражает сирконстант времени. Для реализации этого значения в фокусе внимания коммуникантов должно находиться явление, которое развёртывается во времени в виде отрезков, наполненных разным содержанием (например, радиоэфир, который состоит из следующих друг за другом программ). *Где* локализует действие во времени относительно данных отрезков.

Не случайно поэтому ответы на такие вопросы имеют одну особенность: «информация о времени совершения Р не может быть сообщена в форме “абсолютного” времени, например, в часах и минутах» [11, с. 83]. «Временная локализация ситуации Р обязательно должна быть произведена в форме “относительного” времени, т. е. путём соотнесения Р с некоторой другой, внешней по отношению к Р ситуацией Р’» [11, с. 83].

3. Причинное значение вопросительных предложений со словом *где*

Е. В. Рахилина обратила внимание на то, что в ответах на вопросы со словом *где* может сообщаться информация не о местонахождении субъекта / объекта, а о причине его отсутствия в некотором пространстве, находящемся в поле зрения говорящего [10, с. 25–26]:

(15) – *Друзья мои... Где же они все? – Едва я вошёл, как они вышли на цыпочках* (Е. Шварц) (пример из работы [10]).

Как отмечает Е. В. Рахилина, в некоторых случаях удовлетворительным ответом на *где*-вопрос оказывается «неместный»: *Где X?* понимается как ‘Почему X-а нет в Q?’ [10, с. 26]. Условием, при котором *где*-вопрос рассматривается как причинный, является несоответствие презумпций говорящего и положения действительности. Причинное значение *где*-вопросов возникает только тогда, когда «говорящий обнаруживает несоответствие между имевшейся у него презумпцией о том, что объект X должен находиться в поле его зрения, и реальным положением вещей» [10, с. 26]. Так, герой пьесы Е. Шварца (15) только что был окружён своими друзьями, он обращается к ним: *Друзья мои!* – и вдруг обнаруживает, что никого нет [10, с. 26].

См. также следующий пример:

(16) *А однажды – один только раз! – присела на мраморной лестнице, держа полуобглоданную четвертушку, которую я безнадежно испортила, ровняя, и вдруг, ужасаясь, съела её всю, до последней крошки. Явилась домой – преступная. «Где хлеб?» – спросила мама. Пришлось сознаться: «Съела»* (И. Грекова).

Мать не видит хлеба, который должна была принести дочь, и поэтому интересуется причиной его отсутствия.

Е. В. Рахилина отмечает случаи, когда *где*-вопрос имеет только «местную» или только «причинную» интерпретацию.

Только «местная» интерпретация возможна в вопросах с местоимениями 1-ого лица [10, с. 26]: *Где я? Где мы?* Например:

(17) – *Где я? – спросил. – На Украине, – ответили ему* (В. Астафьев).

(18) *Окончательно заплутав, я включил аварийную мигалку и выбежал с картой в руках к розовощёкому шведу, пасущему двух внучат в скверике возле кирхи: – Извините, где я нахожусь?* (Д. Каралис).

В приведённых примерах предметом интереса говорящего является его собственное местонахождение. Чтобы возникла «причинная» интерпретация данных вопросов, они должны имплицировать, что говорящий ожидал увидеть себя в некото-

ром месте, но не видит, а такая импликация невозможна.

Только «причинную» интерпретацию, по мнению Е. В. Рахилиной, допускают вопросы с отглагольными существительными [10, с. 26; 11, с. 129–130]. Например:

(19) – *А где же поминки? – Видишь ли, я не успел как следует подготовиться* (А. Вампилов) (пример из работы [10]).

Как пишет Е. В. Рахилина, если имя «обозначает ситуацию, которая... не способна «развёртываться» во времени и пространстве, «местная» интерпретация... вообще исключена» [11, с. 130]. Е. В. Рахилина приводит такие примеры:

(20) *Где ваша доблесть?*

(21) *Где ваши знания, молодой человек?*

С нашей точки зрения, в этих примерах причинное значение отсутствует: *Где ваша доблесть?* не означает «Почему у вас нет доблести?»; *Где ваши знания?* не означает «Почему у вас нет знаний?». *Где* в составе таких вопросительных предложений десемантизировано, и вопросительные предложения указывают на отсутствие у человека качества или свойства, которое ожидалось говорящим: «у вас нет доблести», «у вас нет знаний».

4. Вопросительные предложения со словом *где* со значением контрагента

Интересно ведут себя вопросительные предложения с *где*, в составе которых имеются предикаты, означающие ‘приобрести что-то в пользование’, ‘получить что-то в своё распоряжение’. Это глаголы *брать / взять, браться / взяться, найти, достать, приобрести, купить*. Такие вопросительные предложения могут иметь пространственное значение:

(22) – *Где он купил участок? – Под Звенигородом.*

В данном случае предметом интереса говорящего является местонахождение приобретённого участка.

Однако чаще всего вопросительные предложения с указанными предикатами выражают другие – не пространственные – значения. Одно из них – значение

контрагента – семантического актанта «социализированных действий (например, купли-продажи, аренды, страховки и т. п.) с двумя равно активными деятелями, которые выполняют по отношению друг к другу разные роли. Так, в ситуации *арендовать* один из деятелей берёт некую ответственность в аренду, а другой её *сдаёт*» [1, с. 32].

Рассмотрим следующие примеры:

(23) – *«У меня патронов нет. Кончились».* – *«А ты купи».* – *«Где я их тебе куплю? Вокруг горы, ни души».* – *«А ты у меня купи»* (С. Алексиевич).

(24) *Где можно приобрести в широком ассортименте качественное детское питание, памперсы и детскую косметику? В. С. Биняева, Москва. ОГРОМНЫЙ ассортимент детского питания, памперсов и детской косметики представлен в магазинах компании «БЭСТ» (Вы спрашивали – отвечаем (2001) // «Аргументы и факты», 14.02.2001).*

Как подчёркивает Е. В. Рахилина, глагол *купить* не имеет локативной семантической валентности, и ответ на вопрос *Где купить...?*, который содержит информацию собственно о месте покупки, будет неудовлетворителен [11, с. 74–75]. Иными словами, задавая вопрос с наречием *где* и глаголом *купить*, говорящий не имеет в виду узнать место покупки как таковое, он хочет узнать исходного владельца объекта [11, с. 75]. Соответственно, в примере (23) говорящий привлекает внимание адресата к тому, что в данных условиях нет такого человека, который мог бы продать ему патроны, поэтому совет адресата неуместен. В примере (24) говорящий ставит вопрос не просто о месте покупки, а о магазине, т. е. организации, которая продаёт детское питание и др. Таким образом, *магазин* играет роль контрагента, и эту же валентность реализует слово *где*.

Помимо контрагента, при употреблении рассматриваемых вопросительных предложений говорящего может интересоваться способ приобретения чего-либо:

(25) – *А деньги где берёшь? Работаешь? – Муж даёт. Он мебель собирает, зарабатывает хорошо* (Д. Виноградов).

Адресат в своём ответе даёт информацию о контрагенте (муж), хотя говорящий спрашивает о том, каким образом адресат получает деньги (один из способов представляет вопрос *Работаешь?*).

5. Вопросительные предложения со словом *где* со значением способа

Вопросительные предложения с наречием *где*, содержащие предикаты приобретения, в частности *брать / взять*, чаще употребляются тогда, когда предметом интереса говорящего становится способ достижения некоторого результата. См. примеры с глаголами *брать / взять*, а также *получить, найти, взяться*:

(26) – *Где ваша компания берёт столь значимые финансовые ресурсы для инвестиций? – Это те же инструменты, которые используют другие. К ним относятся и собственная прибыль, и банковские кредиты, деньги с рынка долговых инструментов, а также с рынков долгосрочного ссудного капитала* (Ли Шуфу).

(27) *Медвежонок перестал махать лапами и задумался: «Птицы! А где же я возьму птиц?» – Белка, – сказал он – найди для меня, пожалуйста, немного птиц* (С. Козлов).

(28) – *Нету в озере рыбы! – Да где ж ей взяться! (Коллекция анекдотов: охотники и рыболовы (1970-2000)).*

Мы понимаем способ как совокупность действий, которые ведут к осуществлению некоторой ситуации. Например, из контекста (26) следует, что приобретению финансовых ресурсов для инвестиций может способствовать получение собственной прибыли, банковских кредитов, денег с рынка долговых инструментов, а также с рынков долгосрочного ссудного капитала – всё это способы достижения желаемого результата. И задавая вопрос с наречием *где*, говорящий в примере (26) хочет узнать о том, какими способами компания получает финансовые ресурсы для инвестиций.

Аналогичным образом в примере (27) говорящий задаётся вопросом, как найти птиц, т. е. что нужно сделать, чтобы у него появились птицы. В примере (28) говорящий утверждает, что описываемая ситуация не может быть осуществлена никаким способом.

Отметим, что *где* в данном значении можно заменить на *откуда*, см.: *Откуда ваша компания берёт столь значимые финансовые ресурсы для инвестиций?; ... но откуда же взято доказательство?* и др.

Если в вопросительных предложениях с предикатами приобретения употребляется событийная лексика, то вопросительные предложения не могут иметь пространственного значения – предметом интереса Г может быть только способ осуществления некоторой ситуации, см. примеры:

(29) *Необходимо как бы всеобщее терпение, чтобы получился наконец режиссёр. Но где взять это терпение? Ведь не написано же на данном ученике, что он талантлив, что в будущем талант его раскроется* (А. Эфрос).

Г задумывается над тем, как ему научиться верить и терпеть.

Способ осуществления некоторой ситуации актуализируется также в предложениях с глаголами *брать / взять, братья / взяться*, валентность которых замещает существительное *сила*:

(30) *В свободные дни я осуществляла такие грандиозные походы! Где только силы брались. С утра – если нет съёмки – обязательно Эрмитаж* (Л. Гурченко).

В данном случае речь идёт о ситуации «грандиозные походы говорящего», которую трудно осуществить. Говорящий показывает, что он не понимает, каким способом эта ситуация была осуществлена.

Заключение

Итак, в пространственных вопросительных предложениях со словом *где* могут реализовываться как актанта и сирконстанта. В актантах вопросительных предложениях наблюдается синонимия слова *где* словам *куда* и *откуда*. Кроме того, вопросительные предложения с наречием *где* обладают широким семантическим потенциалом и

могут выражать непространственные значения, в том числе временные, причинные значения. Предметом интереса говоряще-

го может быть также контрагент или способ осуществления действия.

Статья поступила в редакцию 14.10.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология Словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 22–52.
2. Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. 408 с.
3. Активный словарь современного русского языка. Первый выпуск / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян и др. М.: Языки славянских культур, 2014. Т. 2. 736 с.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
5. Буянова Л. Ю. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации. М.: ФЛИНТА, 2016. 228 с.
6. Ибрагимова Л. И. Вопросительные и отрицательные предложения в русском и аварском языках: структурная и функционально-семантическая характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2016. 26 с.
7. Муравенко Е. В. О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 71–81.
8. Невольникова С. В., Богатская Е. Ю. Функционально-семантическая роль вопросительных предложений в текстообразовании. Ростов-на-Дону: Изд. центр ДГТУ, 2015. 80 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-ое изд., дополненное. М.: ИТИ Технологии, 2005. 944 с.
10. Рахилина Е. В. К описанию вопросо-ответного отношения // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. М.: ВИНТИ, 1986. №2. С. 24–28.
11. Рахилина Е. В. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München: Sagner, 1990. 206 с.
12. Сидоренко Е. Н. Введение в теорию языковых смыслов: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2015. 106 с.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. [МАС] / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988.
14. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика местоимённых собственно вопросительных предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. №1. С. 43–48.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. *Lingvisticheskaya terminologiya Slovarya* [Linguistic terminology of the Dictionary]. In: *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka*. [New explanatory dictionary of synonyms Russian language]. 2nd edition, revised and expanded / Under the General supervision of Acad. Yu. D. Apresyan]. Moscow, Shkola «Yazyki slavyanskoi kul'tury» Publ., 2003. pp. 22–52.
2. Apresyan Yu. D., Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical problems of Russian syntax: the Interaction of grammar and vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. 408 p.
3. *Aktivnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Pervyi vypusk* [Active dictionary of the modern Russian language. First edition] / V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan et al. Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2014. Vol. 2. 736 p.
4. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1997. 576 p.
5. Buyanova L. Yu. *Emotivnost' i emotsiogenost' yazyka: mekhanizmy eksplikatsii i kontseptualizatsii* [Emotively and amelogenesis language: mechanisms of explication and conceptualization]. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 228 p.

6. Ibragimova L. I. *Voprositel'nye i otritsatel'nye predlozheniya v russkom i avarskom yazykakh: strukturnaya i funktsional'no-semanticheskaya kharakteristika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Interrogative and negative sentences in Russian and Avar languages: structural and functional-semantic description: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Makhachkala, 2016. 26 p.
7. Muravenko E. V. [On cases of non-trivial matching of semantic and syntactic valences]. In: *Semiotika i informatika* [Semiotics and computer science]. Issue. 36. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1998, pp. 71–81.
8. Nevol'nikova S. V., Bogatskaya E. Yu. *Funktsional'no-semanticheskaya rol' voprositel'nykh predlozhenii v tekstoobrazovanii* [The functional and semantic role of the interrogative sentences in the text formation]. Rostov-on-don: Publishing center of DSTU, 2015. 80 p.
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of Russian language: 80 000 words and phraseological expressions] / Russian Academy of Sciences. The V. V. Vinogradov Russian language Institute. 4th ed., augmented. Moscow, ITI Tekhnologii Publ., 2005. 944 p.
10. Rakhilina E. V. [To description of question-answer relationship]. In: *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya* [Scientific and technical information]. Series: 2. M.: VINITI Publ., 1986, no. 2, pp. 24–28.
11. Rakhilina E. B. *Semantika ili sintaksis? (K analizu chastnykh voprosov v russkom yazyke)* [Semantics or syntax? (To the analysis of particular issues in the Russian language)]. München, Sagner Publ., 1990. 206 p.
12. Sidorenko E. N. *Vvedenie v teoriyu yazykovykh smyslov: uchebnoe posobie* [Introduction to the theory of linguistic meanings: a tutorial]. Moscow, FLINTA Publ., 2015. 106 p.
13. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]: In 4 vol. [MAS] / USSR Academy of Sciences, In-t of the Russian language under the editorship of A. P. Evgenieva]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1985–1988.
14. Shapovalova T. E. [Temporal semantics are in fact pronominal interrogative sentences]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2017, no. 1, pp. 43–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Юэ – стажёр кафедры русского языка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: zhangyuelarisa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yue Zhang – Postgraduate Student, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: zhangyuelarisa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжан Юэ. Семантический потенциал вопросительных предложений со словом *где* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 57–64.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-57-64

FOR CITATION

Zhang Yue. The semantic potential of interrogative sentences with pronoun *где*. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 57–64.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-57-64

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-65-71

«АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ» ФАИНЫ ГРИМБЕРГ: К ВОПРОСУ О СИНКРЕТИЧНОМ СОЗНАНИИ В ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Балашова Е. А.

*Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 26, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель статьи – выявление соотношения мифологии и истории, фольклорного слова и книжной культуры в рамках одного текста современного поэта.

Процедура и методы исследования. Основываясь на методологии литературоведческого анализа, автор подробно исследует поэтику стихотворения Ф. Гримберг «Андрей Иванович возвращается домой».

Результаты. По итогам изучения архитектоники, жанровой специфики, интертекстуальности в стихотворении сделан вывод о синкретизации истории и мифа. В статье сформулированы жанрообразующие признаки причитания, сказки, идиллии и жития, нашедшие гармоничное соотношение в тексте.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты данной работы могут использоваться в текущем преподавании русской литературы в средней школе и вузе.

Ключевые слова: современная поэзия, Ф. Гримберг, жанр, причитание

«ANDREY IVANOVICH GOES BACK HOME» BY FAINA GRIMBERG: ON THE PROBLEM OF SYNCRETIC CONSCIOUSNESS IN THE INDIVIDUALISTIC EPOCH

E. Balashova

*Tsiolkovsky Kaluga State University
26 Stepana Razina ul., Kaluga 248023, Russian Federation*

Abstract.

The aim of the article is to identify the correlation of mythology and history, folklore and book culture within the framework of a single text of a modern poet.

Methodology. The paper analyzes the poem «Andrei Ivanovich Goes Back Home» by Faina Grimberg.

Results. Based on the analysis of architectonics, intertextuality, as well as the system of images in the poem, the author makes conclusions on syncretism of history and myth. The article formulates the genre-forming signs of lament, fairy tale, idyll and hagiography correlated in the text.

Research implications. The results of this work can be used in the teaching of Russian literature in secondary schools and universities.

Keywords: modern poetry, Faina Grimberg, genre, lament

Введение

Фаина Гримберг стала первым лауреатом поэтической премии «Различие». Ей посвящён сборник критических статей, в котором современные поэты и литературоведы находят типологические черты творчества Ф. Гримберг, при этом каждый раз отмечая её попытки исследовать возможности поэтической речи. О вопросах поэтики текстов Гримберг писали К. Корчагин, Л. Оборин, С. Бочавер, Д. Давыдов, Д. Ларионов, С. Красовская, Г. Рымбу, С. Львовский и др. Главная задача нашего исследования – подробный анализ поэтики конкретного текста – стихотворения Ф. Гримберг «Андрей Иванович возвращается домой», выявляющего «механизмы» его смыслопорождения.

Синкретизация истории и мифа

Андрей Иванович – символический персонаж Фаины Гримберг, который кочует из одного произведения в другое и про которого толком ничего не понятно, кроме того, что Фаина Гримберг влюблена в это имя. Если передать суть произведения «Андрей Иванович возвращается домой», то фабула такова: узнав о смерти любимого на войне, женщины очень долго ждут его, а потом идут искать, находят дерево, в которое он превратился, плачут, и из реки слёз появляется новый Андрей Иванович. Действие начинается, когда некий страшный голос сообщает трагическую весть:

Не надо больше ждать,

Любимый не вернется.

Всё кончилось.

Не надо больше ждать.

Любимый не вернется¹.

Голос звучит будто вовсе и не извне, он итожит самые горькие женские ожидания внутри, пугает. В дальнейшем он будет заменён на неопределённо-личное «И нам сказали»:

Когда о нем хоть кто-то говорит,

чужой

случайно

что-то говорит –

на кровь, на сухожилия –

горсть соли².

Многие исследователи пытались соотнести это и другие произведения Гримберг с каким-либо жанром, но в итоге у всех получалось одно – «большое стихотворение», «поэма» или «необычайно длинное стихотворение» [2, с. 8]. В тексте такого объёма действие «пробуксовывает»: до конца не разрешённое, оно сменяется другим. Читатель не может дожидаться подлинной кульминации. После того, как, износив семь пар железных чулок и башмаков, женщины добрели до дерева, в которое превратился Андрей Иванович, – они не оправдывают читательского ожидания, потому что не испытывают катарсиса. Это «неправильная» кульминация. Потом уже следует отказ от такого «Андрея Ивановича», его неприятие в новом обличье, горькое признание конца, позже – счастье обретения нового Андрея Ивановича.

Развязка ясна, она подготовлена всем ходом стихотворения. Женщины (любые женщины) оплакали очередного солдата – любой армии, любого времени. И, проводив одного, готовят для войны нового Андрея Ивановича. И так по кругу³. Этот порочный круг хочется разорвать, с каких бы давних времён он ни был, какой бы идиллической целостности жизни ни учил:

Теперь он превратился в дерево, в сосну,

в большие ветки превратились руки.

Андрей Иванович больше не придет.

И это называется в природе и в науке:

круговорот...

Не говорите нам, что есть такой закон,

один для превращений всех закон.

Круговорот –

жизнь движется кругами.

² Там же. С. 25.

³ Феномен незавершенного /под общ. ред. Т. А. Снигиревой и А. В. Подчинова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 528 с. См. раздел об идее линейного (циклического и неоконченного) открытого времени. С. 26.

¹ Гримберг Ф. Андрей Иванович возвращается домой // Гримберг Ф. Четырехлистник для моего отца: Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 384 с. (Серия «Новая поэзия»). С. 20.

*Зачем придумали такой закон?
Зачем придумали плохой закон?..
Андрей Иванович травинкой не взойдет.
Андрей Иванович цветком не прорастет.*

И птицей он в лесу не запоет.

Всё это ложь и глупости.

...моя душа его не узнает,

*и, значит, он не возвращается домой!*¹

«Андрей Иванович – это извечное проклятие мужской части человечества: муж, отец, брат, насильственно отторгнутый от нормальной жизни, из столетия в столетие шагающий в ряду таких же подневольных, плохо понимающих, зачем и ради чего им дали оружие и послали убивать и быть убитыми... Это – некий Вечный солдат, вне времени, вне географии, – человек, взятый войной (тысячелетиями войн) и загубленный этим исконным проклятием человечества»².

В тексте упоминается семилетняя война, пятилетняя и трёхлетняя. Именно так – со строчной буквы. В пересказе исследователей эти войны превращаются в «Столетнюю войну, Тридцатилетнюю, Семилетнюю» (Л. Шерешевский), в «трёхлетнюю, столетнюю» у самой Ф. Гримберг – то есть совершенно неприципиально следовать тексту, важнее ощущение. Кроме того, такое обозначение войн вторит размытому имени: история знает много войн с наименованием семилетней, пятилетней, трёхлетней войн. Так, трёхлетними были названы русско-шведская (1614–1617), датско-прусская война (1848–1850), египетско-израильская (1967–1970) и др. Такая же история с семилетней войной.

Перед нами – поэтическая рефлексия истории. Поэт «расчленяет в своих текстах историю... лишая её власти всех име-

ющихся способов представления истории – для того, чтобы произошёл возврат исторического мышления к поэтическому, в особенности к метафорическому, представлению мира...» [4, с. 50]. Не случайно одна из работ о Фаине Гримберг называется так: «Фаина Гримберг против истории: к постановке проблемы» [4]. «Это проект, по-своему уникальный для современной русской поэзии: это проект открытого сопротивления истории как таковой» [4, с. 22].

На наш взгляд, скорее это мифологическая история: история и миф синкретизированы (нам известен ещё один ярчайший пример подобной спаянности истории и мифа – в романах А. Ф. Вельтмана).

Вот почему есть отказ ото всего личного, важнее общая закономерность понимания трагедии истории. Эта жизнь «возможна только в эпических координатах... в рамках «большого» эпического времени, для которого ... личное оказывается лишь частью более общих исторических закономерностей»³.

Фаина Гримберг – известный мистификатор, поэтому нужно с иронией относиться к её объяснениям, зачем выбрано это имя. В интервью «Школе злословия» она определяет так: «Два имени – Андрей и Иван – очень важны для русской культуры, причём Андрей даже более важное имя. С одной стороны, совершенно нейтральное и не накладывает обязательств на его носителя. С другой стороны, оно чрезвычайно важное и значимое, символическое имя для русского человека. Так получилось исторически, с первого Андрея – сына Ярослава Мудрого (сын Всеволод в крещении Андрей)» (записано со слов, сказанных Ф. Гримберг в интервью⁴). Имя

¹ Гримберг Ф. Андрей Иванович возвращается домой // Гримберг Ф. Четырехлистник для моего отца: Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 28.

² Шерешевский Л. Новизна узнаваемого: Фаина Гримберг. Любовная Андреева хрестоматия. М.: АРГО-РИСК, 2002 // Знамя, 2003. №7 // Новая карта русской литературы: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/shereshevskiy-ogrimberg> (дата обращения: 20.08.2018).

³ Кузьмин Д. «Некая понята в высшем смысле бездомность»: Поэтическую премию «Различие» присудили Фаине Гримберг [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/03/20/razlichie/> (дата обращения: 12.02.2019).

⁴ Школазлословия. ФаинаГримберг: Ч.2 [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=5095018270167022146&text=Фаина+Гримберг+интервью+Школе+злословия&path=wizard&parent-reqid=1593331614962934-1238549301948436480900->

знаменательно исторически – никто не спорит, но Фаина лукавит, что оно важно именно исторически. Это вновь связано с мифологической историей: главный герой – мужчина. Всё, это вся информация. Больше знать не надо. Бесплезно искать какие-то параллели, связанные с именем. Тут нет имени собственного, имени личного – это собирательное имя для всех мужчин. Как говорится, по имени и житие. И вот Андрей (в основе имени лежит греческое слово «андрос», означающее «мужчина», просто – «мужчина» без каких бы то ни было коннотаций). Имя определяет личность и намечает идеальные границы жизни. Энергия имени: Андрей должен вести себя подобающе мужчине – защищать Родину, он воин.

Даётся имя – и читатель по привычке старается наделить его самыми разными умениями и портретными характеристиками. Текст построен так, что, попадая в данное художественное поле, сам образ становится архетипичным. Андрей Иванович никак не даёт о себе знать: существует как внесценический персонаж в пьесе, при этом наделённый главной ролью. А если героя не дано увидеть, то он может быть каким и кем угодно: механиком, изобретающим косилку или фотоаппарат, учеником, решающим задачки по геометрии, студентом с серыми и пёстрыми глазами, тем более что сам автор провоцирует на это. В индивидуалистическую эпоху, в эпоху самости «я», часто и вызывающего войны, Гримберг фиксирует синкретическое сознание.

Не нужны подвиги – он рядовой любовью войны, он не герой, он исполнитель, один из миллионов. Он рядовой. Рядовой войны, рядовой жизни. Он без особой гордости, без особого темперамента, без преувеличений, надломов и надрывов, обычный среднестатистический человек, честный: «он замкнутый, застенчивый, самолюбивый был, талантливый, такой способный был, он всё умел». Вспомнишь

Флоренского: «Положительное имя, без внутренних надломов и осложнений, но зато и без вдохновения, Андрей»¹.

Но всё, что касалось жизни только мужчины, заканчивается так же быстро, как и начинается: дальше на всём протяжении стихотворения изображённой становится жизнь не воина, а мифологема мужчины в глазах женщин. Нельзя даже сказать, что это стихотворение о муже-женских отношениях, это о восприятии мужчины женщиной, её представление о нём. А женское сознание не принимает ситуации, когда «Андрей Иванович не возвращается домой»:

*Но разве мало было нам заботы неизбывной,
чтобы хлеб
и чтобы этот самый кров над головой?
За что,
зачем еще душе терпеть такие муки?*²

Д. Давыдов, прочитавший не одно произведение Фаины Гримберг, констатирует, что Гримберг текст «редуцирует, в сущности, до одной-единственной истории: жили и умерли» [1, с. 12]³. Здесь история имеет продолжение: жил – умер – ожил. Читатель видит арочную композицию: сначала Андрей Иванович уплывает на пароходе, потом приплывает по воде; сначала не возвращается, а затем возвращается домой. Эпоха приобрела очередного Андрея Ивановича, очередного воина. И это – как машина, как конвейер. А вот женщина находит человека, в этих поисках её усилия не могут быть шаблонными, очередными. Ввалив на себя «один мешок с трагической судьбой», обе идут на поиски солдата. Возможно, здесь скрыта личная драма: эти две женщины могли бы претендовать на него, но большая беда их роднит.

Женщина ничего не требует от мужчины – от себя всё. Она жертвенная, спасающая и рождающая. Ни доблести, ни ры-

¹ Флоренский Павел. Имена. М.: Русский раритет, 2011. С. 213.

² Гримберг Ф. Андрей Иванович возвращается домой // Гримберг Ф. Четырехлистник для моего отца: Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 25.

³ Речь идёт о романе «Друг Филострат, или История одного рода русского».

царства, ни геройства – только бы жил. Сильный характер, несокрушимая энергия поиска (как в сказке: идя наугад, семь железных башмаков износили), верующая и смелая – это женщина. Ведёт её сила любви и жертвенности. Настойчивость, даже истовость – инвариантный тип характера, – Фаина Гримберг находит в Марковне. Всегда есть соблазн поддаться рефлексии и попытаться разгадать секреты автора по подбору имени. За этим именем закрепились, прочно осели ассоциации с помощницей мужа во всех делах, жертвенность. Женское имя здесь тоже не относится к отдельно взятой личности, выбрано типическое. Нужны такие имена, которые стали бы кодом возможности взаимопроникновения друг в друга. Марковна – знаково. Не будем придумывать нарочитых объяснений, но и отрицать их тоже не будем. Ассоциации прочно осели, увязали это имя... помощницы мужа в достижении им спасения.

Кроме того, все рассказы «Жития» протопопа Аввакума имеют два плана: земной и небесный. Это «удобно» для параллелей Гримберг: социальное пространство мужского-женского переходит к сакральному пространству. Наложение же обеих дихотомий друг на друга может ещё раз поддерживать мифологию истории.

В «Житии» Анастасия Марковна выступает под разными именами: «жена», «протопопица», «Марковна», «Анастасия», «баба». И здесь образ женщины собирается из разных ролей, ипостасей: матери, жены, любовницы, подруги. И как заклятие из прошлых времён слышится: ««Долго ль-де... сего мучения будет?». И я ей сказал: «Марковна, до самыя до смерти». Она же против тово: «Добро, Петрович. И мы еще побредем вперед»».

Данное произведение осложнено использованием различных фольклорных жанров. Это и сказка [5; 6], и былина, и сказ [3], но прежде всего причитания. Фаина Гримберг уловила плачевую мелодику и импровизационность причитаний. Срыв, истерика, истошный плач:

*Красивый был, светловолосый был –
мы приговариваем со слезами.
Он был красивый, пестроглазый был,
с такими серыми и пёстрыми глазами.
Такой красивый был,
такой любимый был!
Андрей Иванович не возвращается домой.
Все трудные задачи по геометрии
Андрей Иванович решил,
Андрей Иванович «Трёх мушкетеров»
прочитал.*

*И вот некому задачи решать,
некому книжки читать.
Андрей Иванович не возвращается домой.
Повестка Андрею Ивановичу пришла,
повестка мальчику уже пришла.
Его забрали в армию,
отчислили его из института.
Андрей Иванович не возвращается домой.
Так долго Андрей Иванович в армии служил,
так долго в самой разной армии служил.
Так долго, далеко, всегда пешком ходил.
Пешком ходил и разное оружие носил.
Он в самой разной армии служил,
оружие носил.*

И вот теперь Андрей Иванович не возвращается домой¹.

Варируется устойчивый текст с названием «общих мест»: все вернулись, а любимого нет; каким бы мог стать – каким не станет; мы зовём его – он не откликается и т. п. Высокую степень эмоционального напряжения, скорби передают анадиплосисы («Так долго, далеко, всегда пешком ходил. / Пешком ходил и разное оружие носил. / Он в самой разной армии служил, / оружие носил»), рефрены («Где мой родной, / мой золотой, любимый мой?»), сравнения («как солнышко»), эпитеты, часто в постпозиции («он ясный был», «на гору на высокую пришли»). Однако если в фольклоре существовали разные виды причитаний сами по себе (поводом служили проводы в солдаты, свадьба, похороны), то у Гримберг не три вида причитаний, а спаянность в одном трёх тем! Кроме того, плач о смерти трансформируется в плач о плаче:

¹ Гримберг Ф. Андрей Иванович возвращается домой // Гримберг Ф. Четырёхлистник для моего отца: Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 17–18.

Мы начинаем плакать и кричать.

Зачем, зачем ты умер?

Будь опять!

Зачем тебя убили?

Будь опять!

Так начинаем плакать и кричать¹.

Текст Гримберг – редкий случай, когда фольклорное слово сделалось управляемым, вместились в рамки книжной культуры. Слушая причитания, попадая в воронку причитаний, читатели разделяют горе двух женщин. «Горе в причитаниях словно разверстывается по людям. В плаче, кроме того, рыдания и слезы как бы упорядочены, их физиология уходит на задний план, страдание приобретает одухотворенность благодаря образности»².

Фольклористы отмечали, что после революции причет уходит из национального

быта, но в годы Великой Отечественной войны этот жанр вновь оживает, он «оказался востребован временем»³.

Заключение

Таким образом, опираясь на анализ текста и обобщая суждения о произведении Ф. Гримберг современных исследователей, можно сделать следующий вывод. В «представление истории» у Ф. Гримберг встраиваются универсальные модели, переосмысливающие и описывающие мир в целом. Поэтическая рефлексия истории – истории принципиально бесчеловечной и отмеченной дурной бесконечностью – оборачивается циклической повторяемостью мифа [7].

Статья поступила в редакцию 30.08.2019.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов Д. Альтернативная вселенная Фаины Гримберг // Фаина Гримберг: Статьи и материалы. М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2014. С. 11–17.
2. Иванів В. Вспоминай забытое доказательство // Фаина Гримберг. Четырехлистник для моего отца: Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 5–9.
3. Каргашин И. А. Русский стихотворный сказ XVII–XXI вв.: Генезис. Эволюция. Поэтика: монография. М.: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
4. Львовский С. Фаина Гримберг против истории: к постановке проблемы // Фаина Гримберг: Статьи и материалы. М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2014. С. 20–50.
5. Пономарева Е. В. Новые сказки: перезагрузка или кризис жанра? // Феномен творческого кризиса: монография / Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Пономарева Е. В. и др.; под общей редакцией Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 44–87.
6. Пономарева Е. В. Психотерапевтические сказки: целебная прагматика и этико-эстетические утраты // Феномен творческого кризиса: монография / Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Пономарева Е. В. и др.; под общей редакцией Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 143–167.
7. Радионова А. В. Лиро-философский метатекст в русской литературе: монография. Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 2019. 412 с.

REFERENCES

1. Davydov D. *Alternativnaya vseennaya Fainy Grimberg* [An alternate universe of Faina Grimberg]. In: *Faina Grimberg: Stat'i i materialy / Premiya «Razlichie»* [Faina Grimberg: Articles and materials / Award of "Distinction"]. Moscow, Knizhnoe obozrenie (ARGO-RISK) Publ., 2014, pp. 11–17.
2. Ivaniv V. *Vspominaya zabytoe dokazatel'stvo* [Remembering the forgotten evidence]. In: *Faina Grimberg. Chetyrekhlistnik dlya moego ottsa: Stikhotvoreniya* [Faina Grimberg. Quatrefoil for my father: Poems]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 5–9.
3. Kargashin I. A. *Russkii stikhotvornyi skaz XVII–XXI vv.: Genezis. Evolyutsiya. Poetika: monografiya*

¹ Гримберг Ф. Андрей Иванович возвращается домой // Гримберг Ф. Четырехлистник для моего отца: Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 29.

² Белов В. И. Лад: очерки народной эстетики. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 512 с.

³ Русская народно-бытовая лирика: Причитания севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой / Вступ. ст. и комментарий В. Г. Базанова. М.: Л., 1962. С. 388.

- [Russian poetic tale of the XVII–XXI centuries: Genesis. Evolution. Poetics: monograph]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2017. 336 p.
4. Lvovskii S. *Faina Grimberg protiv istorii: k postanovke problemy* [Faina Grimberg against history: defining the problem]. In: *Faina Grimberg: Stat'i i materialy / Premiya «Razlichie»* [Faina Grimberg: Articles and materials / Award of "Distinction"]. Moscow, Knizhnoe obozrenie (ARGO-RISK) Publ., 2014, pp. 20–50.
  5. Ponomareva E. V. *Novye skazki: Perezagruzka ili krizis zhanra?* [New tales reloaded or the crisis of the genre?]. In: *Fenomen tvorcheskogo krizisa: monografiya* [The phenomenon of creative crisis: monograph] / Snigireva T. A., Podchinenov A. V., Ponomareva E. V. et al.; under the General editorship of T. A. Snigireva and A. V. Podchinenov. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2017, pp. 44–87.
  6. Ponomareva E. V. *Psikhoterapevticheskie skazki: tselebnaya pragmatika i etiko-esteticheskie utraty* [Therapeutic tales: healing pragmatics and ethical and aesthetic loss]. In: *Fenomen tvorcheskogo krizisa: monografiya* [The phenomenon of creative crisis: monograph] / Snigireva T. A., Podchinenov A. V., Ponomareva E. V. et al.; under the General editorship of T. A. Snigireva and A. V. Podchinenov. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2017, pp. 143–167.
  7. Radionova A. V. *Liro-filosofskii metatekst v russkoi literature: monografiya* [Lyrical and philosophical metatext in Russian literature: the monograph]. Smolensk, Smolensk State University Publ., 2019. 412 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Балашова Елена Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского;
e-mail: balashova_ea@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Balashova – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of literature, Tsiolkovsky Kaluga State University;
e-mail: balashova_ea@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Балашова Е. А. «Андрей Иванович возвращается домой» Фаины Гримберг: к вопросу о синкретичном сознании в индивидуалистическую эпоху // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 65–71.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-65-71

FOR CITATION

Balashova E. A. «Andrey Ivanovich goes back home» by Faina Grimberg: on the problem of syncretic consciousness in the individualistic epoch. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 65–71.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-65-71

УДК 82-1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-72-78

ОБРАЗ МЕДНОГО ВСАДНИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ В.А. СОСНОРЫ

Балашов-Ескин К. М.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель статьи – литературоведческий анализ переосмысления традиционного для русской культуры образа Медного всадника в поэзии В. А. Сосноры. Материалом исследования стало стихотворение «Медная сова».

Процедура и методы исследования ориентированы на теорию стиля, развёрнутую в отечественной филологической традиции (А. А. Потебня, А. Н. Веселовский, А. Ф. Лосев, В. В. Виноградов, Ю. И. Минералов и др.).

Результаты показывают, что В. А. Соснора, изображая узнаваемые черты как скульптурного, так и литературного образа Медного всадника (в первую очередь из одноимённой поэмы А. С. Пушкина «Медный Всадник»), выстраивает собственную внутреннюю форму образа и произведения, концентрируя содержательные планы предшественников и воплощая актуальную, а подчас и злободневную проблематику своей эпохи.

Теоретическая значимость статьи состоит в новом взгляде на соотношение классических традиций и литературы неоавангарда середины XX века.

Ключевые слова: Медный всадник, В. А. Соснора, неоавангард, индивидуальный стиль, внутренняя форма

THE BRONZE HORSEMAN'S IMAGE IN THE POETIC CONSIDERATION OF V. SOSNORA

K. Balashov-Eskin*Moscow City Pedagogical University**4 2nd Selskohozyajstvenniy pr., Moscow 129226, Russian Federation***Abstract.**

The aim of the article is to analyze the re-consideration of the traditional Russian culture image of Bronze Horseman in V. Sosnora's poetry. The poem "The Bronze Horseman" is chosen as a material for the research.

Methodology are based on the theory of style developed by Russian philological tradition (A. A. Potebnya, A. N. Veselovsky, A. F. Losev, V. V. Vinogradov, Yu. I. Mineralov, et al.)

The results of the analysis showed that using familiar lineaments of the Brazen rider as the sculptural art and the artistic image (primarily the image used in Pushkin's poem "The Bronze Horseman") Sosnora makes a new internal form both of the image and the work of art. He accumulated artistic plots of his predecessors and rises actual issues of his days.

The research implications of the article is that gets new vision on the correlation of the classical traditions and the neo-avant-garde literature of the middle of the XX century.

Key words: the Brazen Rider, V. A. Sosnora, neo avant-garde, individual style, internal form

Введение

Известно, что художественно функциональное использование общих тем, мотивов и образов, а также реминисценции, аллюзии, поэтические диалоги, «... “растворённые” в субстанции литературных текстов»¹, являются устойчивой литературной традицией и признаками индивидуального стиля писателя. По-своему эта традиция преломилась в пушкинскую эпоху: «целый ряд стихов “Медного Всадника” оказывается то распространением стихов Мицкевича, то как бы ответом на них»². Поэтические заимствования отмечены самим Пушкиным в комментариях к поэме. Впрочем, поэма «Медный Всадник» в свою очередь сама стала богатым источником многочисленных аллюзий и реминисценций, а образ Медного всадника³ глубоко укоренился в русской культуре.

Тенденция использования тем, мотивов и образов поэмы А. С. Пушкина «Медный Всадник» в период с 20-х по 60-е гг. XX в. «пошла на убыль» [4, с. 696], однако начиная с 60-х произошло заметное её «оживление», по большей части в «ленинградской неофициальной поэзии», необходимость изучения которой ещё в 1998 г. отмечал В. М. Маркович, наметив как «один из возможных путей такого изучения» [4, с. 696] реминисценцию. Один из ярчайших примеров переосмысления образа Медного Всадника представлен в поэзии «последнего “эстетического диссидента”» [6, с. 664] В. А. Сосноры.

1. Внутренняя форма и «образ образа» как проявление стиля

Образы в поэзии В. А. Сосноры ввиду своей «чрезвычайной поэтической сложности» [6, с. 664] не поддаются сколь-нибудь однозначным определениям. Его

Медный всадник не столько образ, сколько художественный приём, средство создания «образа образа» [7, с. 125], цель которого «восстановление для сознания внутренней формы» [8, с. 42]. Содержание (идея) произведения, согласно А. А. Потебне, исходит и от автора, и от читателя, подразумевая то, что мысленно создаёт читатель, используя «память внутренней формы» [8, с. 41] через «восстановление внутренней формы» и через процесс «создания новых явлений» [8, с. 44].

Понимание внутренней формы до настоящего времени вызывает много вопросов. «Её сводят..., во-первых, к внутренней форме слова..., во-вторых, ... к лингвистически истинному этимологическому образу (типа стол – слатъ или окно – око)» [5, с. 160]. Ю. И. Минералов подчёркивает её «особое расширительное понимание» [5, с. 161], интерпретацию как «“образа образов” (образа идей)» [5, с. 162] и относит к важнейшим компонентам «феномена, обозначаемого как “индивидуальный стиль”» [5, с. 163].

Стиль – сложное понятие, находящееся на стыке лингвистики и литературоведения, охватывающее и автора, и произведение, и язык, и мысль. П. Н. Сакулин, к примеру, определял стиль как «совокупность тех особенностей, какими одна форма отличается от другой формы, ей аналогичной» [9, с. 140], а А. Ф. Лосев – как «принцип конструирования всего потенциала художественного произведения на основе его тех или иных надструктурных и внехудожественных заданностей и его первичных моделей...» [3, с. 226]. В отношении индивидуального стиля можно добавить, что он также отражается и во взаимосвязи средств выражения с работой авторской и читательской мысли, потому и «различные индивидуальные стили – не просто средство выражения, а средство “преобразования” мысли, причём по своей способности к таковому преобразованию они заведомо не равны» [9, с. 354].

¹ Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность): учеб. для студ. филол., фак. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. С. 12.

² Брюсов В. Собрание сочинений. Т. 7. М.: Худож. лит., 1975. С. 32.

³ В поэме А. С. Пушкина в данном словосочетании оба слова пишутся с заглавной буквы: Медный Всадник. В настоящей статье вне пушкинского контекста используется общепринятое написание – Медный всадник.

2. Медный всадник в стихотворении «Медная сова»

Книга «12 СОВ» состоит из двенадцати стихотворений, и стихотворение «Медная Сова» уже самим названием формирует аллюзию на поэму А. С. Пушкина «Медный Всадник». Стихотворение содержит два наиболее ярких образа: Медного всадника и лирического героя. Каждый из них несёт и высокое, и низкое начала – эта амбивалентность, столкновение как двух образов, так и полюсов внутри каждого образа, становится основным стиливым приёмом в произведении.

2.1. Амбивалентность образа Медного всадника

Начало стихотворения – движение названного всадника. Созвучие *медленно* с *медный*, а также словосочетание «медленно скакал», не ощущаемое «как стилистический приём»¹ и метафорически проявляющее «логическую несогласованность»² замедленного, торжественного движения или даже полёта, указывают на такой художественный приём, как катахреза, и укрепляют аллюзивный план: перед читателем открывается мистическая картина движения Медного всадника:

*По городу медленно всадник скакал*³.

Поэт вслед за Пушкиным словно подхватывает движение Медного Всадника и *разворачивает* его в другом направлении, уходя от сюжета пушкинской поэмы.

Столкновение высокого и низкого происходит в первых же двух стихах – высокий образ снижается восприятием лирического героя через иронию, граничащую с сарказмом: «Копыто позванивало как

стакан»⁴. Ирония – один из ключевых авторских приёмов и реализуется в данном стихотворении методом синтеза гиперболы с литотой, к тому же поэт часто играет на контрасте с пушкинскими строками, показывая движение Медного всадника не таким уж устрашающим, ср. у Пушкина:

Как будто грома грохотанье —

Тяжело-звонкое скаканье ...

и

За ним несётся Всадник Медный

*На звонко-скачущем коне*⁵.

Очевидно, что ирония возникает не только на стыке «как будто грома грохотанье» – «позванивало, как стакан», но и посредством катахрезы – «звон копыта» (в единственном числе), а также представлением «звона» ироническим «позванивало». Восстановление внутренней формы образа раскрывает в содержании ироническую амбивалентность, в которой и церковный звон «на глас Божий»⁶, и демонические образы, одновременно являющиеся символом молодецкой удали: «чёртом прыгать, скакать»⁷, и образ гранёного стакана, не только как символа советской эпохи.

Медный всадник обращает на себя внимание не только движением, но и через крайне необычный портрет:

Зрачок полыхал – снежнобелая цель

*На бледно-зелёном лице*⁸.

Столкновение цветов (снежнобелый – цвет чистоты, и бледно-зелёный – цвет со временем окисленной бронзы) через устойчивую связь с образами вечной жизни и смерти также реализует амбивалентность – воплощение высокого в низком и наоборот.

⁴ Там же. С. 269.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. IV. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. С. 394.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882. Т. 1. С. 236.

⁷ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 1475.

⁸ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб. С. 152.

² Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. 576 стб. С. 347.

³ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 269.

Словосочетание «зрачок полыхал» обладает свойствами катахрезы, но может быть истолкован и как ироническая «эмблема заменяемого»¹, например, символического «горящего взора», что характеризует его как металеписс. В любом случае это семантическое «сгущение мысли»² усиливается эллипсисом в виде тире и создаёт дуалистический образ цели, с одной стороны, преследуемой Медным всадником, с другой – делающей самого всадника целью. Отдельно стоит указать на утраченные значения слов «зрачѣкъ» – «зеркальце, человек в глазу»³ – и «полыхать» – «кидать, швырять, бросать»⁴.

Возвышение образа Медного всадника до божественного представлено в стихе: «Икона! Тебя узнаю, государь!»⁵. Отметим, что «зрак», корень слова «зрачок», в слове Даля отмечен как «лицо, вид, образ, лик»⁶, следовательно, через различные семантические связи раскрывает внутреннюю форму всего образа. В дополнение ко всему, высокий образ божества, иконы уподобляется кумиру, намекая на известную заповедь, и наделяется демоническими качествами: «В пернатой сутане сова-красота!»⁷

Сова – также амбивалентный образ с одной стороны, наделённый «демоническими свойствами», с другой – положительными качествами, по мнению А. В. Гуры,

связанными с «позднейшим мусульманским влиянием» [2, с. 575]. Сутана – одежда католического духовенства, дополненная демоническим, *совиным* эпитетом, ассоциативно связывает воедино сразу несколько образов: христианство, в особенности католическое, иронический «пернатый» образ «пастыря народов», наделённый демоническими свойствами. И речь идёт не только о Петре Великом. Поэт, впитавший с детства все ужасы войны, дополняет образ Медного всадника:

Из меди мозги, из меди уста.

Коррозия крови на медных усах⁸, –

раскрывая один из тяжелейших периодов в истории России. Цветовая (оттенки красного) и звуковая (медь) гаммы, *корнесловие*⁹ представляют многоступенчатую метафору, деформирующую время, объединяя петровский (царский) и советский периоды и создавая прочные ассоциативные связи с образами И. В. Сталина, репрессий и Великой Отечественной Войны. В этом контексте «медь» воспринимается как метафора, связанная более с оружием, чем с колоколами, также намекая на положение христианства в советской России, впрочем, и во времена Петра I колокола переплавляли в пушки.

2.2. Медный всадник и лирический герой

Образу Медного всадника противопоставит образ лирического героя. Его слова, обращённые к Медному всаднику, вероятно, являются развёрнутым, домысленным монологом Евгения в момент произнесения:

*«Добро, строитель чудотворный! –
Шепнул он, злобно задрожав, –
Ужо тебе!»¹⁰*

¹ Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 239.

² Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. С. 192.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882. Т. 1. С. 718.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882. Т. 3. С. 275.

⁵ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882. Т. 1. С. 718.

⁷ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

⁸ Там же. С. 270.

⁹ Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность): учеб. для студ. филол., фак. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. С. 250.

¹⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. IV. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. С. 393.

Иронически-возвышенное обращение лирического героя продолжается серией эллипсисов, обособленных тире:

*Твой – город! Тебе – Рапортующий порт.
Ты – боцман Сова, помазанник Петр¹.*

Образ Медного всадника вновь наделяется положительными качествами. Боцман – важный и уважаемый во флоте человек. Он «... должен знать имена всех матросов и унтер-офицеров, их способности и познания в морском деле, наблюдать за их поведением и кроме того – производство такелажных работ, подъём тяжестей, постановку и спуск рангоута, уборку якорей, всё касающееся до вооружения корабля, компас, управление рулём и парусами на шлюпках...»² Однако дальнейшая речь героя, обращаясь к нему с такими эпитетами, как *истеричка, изверг, садист*, раскрывает истинное отношение к Медному всаднику. Они же в некотором роде характеризуют и самого героя, который представлен в том же биполярном ключе – с одной стороны, в уничижительной форме:

Я гол, как монгол, как череп – безмозгл³.

С другой – в возвышенной манере:

Я страшный строитель. Я – стражник застав.

Когда-то моя прозвонит звезда⁴.

Нетрудно заметить аллюзию на пушкинское стихотворение «К Чаадаеву» и образ черепа как вероятную реминисценцию из пьесы У. Шекспира «Гамлет».

В образе героя синтезируются не только поэт, патриот, революционер, маленький человек, сумасшедший, но и причастный к высшему, Страшному суду. Стих «Я страшный строитель. Я – стражник застав» ассоциативно связывает с Библией. Библейские

сюжеты – особая традиция русской литературы, причём она сохраняется и переосмыляется авторами независимо от их мировоззрения и вероисповедания. Например, «именно поздний Толстой, как известно, резко отрицательно настроенный против Православной церкви» создаёт один из «самых ярких и запоминающихся литературных описаний празднования Светлого Христова Воскресения» [1, с. 19]. В. А. Соснора продолжает эту традицию, привнося во внутреннюю форму произведения связи с новозаветным образом апостола Петра, а стих «Я щёки тебе на блюде несусу»⁵ дополняет эти связи как метафора, выраженная, с одной стороны, поголе夫斯基 через синекдоху «щёки» и литоту «блюде», указывая и на евангельские мотивы «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5: 39), и на казнь Иоанна Крестителя.

Действие стихотворения происходит на фоне движения всадника и коней-гигантов, несущих Россию (гоголевская тройка), – вновь принцип столкновения полярностей, но уже скорее с трагической нотой, нежели иронической, потому движение также обращает на себя внимание как образ. Своей траекторией движения обладает и лирический герой, находясь одновременно и в стороне, и в гуще событий. Его траектория больше похожа на движение от земли к небу – вертикаль. А с высоты вся божественность Медного всадника обращается в *маленького металлического коня*, по сути, детскую игрушку, солдатика.

Заключение

Основа образности в стихотворении «Медная Сова» – пушкинский «Медный Всадник», однако стихотворение, в отличие от поэмы XIX в., не содержит сюжета. Переосмысление образов Пушкина призвано создать другие образы – войны и тирании под предлогом достижения «снежнобелой

¹ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

² Энциклопедический словарь Т. 4а / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1891. С. 509.

³ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

цели» – неоднозначного образа «светлого будущего», расовой чистоты и пр.

Медный всадник для петербургских поэтов второй половины XX в. – один из важнейших образов. Как продолжатель футуристических традиций, В. А. Соснора, переосмысляя классический пушкинский образ, мастерски применяет различные художественные приёмы. Стилевая особенность произведения В. А. Сосноры заключается не просто в неожиданных

комбинациях слов и в новых сравнениях, например: «я гол, как монгол», а в возвращении *памяти внутренней формы*. «Сгущение мысли» происходит за счёт создания новой внутренней формы, сближения, ассоциативного соединения на первый взгляд далёких образов: Гамлет – Пётр I – апостол Пётр (Санкт-Петербург – Город святого Петра) – Сталин и др.

Статья поступила в редакцию 01.07.2019.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев С. А. «... Одно из самых светлых и сильных воспоминаний» (образ пасхального богослужения в романе Л. Н. Толстого «Воскресение») // Вестник Московский городской педагогический университет. Серия: Филология. Теория Языка. Языковое образование. 2016. № 2. С. 18–24.
2. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
3. Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля. К.: Collegium, Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 288 с.
4. Маркович В. М. Реминисценции «Медного всадника» в ленинградской неофициальной поэзии 60–80-х гг. (К проблеме петербургского текста) // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 696–709.
5. Минералов Ю. И. Поэтика. Стиль. Техника. М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2002. 174 с.
6. Новиков Вл. Соснора // Русские писатели 20 века: Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П. А. Николаев; Редкол.: Г. В. Якушева (зам. гл. ред.) [и др.]. М.: Большая Российская энциклопедия; Рандеву–АМ, 2000. 808 с.
7. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
8. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / Сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова. М.: Высшая школа, 1990. 334 с.
9. Сакулин П. Н. Филология и культурология. М.: Высшая школа, 1990. 240 с.

REFERENCES

1. Vasil'ev S. A. ["... One of the lightest and strongest of memories" (the image of the Easter service in the novel of L. N. Tolstoy "Resurrection"). In: [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education], 2016, no. 2, pp. 18–24.
2. Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [The symbolism of animals in Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p.
3. Losev A. F. *Problema khudozhestvennogo stilya* [The problem of artistic style]. Kiev, Collegium, Kievskaya Akademiya Evrobiznesa Publ., 1994. 288 p.
4. Markovich V. M. *Reministsentsii «Mednogo vsadnika» v leningradskoi neofitsial'noi poezii 60–80-kh gg. (K probleme peterburgskogo teksta)* [Reminiscences of "The Copper horseman" in the unofficial Leningrad poetry 60-80-ies (To the problem of the Petersburg text)]. In: [POLYTROPON. The 70th anniversary of Vladimir Nikolaevich Toporov]. Moscow, Indrik Publ., 1998, pp. 696–709.
5. Mineralov Yu. I. *Poetika. Stil'. Tekhnika*. [Poetics. Style. Technique]. Moscow, Institute of literature named after A. M. Gorky Publ., 2002. 174 p.
6. Novikov V. I. S. Sosnora. In: *Russkie pisateli 20 veka: Biograficheskii slovar'* [Russian writers of the 20th century: a Biographical dictionary] / Ch. ed. and comp. P. A. Nikolaev; Editorial board: G. V. Yakusheva (Vice chief editor) [et al.]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; Rандеву–АМ Publ., 2000. 808 p.
7. Potebnya A. A. *Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk* [Complete collection of writings: Thought and language]. Moscow, Labirint Publ., 1999. 300 p.
8. Potebnya A. A. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics] / Ed., introd. article, comments of A. B. Muratov. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 334 p.
9. Sakulin P. N. *Filologiya i kul'turologiya* [Philology and cultural studies]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Балашов-Ескин Кирилл Михайлович – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;
e-mail: bkm@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill M. Balashov-Eskin – Postgraduate student, Department of the Russian literature, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: bkm@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Балашов-Ескин К. М. Образ Медного всадника в поэтическом осмыслении В. А. Сосноры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 72–78.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-72-78

FOR CITATION

Balashov-Eskin K. M. The Bronze Horseman's image in the poetic consideration of V. Sosnora. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 72–78.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-72-78

УДК [821.111–1(411):(73)]

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-79-84

АМЕРИКАНСКИЙ И ШОТЛАНДСКИЙ ТОПОСЫ В ШОТЛАНДСКОЙ ЭМИГРАЦИОННОЙ ПОЭЗИИ США XIX В.: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Велилаева Л. Р.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
295015, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, Республика Крым, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель данного исследования состоит в определении интегральных и дифференциальных признаков художественных образов США и Шотландии в шотландском эмиграционном поэтическом дискурсе.

Процедура и методы исследования. В статье рассмотрены художественные образы Шотландии и США в творчестве шотландских поэтов-эмигрантов XIX века. При проведении исследования применены методы компаративного анализа, жанрологического анализа.

Результаты. Определена положительная оценочность в описании обеих стран. Зафиксировано частотное употребление «right» и «might» в отношении Шотландии, «justice» и «independence» в отношении США. Урбанистический пейзаж Шотландии встречается чаще, чем урбанистический пейзаж США. Отсутствие демифологизации образов Шотландии и США объясняется положением поэта-эмигранта: для Шотландии он уже не на своей Родине, для США он ещё не стал частью новой Родины.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в компаративистику и изучение эмиграционной литературы.

Ключевые **слова:** Шотландия, США, XIX век, поэзия, эмиграция

AMERICAN AND SCOTTISH TOPOSES IN SCOTTISH EMIGRATIONAL POETRY OF THE 19TH CENTURY USA: COMPARATIVE ANALYSIS

L. Velilaeva

*Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University
8 Uchebnii per., Simferopol 295015, The Republic of Crimea, Russian Federation*

Abstract.

The aim of this research is to determine integral and differential traits of the literary images of the USA and Scotland in Scottish emigrational poetic discourse.

Methodology. The article deals with the literary images of Scotland and the USA in literary works of XIX century Scottish poets-emigrants. The basic methods of investigation are comparative analysis, method of genre analysis.

Results. Positive appraisal both of Scotland and the USA is revealed. Concepts «right» and «might» are more frequently used in texts concerning Scotland, «justice» and «independence» – in texts about the USA. Urban scenery of Scotland is widely-distributed in comparison with that of the USA. Absence of myth destruction concerning both images of Scotland and the USA is explained with poets' position. Poets-emigrants were not the part of their own native country, Scotland and, at the same time, they were not the part of their new Fatherland, the USA.

Research implications. The research results contribute to the comparative study and study of emigrational literature.

Keywords: Scotland, the USA, XIX century, poetry, emigration

Введение

Шотландская эмиграция – сложное и неоднозначное явление в истории, культуре и литературе. Результатом эмиграции шотландцев XIX века стало появление целой плеяды шотландских поэтов-эмигрантов, которые принимали активное участие в американском литературном процессе. Несмотря на то, что участие это самими американскими литературоведами и критиками замечалось редко, их творчество – отдельная глава в истории и американской, и шотландской литературы [3; 4; 5].

Шотландия осталась для поэтов-эмигрантов старой Родиной. Образ новой Родины-США активно создавался шотландскими поэтами-эмигрантами в рамках эмиграционного дискурса. США были для шотландцев не просто страной проживания, но местом, где у них получилось самоутвердиться. Эмиграция XIX века не была вынужденной, как эмиграция века XVIII, поэтому цели эмиграции были разные. Эмигранты уезжали в поисках новых возможностей трудоустройства, самореализации, возможностей литературной реализации [2; 7].

Цель статьи – определить интегральные и дифференциальные признаки художественных образов США и Шотландии в эмиграционном шотландском поэтическом дискурсе. Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**: 1) сопоставить художественные образы Шотландии и США; 2) определить специфику создания художественных образов Шотландии и США; 3) рассмотреть причины отсутствия демифологизации в контексте положительной трактовки образов Шотландии и США.

США и Шотландия: сопоставительный анализ

США стали страной, которую шотландские поэты-эмигранты считали своей новой Родиной. Оттого, прямо или опосредовано, происходило сравнение США с Шотландией. Цели такого сравнения были разными, различными были и результаты.

1. И США, и Шотландия для шотландских поэтов-эмигрантов – прекрасные, великолепные государства, характеристики их всегда положительны. Потому в текстах активно использовалась лаудативная функция, которая стимулировала обращение поэтов к жанру оды. Жанр оды был актуален ещё и потому, что стихотворения предназначались не только для публикации [6]. Нередко они читались вслух на собраниях шотландских землячеств, каледонских клубов и просто встреч авторов со своей аудиторией. Примером такого текста может стать стихотворение Х. МакКаллоха «*Centennial*», 1876.

Также были стихотворения, которые предназначались ещё и для пения. Тогда они были ближе к жанру гимна (церковного гимна): «*Hail, O Fatherland, to thee!*» (В. М. Вуд), «*Columbia – Hail to Thee!*» (Д. М. Хендерсон), «*Hurrah for Pennsylvania!*» (Дж. Д. Лоу) и др.

2. Несмотря на схожесть в позитивной оценочности, мотивы этой позитивности были разными. Для Шотландии характерным является эмоционально-ассоциативное, стихийное, даже подсознательное предпочтение, тогда как Соединённые Штаты поэты-эмигранты восхваляют с точки зрения рациональности.

Для шотландского менталитета более привычным является термин *right*. Он содержит в себе архаичный, мифопоэтический смысл. Для шотландцев он обозначает порядок в мироустройстве и социуме, означает социальный и мировой порядок, «лад», «правильное» мироустройство [1, с. 187–248].

Концепт «*might*», который часто служит рифмой к «*right*», имеет значение физической мощи, жизненной энергии и силы. Словом, это воплощение такого природного права на жизнь. А ощущается оно всегда как природное право на успех, на победу.

Именно этот концепт имеется в виду, когда о праве упоминают Х. Эйнсли («*The Knight O' Ellerslie*»), П. МакФерсон («*Dark Culloden Day*» (April 16, 1746)), Дж. Кеннеди («*Auld Scotia in the field*»).

В отношении США актуальными становятся понятия «independence» и «justice». (Они – лейтмотивы в поэтических текстах Д. К. МакКаллума («*Soldier's Song of Freedom*»), Дж. Д. Лоу («*Columbia – Caledonia*») и др.)

3. Шотландия, как это ни парадоксально, представлена более урбанистически в текстах шотландских поэтов-эмигрантов. Урбанизм конкретен. Сами шотландские поэты-эмигранты испытали все невзгоды, трудности и лишения эмиграции вместе со своими предками, знали историю эмиграции своими предками. Но это не мешает им вносить оптимизм и в урбанистический пейзаж.

Однако и здесь есть место парадоксу. Соединённые Штаты Америки в XIX веке также активно урбанизировались. Поэтому и для поэзии о новой Родине-США уместным было бы наличие подобных текстов. Но подробных урбанистических пейзажей нами обнаружено не было. Но даже те описания трудового населения, ремёсел и малого бизнеса, встречающиеся в текстах шотландских поэтов-эмигрантов, выглядят скупо и безлико в сравнении с описанием Гринока у Дж. Дэвидсона или Глазго у Александра (Александера) Смита (1830–1867):

... *Draw thy fierce streams of blinding ore,
Smite on a thousand anvils, roar
Down to the harbor-bars;
Smoulder in smoky sunsets, flare
On rainy night, with street and square
Lie empty to the stars...* (A. Smith, «*Glasgow*»)¹.

Для сравнения рассмотрим американский пейзаж П. Росса из стихотворения «*Twa Scots*»:

... *And twa miles south there lay a town
Where centred a' the country's treasure;
And soon in it they had some trade,
Their craps to sell, their corn to measure*².

Оба поэтических текста созданы в один хронологический период. Но стилистика и

оптика этих двух текстов словно говорит о том, что они из разных столетий. 4. Более детальным становится описание американского пространства, у которого появляется негативная оценочность.

Такую семантику встречаем в описании пейзажей в текстах с исторической тематикой (например, в описании Юга, где было больше рабовладельцев), в стихотворениях, посвящённых Гражданской войне. Иллюстрацией подобного рода текстов может служить стихотворение Дж. Кеннеди «*The Refugees*». Та же «негативная пейзажистика» привлекается в тексты, когда нужно описать жизнь зажиточных слоёв населения (Х. МакКаллох, «*Thanksgiving Day*»).

Однако подобная негативная оценочность может встречаться и там, где природный шотландский пейзаж коррелируется с индустриальным американским пейзажем. Подтверждением этому служат тексты Дж. Кеннеди («*Auld Scotia in the field*») или Д. М. Хендерсона («*Daisies in Baltimore*»).

Считаем необходимым подчеркнуть, что в целом в творчестве шотландских поэтов-эмигрантов нет тенденции к негативизации американского пространства. Для многих из них карьера в США началась с тяжёлых рабочих специальностей. Некоторые даже успели поучаствовать в «освоении джунглей» или укрощении мустангов (П. Росс («*Twa Scots*»), Дж. К. Моффат («*Tamers of the ground*»)). Чрезмерная негативная семантика могла поставить под угрозу их «американскую мечту», а им этого вовсе не хотелось.

Проблема демифологизации

Особенности жизни в эмиграции, необходимость адаптироваться заставляли поэтов-эмигрантов тщательно отбирать эмотивные и оценочные эпитеты.

Намного больше позволить себе могли поэты-метрополиитцы. Высказывания их в адрес Шотландии часто резко критичны, полемичны и драматичны. Эта тенденция наблюдалась во всей метрополиитной шотландской литературе и была связана с проблемой хуторянства: поэтам-метрополиитцам XIX века ка-

¹ Scott T. The Penguin book of Scottish Verse / Tom Scott / intro. and ed. T. Scott. London: Penguin, 1976. P. 399.

² Ross J. D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. New York: Walter W. Reid Publishers, 1897. Pp. 89–91.

залось, что шотландская литература в целом, а поэзия в особенности, отмечена калиярдизмом (cailyardism), «слащавостью». Связано это было с псевдотворчеством поэтов-рифмачей (poetasters), считавших себя последователями традиций Роберта Бёрнса.

Полемичность привела к появлению достаточно резких высказываний в метрополитной поэзии:

There's puckle lairds in the auld house

Wha haud the was thegither:

There's no muckle graith in the auld house

Nor smeddum aither... (W. Soutar, «*The Auld house*»)¹.

Такая критика была недопустима для поэтов-эмигрантов ни при описании Шотландии, ни при описании США. Список причин можно расширить ещё несколькими обстоятельствами.

В контексте патриотического дискурса критика Родины, когда находишься на Родине, – это одна ситуация. Эта критика расценивается как критика в свой адрес, для своих и от имени своих. В этом случае можно прокомментировать свою точку зрения: демифологизация служит лишь инструментом, благодаря которому у Шотландии появятся новые политические, социокультурные и даже литературные перспективы. Так, стихотворение В. Сутара в финале предлагает прогноз довольно оптимистический:

*... But the folk maun funder the auld house
And bigg up anither*².

Совсем иначе дела обстояли в эмиграции. Демифологизация Шотландии лишила бы шотландских поэтов-эмигрантов их исторической родины – Шотландии – и исторического времени этой Родины. Они бы лишились Шотландии – своей страны с великой историей, культурой и богатым фольклором. Это, в свою очередь, умалило бы их собственную ценность и значимость. Будучи сыновьями «Славного Северного Рая», используя негативную мифопоэтику, они становились беженцами из бедной, отсталой страны без свобод и без правил, где-то на краю Европы.

¹ Scott T. *The Penguin book of Scottish Verse* / Tom Scott / intro. and ed. T. Scott. London: Penguin, 1976. P. 461.

² Scott T. *The Penguin book of Scottish Verse* / Tom Scott / intro. and ed. T. Scott. London: Penguin, 1976. P. 461.

Демифологизация в отношении Соединённых Штатов Америки не могла быть реализована не только из политических соображений. Образ «новой» Родины-США вначале представлялся американцам лишь как «Союз Штатов». Но в XIX веке сами американцы стали понимать, что в современном им геополитическом пространстве этого совсем недостаточно. Актуальным стало формирование образа «великой державы».

Актуальным же для самих шотландцев было сохранение смысла и пафоса своей собственной эмиграции как перемещение из Рая старого, потерянного, в Рай новый, вновь обретённый. В религиозном контексте эмиграция рассматривалась как расширение границ прежнего времени и пространства Ветхого Завета и освоение и перемещение в Новозаветное время и пространство. Шотландия, старая Родина, оставалась своеобразным наброском, предшествующим реальному воплощению райских ожиданий в образе США.

Согласно биографическим данным, проблемы разного рода имели место в жизни каждого эмигранта, однако это не мешало им достигать успехов в разных сферах: финансы, образование и статус. Но парадоксально то, что стихи поэтов-эмигрантов об этом мало повествуют. О горечи обид и разочарований, которые, безусловно, присутствовали в жизни эмигранта, практически ничего не упоминается. Едва ли не единственный пример из всех проанализированных нами текстов – это монолог эмигранта, разочарованного в своей доле:

*O gie me back my lowland cot,
My shepherd's plaid and lowly lot,
When ower the hills I used to stray
And herd the sheep the lee-lang day. <...>*

*... Wae's me that fate us twa has twined,
And I sair' strangers ower the sea;
Their hearts are leal, their words are kind.
But lass, it is'na hame to me!*³

Лирический герой – пастух – разочарован в действительности и хочет вер-

³ Crichton J. D. *The emigrant shepherd's lament* / Ross J. D. *Scottish Poets in America with biographical and critical notices*. New York: Pagan&Ross Publishers, 1889. P. 198.

нуть прошлое: «лощины Лоуленда», «косы Мэри» – всё, что было в его прошлой жизни. Он не может найти своё место в США, обрести свой дом. Но при этом он акцентирует своё внимание на том, что его окружают добрые сердца и лица (американские). Для него Родина – это образ жизни и образ мыслей, которые он утратил и никак не может их ничем заменить на новом месте.

Заключение

В результате проведённого исследования были сформулированы следующие выводы:

1. И Шотландия, и США в целом оцениваются позитивно, лаудативная функция

реализуется в жанре оды. Негативность в оценке американского пространства появляется в описании индустриальных пейзажей.

2. Шотландия пользуется подсознательным предпочтением («right», «might»), в отношении США это рациональный выбор («independence», «justice»).

3. Урбанистический пейзаж Шотландии встречается намного чаще, чем урбанистический пейзаж США.

4. В образах и Шотландии, и США отсутствует демифологизация.

Статья поступила в редакцию 05.06.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. Н. Н. Казанского и др. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. Степанова. М.: Прогресс: Универс, 1995. 454 с.
2. Велилаева Л. Р. Шотландские поэты США XIX в.: социокультурный статус и его поэтическая реализация // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №7 (61). Часть 2. С. 13–15.
3. Велилаева Л. Р. Эмиграционный и метрополийный дискурсы шотландской поэзии XIX века: монография. Симферополь: ИП Хотеева Л. В., 2019. 172 с.
4. Новикова М. А., Велилаева Л. Р. Писательская биография как интержанр и интертекст переводной антологии / хрестоматии (к постановке проблемы) // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II Всероссийской научно-практич. конференции. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 414–419.
5. Новикова М. А. Генерационный принцип литературоведческой эмиграционистики // Таврические студии. Материалы третьей научно-практической конференции «Крым в общероссийском культурном пространстве: реалии, проблемы и перспективы». №15. Симферополь: Крымский университет культуры, искусств и туризма, 2018. С. 90–94.
6. Новикова М. А. Сверхтексты в литературе: жанры и циклы (к постановке проблемы) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4 (70). №4. С. 72–84.
7. Ross J. D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. New York, Pagan&Ross Publishers, 1889. 218 p.

REFERENCES

1. Benveniste, Émile. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes* (Russ. ed.: Yu. Stepanov, N. N. Kazansky et al., transl. *Slovar' indoevropskikh sotsial'nykh terminov*. Moscow, Progress: Univers Publ., 1995. 454 p.).
2. Velilaeva L. R. [The Scottish poets of the USA XIX century: sociocultural status and its poetic realization]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2016, no. 7 (61), Part 2, pp. 13–15.
3. Velilaeva L. R. *Emigratsionnyi i metropoliyni diskursy shotlandskoi poezii XIX veka: monografiya* [Emigration and metropolity discourses of Scottish poetry of the XIX century: monograph]. Simferopol: IP Khoteeva L. V. Publ., 2019. 172 p.
4. Novikova M. A., Velilaeva L. R. *Pisatel'skaya biografiya kak interzhanr i intertekst perevodnoi antologii / khrestomatii (k postanovke problemy)* [Writing biography as inter-genre and intertext translation anthology / anthology (problem statement)]. In: *Perevodcheskii diskurs: mezhdisciplinarnyi podkhod: Materialy II Vserossiiskoi nauchno-praktich. konferentsii* [Translation discourse: a multidisciplinary approach. Materials of the II all-Russian scientific-practical conference]. Simferopol, IT «ARIAL» Publ., 2018, pp. 414–419.

5. Novikova M. A. [The generation principle of literary emigrationists]. In: *Tavrisheskie studii. Materialy tret'ei nauchno-prakticheskoi konferentsii «Krym v obshcherossiiskom kul'turnom prostranstve: realii, problemy i perspektivy»*, no. 15. Simferopol: Crimean University of culture, arts and tourism Publ., 2018, pp. 90–94.
6. Novikova M. A. [Supertexts in the literature: genres and cycles (problem statement)]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological science], 2018, Vol. 4 (70), no. 4, pp. 72–84.
7. Ross J. D. *Scottish Poets in America with biographical and critical notices*. New York, Pagan&Ross Publishers, 1889. 218 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Велилаева Лилия Раимовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; e-mail: lilivelilaeva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lilia R. Velilaeva – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of English Philology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov; e-mail: lilivelilaeva@yandex.ru

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Велилаева Л. Р. Американский и шотландский топосы в шотландской эмиграционной поэзии США XIX в.: компаративный анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 79–84.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-79-84

FOR CITATION

Velilaeva L. R. American and Scottish toposes in Scottish emigrational poetry of the 19th century USA: comparative analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 79–84.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-79-84

УДК 82-3

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-85-93

ОБРАЗ СУМАСШЕДШЕГО В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ И ЛУ СИНЯ

Ли Аньци

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Статья посвящена важному литературоведческому вопросу – сопоставлению образов сумасшедшего на материале повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и одноименного произведения Лу Синя. Автор статьи исследует различные аспекты, связанные с созданием образа сумасшедшего – происхождение образа, идейное своеобразие произведений, культурно-исторический контекст.

Процедура и методы исследования. Для достижения цели и задач исследования привлекается широкий круг источников, в том числе биография Лу Синя, который неоднократно переводил произведения Н. В. Гоголя на китайский язык и писал о влиянии русского писателя на него как художника. В статье приводится подробный и всесторонний анализ произведений Н. В. Гоголя и Лу Синя, что способствует определению художественного и культурно-исторического своеобразия образа сумасшедшего в исследуемых повестях, установлению генетических и типологических связей между произведениями.

Результаты. Несмотря на творческую и художественную самобытность, повесть «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя и одноимённое произведение Лу Синя на мотивно-образном, сюжетном, идейном уровнях имеют множество сходств, обусловленных культурными, социальными и историческими факторами.

Теоретическая и / или практическая значимость. Материалы исследования проливают свет на жизнь и место двух ярких самобытных произведений в русской и китайской литературе, позволяют провести параллели между ними, могут быть использованы для дальнейшего сравнительного изучения творчества русских и китайских писателей, в преподавании классической литературы в вузе.

Ключевые слова: «Записки сумасшедшего», Н. В. Гоголь, Лу Синь, образ сумасшедшего, личность, дневник, безумие

IMAGE OF MADMAN IN N. V. GOGOL'S AND LU XUN'S WORKS

Li Anqi

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract.

Aim. The article aims to compare the features of the images of madman in Gogol's and Lu Xun's works called «Notes of madman» and considers the three main issues forming the images – sources of the images, artistic and ideological originality of the stories, cultural and historical context.

Methodology. The author analyzes Gogol's and Lu Xun's works, biography of Lu Xun and points out the artistic features of each of the two images.

Results. As a result, the author comes to the conclusion that there are both the genetic and typological links between images of madman in the stories.

Research implications.

Keywords: «Notes of madman», N. V. Gogol, Lu Xun, image of madman, personality, diary, madness

Введение

«Записки сумасшедшего» – первое оригинальное произведение Лу Синя¹ – было написано в апреле 1918-го года и впервые опубликовано в журнале «Синь Циннянь»² в мае того же года. Эта повесть является первым китайским литературным произведением, которое написано на байхуа, т. е. современном китайском литературном языке (в переводе с китайского «байхуа» буквально «повседневный язык»). До 1911 года в Китае существовало явление *дваязычия*, т. е. одновременно использовались письменный литературный язык *вэньянь* и разговорный язык байхуа. В результате, литературные произведения, газеты и журналы могли читать только люди, получившие образование в частной школе. Именно Лу Синь начал писать литературные произведения на всем понятном языке байхуа, благодаря чему считается одним из основоположников современного китайского литературного языка.

«Записки сумасшедшего» Лу Синя

Герой известной повести Лу Синя «Записки сумасшедшего» – это борец с устаревшими принципами, которыми в его время всё ещё руководствовалось китайское общество. Автор считал, что после Синьхайской революции³ буржуазия из-за своей политической слабости не была способна внести положительные изменения в социальную и экономическую сферы жизни. Революция 1911 года не изменила и старый уклад жизни в Китае. Лу Синь, будучи гуманистом и патриотом, тяжело переживал то, что старые традиции и нор-

мы сохранялись в обществе и оказывали губительное воздействие на судьбы людей. В письме к своему другу Сюй Шоушану от 20 августа 1918 года Лу Синь так писал о причинах, побудивших его создать «Записки сумасшедшего»: «Некогда говорили, что Китай всеми своими корнями связан с учением о морали и добродетели. Последнее время подобные взгляды получили широкое хождение. Если исходить из этого, то чтение истории даёт возможность легко решать многие проблемы. Потом я как-то случайно просматривал «Всеобщее зеркало»⁴ и понял, что китайцы все ещё остаются нацией людоедов. Вот тогда я написал этот рассказ»⁵.

Повесть Лу Синя «Записки сумасшедшего» начинается с предисловия, в котором автор описал историю жанра записок (дневника) в классической литературе на древнем китайском языке. В основной части произведения он приводит 13 дневниковых записей сумасшедшего на языке байхуа.

Записки или дневниковые записи – это новый жанр для китайской современной литературы (до Лу Синя в Китае романы писали на *вэньянь*⁶, но они не были популярными), вызвавший большой интерес у китайских литературоведов. Влияние «Записок сумасшедшего» Лу Синя на современную китайскую литературу было весьма значительным. Так, после «Записок сумасшедшего» в китайской литературе было написано много произведений в форме дневника, или записок, например: «Ржавчина» Мао Дуня⁷, «Отец», «Мань Ли» Лу Иня⁸.

¹ Лу Синь (настоящее имя – Чжоу Шужэнь), китайский писатель XX века, является основателем современной китайской литературы. Его влияние на современную китайскую литературу трудно переоценить.

² «Синь Циннянь» («Новая молодёжь») – прогрессивный общественно-политический и литературный журнал, издававшийся в Пекине в 1915–1922 гг.; участники журнала выступали против феодальной культуры и мёртвого книжного языка *вэньянь*, за новую литературу и новый литературный язык байхуа, пропагандировали марксизм, идеи равенства и демократии. Начиная с 1918 г. Лу Синь активно сотрудничал с этим журналом.

³ Революция 1911 года, приведшая к падению последней императорской династии.

⁴ «Всеобщее зеркало, управлению помогающее» – одно из классических китайских исторических сочинений, созданное в XI в. несколькими выдающимися авторами.

⁵鲁迅:《摩罗诗力说》,《鲁迅全集》,20卷,卷1,北京:人民出版社,2016年。(Лу Синь. «О силе сатанинской поэзии» (1907) // Лу Синь. Полное собрание сочинений. В 20 т. Т. 1. Пекин: Литературное издательство народа, 2016. С. 10).

⁶ «Вэньянь» – это старый китайский литературный язык.

⁷ Мао Дунь (настоящее имя – Шэнь Яньбин, 1896–1981), известный китайский писатель и общественный деятель.

⁸ Лу Инь (настоящее имя – Хуан Шуй, Хуан Ин, 1898–1934), известный китайский писатель.

Изучаемое произведение остаётся в центре внимания исследователей творчества Лу Синя и по сей день (особое внимание в этом отношении следует обратить на следующие научно-исследовательские работы: «Язык «Записок сумасшедшего» и пространство его «обращения» Ван Минжуй [3], «О инновации и влиянии иностранных литератур на «Записки сумасшедшего» Лу Синя» Хуа Хаобо [7], «От Н. В. Гоголя к Лу Синю и оперному либретто Цэн Ли и Го Вэньцзина» Сюй Цзыдуна [2]).

Лу Синь считал, что его герой – борец с феодальным строем. Писатель так определил основную идею своего произведения: «... Идея моих позднее появившихся «Записок сумасшедшего» состоит в обличении патриархального строя и зла конфуцианского учения о поведении человека в обществе» [1, с. 226].

Лу Синь получил хорошее образование. Он не только знал классическую китайскую литературу с детства, например «Четыре книги и пять канонов»¹, но и читал европейские произведения: почти все переводы с английского, американского и французского, которые выполнил известный китайский переводчик Линь Шу («Библиография Шерлока Холмса», «Она: История приключения», «Дама с камелиями») [8, с. 185–186]. Лу Синь хорошо владел немецким языком. Большой интерес у писателя вызывали поэзия Гейне и произведение «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» Фридриха Ницше. Обучаясь в горно-железнодорожном техническом училище в Нанкине, он прочитал книгу Т. Гексли «Эволюция и этика», которую перевёл на китайский язык Янь Фу (один из представителей китайской общественной мысли конца XIX века). Эта книга оказала большое влияние на Лу Синя. В это же время молодой писатель познакомился с произведениями Л. Н. Толстого и других русских писателей.

¹ В состав «Четырёх книг» и «Пяти канонов» входят книги: «Луньюй», «Мэнцзы», «Дасюе» и «Чжунъюн», каноны: «Ицзин», «Шу-цзин», «Шицзин», «Лицзи» и «Чуньюю». Эти книги являются образцовыми произведениями классической китайской литературы.

Он начал изучать русский язык у частной учительницы в Японии. Несмотря на то, что обучение продолжалось всего месяц, Лу Синь увлёкся русской литературой и занялся переводом русских произведений на китайский язык. Поскольку русским языком китайский писатель владел ещё плохо, он переводил не оригинальные произведения, т. е. не с русского языка, а с японского и немецкого. Например, с немецкого он перевёл «Мёртвые Души» (1935)², «Нос» (1934)³ Н. В. Гоголя и рассказы «В тумане», «Ложь», «Молчание», «Книга» Л. Н. Андреева. Эти переводы опубликованы в двухтомном «Сборнике зарубежных рассказов» («域外小说集»), в который вошло 37 произведений и над которыми Лу Синь работал совместно со своим младшим братом Чжоу Цзоженем во время учёбы в Токио. Также писатель перевёл роман А. Фадеева «Разгром»⁴ с японского языка на китайский. Эти произведения оказали неоспоримо большое влияние на творчество Лу Синя. В работах китайского писателя сочетается китайское традиционное мировоззрение с европейским.

Его обращение к теме сумасшествия не случайно, а исторически и социально обусловлено [6]. В китайской истории были люди, боровшиеся с несправедливостью общества, феодальным строем и бюрократизмом, и их считали безумцами. Е. А. Серебряков, русский филолог, исследователь китайской литературы, писал: «Воссоздавая столкновение личности с обществом, Лу Синь учитывал и традицию китайской литературы, в которой образ безумца занимал важное место... В древ-

² 果戈里: 《死魂灵》, 鲁迅译, 南京: 江苏文艺出版社, 2016年版。(Гоголь Н. В. Мёртвые души. Переводчик Лу Синь. Нанкин: Литературно-художественное издательство Цзянсу, 2018. 288 с.).

³ 果戈里: 《鼻子》, 鲁迅译, 《鲁迅译文全集》, 福州: 福建教育出版社, 2008年版, 第492–512页。(Гоголь Н. В. Нос // Лу Синь. Полное собрание переводов. В 8 т. Т. 8. Фучжоу: Фуцзяньское педагогическое издательство, 2008. С. 492–512).

⁴ 法捷耶夫: 《毁灭》, 鲁迅译, 北京: 生活·读书·新知 三联书店, 2018年版。(Фадеев А. А. Разгром. Переводчик Лу Синь. Пекин: Жизнь-чтение-знание: Книгоиздательство Сэнлиан, 2018. 245 с.).

нем памятнике «Ши цзин», содержащем песни XII–VI вв. до н. э., имеется следующее обращение к бесчестному правителю:

Если ж бессмысленно всех ты неволишь,
Правым считаешь себя одного лишь,
Прихоти следуешь только – и вот,

В ярость безумия приводишь народ!¹ [1, с. 228]

Учёный приводит и другой пример: «Сумасшедшим», «безумцем» называли великого поэта Цюй Юаня, который не смог смириться с господствующими при дворе нравами и покончил с собой, сохранив верность идеалам» [1, с. 228]. Китайские исследователи творчества Лу Синя считали, что самые яркие примеры безумцев в обществе Китая – это интеллектуалы, например так называемый «Безумец Чжан» (Чжан Бинлинь (1869–1936), известен также под именем Чжан Тайянь, китайский философ, филолог и просветитель, деятель революционного движения). В лусиневедении принято считать, что Чжан Бинлинь – учитель Лу Синя, оказавший большое влияние на мировоззрение китайского писателя (в 1908–1909 годы, когда Лу Синь учился в Японии, Чжан Бинлинь преподавал писателю «Шовэнь цзецзы»¹ и другие китайские учебные дисциплины. Полугодовое обучение позволило Лу Синю извлечь значительную пользу из изучения китайской культуры и литературы и заложило определённые основы для его будущих исследований [5, с. 265]). Многие литературоведы считают, что «Мастер Чжан» (так Чжан Бинлиня называли его ученики) является прототипом образа сумасшедшего в исследуемой повести. Учившись в Японии, Лу Синь принимал активное участие в социальной деятельности против Правительства Цинской династии: читал работы Чжан Бинлиня и следовал его примеру. В июне 1906 года «Мастер Чжан» был освобождён из тюрьмы и приехал в

Токио, где более 7000 китайских студентов торжественно приветствовали его, среди них был и Лу Синь. Именно тогда Чжан Бинлинь произнес свою знаменитую речь, которая называлась «Панегирик сумасшедшего», что оставило неизгладимый след в творческом сознании будущего писателя. В докладе учитель доказывал, что сумасшествие означает смелость в выражении своей точки зрения и крепкую решимость, поэтому только «сумасшедший» достигнет больших успехов [7, с. 68]. «Мастер Чжан» и его единомышленники стремились к созданию новой литературы, культуры и правды, а также боролись с несправедливостью в обществе, феодализмом и бюрократизмом. Однако Лу Синь обратился к теме сумасшествия (безумия) не только для разоблачения пороков китайского общества, но и для «обличения патриархального строя и зла конфуцианского учения о поведении человека в обществе» [1, с. 226].

До написания «Записок сумасшедшего» Лу Синь как философ и историк подробно изучал историю Китая, поэтому он лучше понимал устройство китайского феодального общества, чем многие его современники. В своей повести Лу Синь изобразил жестокость и злобу людей в древнем Китае: «И Я»² сварил своего сына и отдал на съедение Цзе и Чжоу³, потому что так повелось с давних времён. Кто знает, сколько было съедено людей с того момента, как Паньгу отделил небо от земли, и до тех пор, когда съели сына И Я; а от случая с сыном «И Я» до Сюй Си-линя;⁴ а от Сюй Си-линя вплоть до того, как в де-

¹ «Шовэнь цзецзы» – «Происхождение китайских иероглифов» или «Объяснение простых и толкование сложных знаков», первый словарь иероглифов, составленный и упорядоченный по принципу иероглифического «ключа», включающий анализ строения иероглифического знака.

² «И Я» жил в эпоху Чуньцю в княжестве Ци, правитель которого Хуань-гун однажды сказал, что никогда в жизни не пробовал мясо младенца. «И Я» сварил собственного сына и поднёс Хуань-гуну, демонстрируя тем самым свою безграничную преданность государю.

³ Цзе и Чжоу – цари-тираны династий Ся и Шан. Их имена употреблялись как нарицательные для обозначения жестокости; здесь Хуань-гун уподоблен этим древним тиранам.

⁴ Сюй Си-линь (1872–1907) – революционер, покушавшийся в 1907 г. на жизнь маньчжурского губернатора провинции Аньхуй Энь Мина; был схвачен и казнён; у Сюй Си-линя палачи вырвали сердце и отдали на съедение охране Энь Мина.

ревне Волчьей съели человека? В прошлом году, когда в городе казнили преступника, какой-то чахоточный макал пампушку в кровь казнённого¹ и облизывал её»². Автор с горечью говорит о Китае, обобщив события 4000 лет истории: «Я понял, что живу в мире, где на протяжении четырёх тысяч лет едят людей»³. Власть и аристократия не только уничтожали людей благородных стремлений, но и разрушали самосознание народа, контролировали поведение и политические настроения. Герой Лу Синя стал жертвой феодального общества. Раскрывая жестокость феодализма, писатель развенчал её лицемерие, указал, что притеснения и убийства встречаются даже в одной семье:

«В шайке, которая собирает меня съесть, оказался и мой брат!

Мой брат – людоед!

А я – брат людоеда!

Меня самого съедят, и всё же я останусь братом людоеда»⁴.

Более того, Лу Синь писал: «Может быть, и я по неведению съел несколько кусочков мяса сестрёнки, а теперь очередь дошла до меня самого...»⁵, что показывает, что герой не отрицает своей вины, но не желает такой участи себе в будущем. Именно поэтому он хочет изменить мир, стремится к реформированию общества и преобразованию жизни людей [4, с. 43]. Создавая образ сумасшедшего, Лу Синь выразил свою мечту о будущем идеальном обществе, поэтому он призывает современное ему общество к раскаянию: «Немедленно раскайтесь, раскайтесь чистосердечно! Знайте, что в будущем не потерпят людоедов...»⁶

Сравнительный анализ

¹ В старом Китае существовало поверье, согласно которому больной, съевший пампушку, смоченную кровью казнённого преступника, излечивался от чахотки.

² Лу Синь. Повести и Рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 50.

³ Там же. С. 58.

⁴ Лу Синь. Повести и Рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 53.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Лу Синь. Повести и Рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 58.

«Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя с одноимённым произведением Лу Синя

Н. В. Гоголь написал «Записки сумасшедшего» в 1835 году, за 83 года до создания одноимённой повести в Китае. Произведение русского писателя сразу вызвало интерес и полемику между интеллигентами и учёными Китая. В период создания Лу Синем «Записок сумасшедшего» жанр дневника не был распространён в китайской литературе. Произведение Лу Синя – первое крупное произведение в Китае, написанное в форме дневниковых записей, и оно оказало влияние на всю последующую литературу (в современной китайской литературе данный жанр очень популярен).

В начале XX века русская литература в Китае была мало известна, несмотря на то что многие европейские произведения уже были переведены. Лу Синь говорил, что русская литература оказала большое влияние на его творчество, в частности произведения Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и Л. Н. Андреева⁷. Можно предполагать, что чтение Лу Синем «Записок сумасшедшего» способствовало выработке уникального творческого стиля писателя, т. е. обращению к жанру записок, и, как следствие, выбору в качестве языка произведения байхуа, наиболее естественного для повествования от лица героя. Создавая свою первую повесть, китайский писатель не только заимствовал название («Записки сумасшедшего»), но и форму и стиль повести Гоголя (записки, дневник).

Анализируя произведение Гоголя «Записки сумасшедшего» и одноимённое произведение Лу Синя, мы обнаруживаем сюжетные и идейные сходства. В качестве важного компонента китайской повести выделяют приём персонификации (*говорящая собака*), также заимствованный у Гоголя. В этом ключе значимыми для сопоставления являются следующие фрагменты из двух повестей:

⁷ 鲁迅:《摩罗诗力说》,《鲁迅全集》,20卷,卷1,北京:人民出版社,2016年。(Лу Синь.«О силе сатанинской поэзии»(1907)//Лу Синь.Полное собрание сочинений.В20т.Т.1.Пекин:Литературное издательство народа,2016.С.196).

Гоголь: «... я увидел, что Меджи обнюхивалась с собачонкою, шедшею за дамами <...> Признаюсь, я очень удивился, услышав её говорящую по-человечески»¹.

Лу Синь: «Не то собака со двора Чжао... Почему она смотрит на меня во все глаза?»²

Гоголь: «Она чрезвычайный политик: всё замечает, все шаги человека»³.

Лу Синь: «Третьего дня собака со двора Чжао взглянула на меня несколько раз, ясно, что и она с ними в заговоре»⁴.

В обоих произведениях большое значение имеет образ луны. В повести Гоголя герой так описывает луну: «И оттого самая луна – такой нежный шар, что люди никак не могут жить, и там теперь живут только одни носы»⁵. В произведении Лу Синя находим следующее описание луны: «Сегодня вечером замечательно светит луна...»; или: «Сегодня совсем не светила луна; я понял, что это не к добру»⁶, т. е. луна является символом надежды и веры героя (в китайской литературе и культуре луна означает свет в темноте, является символом надежды и веры). Лу Синь через образ сумасшедшего, его мысли и идеи, хотел показать сущность феодализма и старого режима и его этики, выразить своё отношение к феодальной культуре, разочарование в укладе жизни китайского общества. Автор изобразил в повести глубокую тоску и гнев китайского народа.

Одним из источников «Записок сумасшедшего» Лу Синя является классический китайский текст, в котором описаны примеры каннибализма. Однако здесь кан-

нибализм становится метафорой старого жизненного уклада и его так называемых «нравственных» норм, которые угнетали общество. В этом проявляется открытость Лу Синя влиянию европейской литературы. Одним из писателей, о влиянии которого Лу Синь упоминал сам, является Николай Васильевич Гоголь. Так, Лу Синь в «Примечаниях ко второму сборнику повестей»⁷ пишет, что на замысел его произведения повлияла повесть Гоголя «Записки сумасшедшего» (1835), герой которой, как и герой китайского писателя, приходит к пониманию того, что в мире господствуют законы жестокости и насилия, и сходит с ума от этого открытия.

Лу Синь в своей повести представил образ сумасшедшего, который страдал манией преследования: «Я раскрыл книгу по истории, но в книге отсутствовали хронологические даты, а каждая страница была испещрена словами «гуманность», «справедливость», «мораль», «добродетель». Так как я всё равно не мог заснуть, то глубоко за полночь внимательно читал книгу и вдруг между строками рассмотрел, что вся книга исписана одним словом — людоедство»⁸. Людоедство в повести является метафорой жестокой феодальной этики: эта этика не только убивает физически, но и губит людей духовно. Например, в рассказе «Моление о счастье»⁹ героиня умирает от нищеты (как от отсутствия средств для жизни, так и от духовной бедности). Гибнущая Сянлинь была угнетена феодальным строем, люди были равнодушны к ней, они думали, что она злоецающая личность, которая не следует традиционному пути женщины, выходя замуж

¹ Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений и писем. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. В 17 т. Т. 3. М., 2009. С. 159.

² Лу Синь. Повести и Рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 50.

³ Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений и писем. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. В 17 т. Т. 3. М., 2009. С. 164.

⁴ Лу Синь. Повести и Рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 50.

⁵ Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений и писем. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. В 17 т. Т. 3. М., 2009. С. 174.

⁶ Лу Синь. Повести и Рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 50.

⁷鲁迅:《〈中国新文学大系〉小说二集序》,1935年版,《中国新文学大系(小说二集)》,上海文艺出版社,2003年。(Лу Синь. Примечание ко второму сборнику повестей (1935) // Вторая серия романов новой китайской литературы. Шанхай: Литературно-художественное издательство Шанхая, 2003. 422 с.).

⁸ Лу Синь. Повести и Рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 50.

⁹鲁迅:《祝福》,《彷徨》,北京:中国青年出版社,2017年,第1-18页。(Лу Синь. Моление о счастье // Блуждание. Пекин: Издательство китайской молодёжи, 2017. С. 1-18).

за другого после смерти своего мужа. Сяньлинь потеряла надежду и веру в жизнь. Л. Эйдлин обобщил, что «... каждая смерть у Лу Синя – убийство, совершённое обществом бессердечным, лишённым жалости и нравственности»¹.

Образы сумасшедшего в двух повестях имеют не только много общих, но отличительных черт. Обобщая отмеченные в ходе изучения и анализа двух повестей сходства и различия, представим полученный результат.

(1) (*Сходство.*) Оба произведения относятся к литературному направлению, которое принято называть критический реализм.

(2) (*Различие.*) Образ сумасшедшего у Гоголя иной, чем у Лу Синя, т. е. представлен в развитии, имеет сложные психологические детали. В произведении русского писателя показана эволюция личности героя. Гоголь подробно описал развитие болезни Поприщина, изображая реалистические ситуации и безумные мысли героя, таким образом создавая единство реального и вымышленного. В повести Лу Синя читателю не было показано развитие сумасшествия героя. Автор схватывает симптом болезни безумия, а иногда и пробуждения безумца, и в самом начале произведения указывает: «Я объединил это в одну книгу»², – что усиливает целостность дневника, делает мысль о бунте более чёткой, а логическое умозаключение (понимание смысла людоедства) яснее, так что читатели понимают, что у героя изначально была «мания преследования».

(3) Лу Синь как художник испытал влияние символизма и выразил сумасшествие своего героя в символическом виде. Увидев лунный свет, собаку и то, как женщина ударила сына, а также белые и жёсткие глаза рыбы, безумец испугался, всё увиденное вызывало у него ужас. Вот как описывается состояние героя: «В комнате — непроглядная тьма. Балки и стропила закачались прямо над моей головой; покачались немного и стали увеличиваться... Навалились на

меня...»³. Всё это является символическим изображением *тёмного*, ветхого состояния старого общества. Сумасшедший вспомнил, что «двадцать лет тому назад растоптал старую приходо-расходную книгу Гу Цзю»⁴, и ввиду этого он подозревает, что другие люди собираются навредить ему (переживание героя, представленное в данном пассаже, символизирует предчувствие, что реакционная сила уничтожит демократию).

(4) Персонаж в повести Лу Синя является символом борца против феодализма и старого общества Китая.

(5) (*Сходство.*) Оба безумца жили в мире своей фантазии.

(6) (*Различие.*) Причина, по которой герой Гоголя стал сумасшедшим, заключается в том, что он не может приспособиться к жизни, в которой есть большой социальный и нравственный разрыв между представителями разных сословий. Перед бедностью, давлением личности и всеми возможными трудностями в реальной жизни, Поприщин ничего не делает, и, наконец, сходит с ума.

Безумец Лу Синя – не настоящий сумасшедший, т. е. не безумец с точки зрения психиатрии. Столкнувшись с ужасом тысячелетнего феодального гнёта и преследованием феодальной системы и этики, он обладает независимым сознанием, имеет чёткое понимание прошлой и будущей жизни. Герой не хочет вступать в сговор с окружающими людьми, он сопротивляется реальному миру и становится «сумасшедшим», т. е. человеком, которого обычные люди не могут понять.

(7) В конце «Записок сумасшедшего» Гоголя Поприщин взывает к спасению: «Матушка, спаси твоего бедного сына!.. Матушка! пожалей о своём больном дитятке!»⁵ Герой же Лу Синя имеет надежду на будущее: «Может, есть ещё дети, не евские люди? Спасите детей!»⁶

³ Там же. С. 57–58.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений и писем. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. В 17 т. Т. 3. М., 2009. С. 176.

⁶ Лу Синь. Повести и Рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 59.

¹ Лу Синь. Повести и Рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 11.

² Лу Синь. Повести и Рассказы. М.: Художественная литература, 1971. С. 50.

Заключение

Таким образом, повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» оказала неоспоримо большое влияние на творчество Лу Синя. Благодаря знакомству с русской литературой, и в частности с произведениями Н. В. Гоголя, китайский писатель обратился к теме безумия, связанной с социальными и историческими проблемами китайского общества, к жанру и стилю дневника, что способствовало выработке уникального творческого стиля Лу Синя и выбору в качестве языка повествования

разговорный язык байхуа. Сравнивая образы сумасшедших и анализируя тексты двух произведений, мы пришли к выводу, что, несмотря на творческую и художественную самобытность, повесть «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя и одноимённое произведение Лу Синя на мотивно-образном, сюжетном, идейном уровнях имеют множество сходств, обусловленных культурными, социальными и историческими факторами.

Статья поступила в редакцию 07.08.2019.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серебряков Е. А. Гоголь в Китае // Гоголь и мировая литература. Сб. ст. Отв. ред. Ю. В. Манн. М.: Наука, 1988. С. 225–275.
2. Сюй Цзыдун. От Н. В. Гоголя к Лу Синю и оперному либретто Цэн Ли и Го Вэньцзиня // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 356–364.
3. 王明睿: 《《狂人日记》的语言及其颠倒空间》, 鲁迅研究月刊, 2018年第11期, 第87–92页。(Ван Минжуй. Язык «Записок сумасшедшего» и пространство его «обращения» // Ежемесячное исследование Лу Синя. 2018. №11. С. 87–92).
4. 顾国柱: 《“拿来主义”的光辉范例--鲁迅与果戈里同名小说《狂人日记》之比较》。南都学坛(社会科学版), 1990年第10卷第2期, 第40–43页。(Гу Гочжу. Отличный пример принципа “переноса” (сравнение между «Записок сумасшедшего») // Научный форум Наньду. 1990. Т. 10. №2. С. 40–43).
5. 孙培云: 《“吾爱吾师, 吾尤爱真理” ——由《关于太炎先生二三事》解读鲁迅和章太炎的师生之道》, 北方文学, 2017年第5期, 第265–267页。(Сунь Пэйюнь. “Моя любовь к истине глубже, чем к моему учителю” – Интерпретация связи Лу Синя и Чжан Тайяня с «О двух или трёх случаях учителя Тайянь» // Северная литература. 2017. №5. С. 265–267).
6. 黄玉杰: 《《狂人日记》的成因述评》, 咸阳师范学院学报, 2003年第5期, 第68–70页。(Хуан Юйцзе. Критический обзор генезиса «Записки сумасшедшего» // Вестник Сяньянского педагогического института. 2003. №5. С. 68–70).
7. 华浩波: 《鲁迅《狂人日记》受外来影响及创新》, 文教资料, 2010年第4期, 第11–13页。(Хуа Хаобо. Об инновации и влиянии иностранных литератур на «Записки сумасшедшего» Лу Синя // Культурно-просветительский материал. 2010. №4. С. 11–13).
8. 周遐寿, 《鲁迅小说里的人物》, 人民文学出版社, 1959年。(Чжоу Сяшоу. Образы в произведениях Лу Синя. Пекин: Литературное издательство народа, 1959. 209 с.).

REFERENCES

1. Serebryakov E. A. *Gogol' v Kitae* [Gogol in China]. In: *Gogol' i mirovaya literatura* [Gogol and world literature]. Collection of articles, Resp. ed. by Yu. V. Mann. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 225–275.
2. Xu Tzidon. [From N. V. Gogol to Lu Xun and librettos Ceng Li and Guo Wenjing]. In: *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 2017, vol. 7, no. 3A, pp. 356–364.
3. 王明睿: 《《狂人日记》的语言及其颠倒空间》, 鲁迅研究月刊, 2018年第11期, 第87–92页。[Van Miniui. The language of «Notes of a madman» and the space of its «treatment». In: The monthly survey of Lu Xun' works, 2018, no. 11, pp. 87–92].
4. 顾国柱: 《“拿来主义”的光辉范例--鲁迅与果戈里同名小说《狂人日记》之比较》。南都学坛(社会科学版), 1990年第10卷第2期, 第40–43页。[Gu Goju. A great example of the principle of “transfer” (a comparison between “Notes of a madman”). In: Academic forum of Nandu, 1990, vol. 10, no. 2, pp. 40–43].
5. 孙培云: 《“吾爱吾师, 吾尤爱真理” ——由《关于太炎先生二三事》解读鲁迅和章太炎的师生之道》, 北方文学, 2017年第5期, 第265–267页。[Sun Payne. «My love of truth is deeper than

- my teacher» – Interpretation context, Lu Xun and Zhang Tiana with «two or three cases, teachers Tiani». In: Northern literature, 2017, no. 5, pp. 265–267].
6. 黄玉杰: 《《狂人日记》的成因述评》, 咸阳师范学院学报, 2003年第5期, 第68–70页。[Huang Yujie. A critical review of the Genesis of «Notes of a madman». In: Bulletin of the Xiangyang pedagogical Institute, 2003, no. 5, pp. 68–70].
  7. 华浩波: 《鲁迅《狂人日记》受外来影响及创新》, 文教资料, 2010年第4期, 第11–13页。[Hua Haobo. About innovation and the influence of foreign literatures on “Notes of a madman” of Lu Xun. In: Cultural and educational material, 2010, no. 4, pp. 11–13].
  8. 周遐寿, 《鲁迅小说里的人物》, 人民文学出版社, 1959年。[Zhou Xiashou. Images in the works of Lu Xun. Beijing, Literary publishing house of the people Publ., 1959. 209 p.].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ли Аньци – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: lianqiweila@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Li Anqi – Postgraduate student, Department of history of Russian literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lianqiweila@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЛЫКА НА СТАТЬЮ

Ли Аньци. Образ сумасшедшего в творчестве Н. В. Гоголя и Лу Синя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 85–93.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-85-93

FOR CITATION

Li Anqi. Image of a Madman in N. Gogol's and Lu Xun's works. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 85–93.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-85-93

УДК 882

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-94-100

МОТИВ СЧАСТЬЯ В РАССКАЗАХ ИРИНЫ ОДОЕВЦЕВОЙ

Петухова А. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи – выявить особенности сюжетного и образного воплощения мотива счастья в рассказах Ирины Одоевцевой.

Процедура и методы исследования. Автором проанализированы ранние эмигрантские рассказы писательницы. Выявлена связь жизненного опыта писательницы и созданных ей персонажей. В ходе исследования выделяется несколько типов мотива: потерянное счастье, ложное счастье, жертвенное счастье. Используются сравнительно-исторический, биографический, герменевтический методы.

Результаты. В заключении делается вывод о том, что данный мотив обусловлен разлукой персонажей и автора с Россией и играет сюжетобразующую роль, является лейтмотивом в ранней прозе Одоевцевой.

Теоретическая и / или практическая значимость заключается в выделении данного мотива и в выявлении его роли в творчестве Ирины Одоевцевой. Статья адресована всем интересующимся литературой русского зарубежья.

Ключевые слова: рассказ, мотив, счастье, русское зарубежье, И. Одоевцева

THE HAPPINESS MOTIVE IN IRINA ODOEVTSOVA'S STORIES

A. Petukhova

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytischy 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

The aim of the article is to detect the features of the plot and figurative embodiment the motive of happiness in the stories by Irina Odoevtseva.

Methodology. The author analyzes the early emigrant writer's stories. The connection identified of the life experience of the writer and the characters created by her is revealed. The study identifies several types of motive: lost happiness, false happiness, sacrificial happiness. Comparative historical, biogeographic and hermeneutical methods and used.

Results. At the end of the article the conclusion is that is stated that this motive stemmed from separation of the characters and author departure from Russia, that this motive plays a plot-forming role, is the leitmotif in the early prose by Irina Odoevtseva.

Research implications. The article is addressed to all interested in literature of the Russian foreign countries.

Keywords: story, motive, happiness, Russian abroad, Irina Odoevtseva

Введение

В ранней прозе молодой писательницы первой волны русской эмиграции Ирины Одоевцевой мотив поиска и обретения счастья прослеживается почти в каждом произведении. В предложенной статье в качестве предмета исследования отобрано несколько рассказов, персонажи-эмигранты которых по-разному считают себя несчастливymi, пытаются

понять причины своих жизненных неудач. Сама писательница по причине горьких испытаний в революционной России вынуждена была покинуть родные края, стала одной из тех, кто вошёл в круг деятелей русской зарубежной литературы.

В своей поздней книге мемуаров Одоевцева признавалась: *«Нет, я чувствую, я знаю, такой счастливой, как здесь, на берегах Невы, я уже никогда и нигде не буду»*¹. Может быть, именно поэтому многие герои и героини её рассказов так же, как и автор, потеряли надежды на счастье вместе с утратой России.

«Историю Русского зарубежья принято начинать с 1920 года, когда рядом последовательных эвакуационных волн множество русских было выброшено за пределы родины и пришла к концу более или менее организованная вооружённая борьба против большевиков» [9, с. 20], – писал Глеб Струве. Жизнь русских в изгнании была трудной: предстояло перешагнуть через самих себя и оставить всё, что связывало с Родиной, в конечном итоге принять прежде чуждую действительность. Но и в этих далёких от своей страны местах, как свидетельствовала Одоевцева на страницах своей прозы малых жанров, люди пытались быть счастливыми.

Счастье – обретение искренней взаимной любви

В рассказе «Жасминовый остров» описывается несколько дней из жизни двух русских девушек – сестёр, Аси и Мики. Действие происходит в маленьком пансионе в горах. Ася – старшая, ищет для себя подходящую «партию», так как денег для существования практически не осталось. По словам Марии Рубинс, «эмигрантское детство не соответствовало утвердившимся в классической русской культуре идиллическим представлениям» [5, с. 6]. Но, несмотря на жизненные проблемы, безрадостную реальность, Ася мечтает найти не просто состоятельного мужчину, а такого,

кого сможет полюбить. Мика – четырнадцатилетняя девочка с «почти уже женским лицом», романтически влюбляется детской любовью в отдыхающего Робертса, взрослого мужчину, как свойственно это юным мечтательницам.

Символический образ «жасминового острова», символизирующего счастье, дан уже в названии. Сначала он возникает в словах маленькой Мики, которая мечтает о нём, но читатель не сразу понимает, о чём идёт речь. Потом, после встречи со Старком, «его» обещает Ася своей младшей сестре. Постепенно проясняется, что образ «жасминового острова» у Мики связан с детством в России. Когда-то давно девочке подарили книжку, она внезапно увидела в ней картинку и испытала невероятное до того момента чувство: *«Она открыла её наугад, и сейчас же захлопнула. Стало трудно дышать, сердце громко застучало. Такое непонятное, чудесное и страшное было в ней нарисовано. <...> Потом понемногу открыла её. Ничего страшного не было в картинке. Только синее небо над синим морем. В синем небе белые чайки, а в синем море красные скалы и белый остров. Но краски были так яркие, бумага так необычайно блестяла. Внизу стояла подпись “Pe de Jasmin” (Жасминовый остров). Никогда Мика не видела ничего волшебнее»*². Далее автор подчёркивает, что от России в памяти Мики не осталось ничего, кроме слов «жасмин» и «остров», что «всё счастье, все мечты – жасминовый остров». Этот живописный остров, ассоциирующийся с идиллически прекрасным, волшебным миром, объединяет проблематику и композиционный стержень всего рассказа.

Образ острова, вероятно, был навеян сборником стихов Георгия Иванова, мужа Одоевцевой, «Отплыть на остров Цитеру» (1911), творчество которого многоаспектно изучается в современном литературоведении, в отличие от наследия его жены. Основной лейтмотив этой книги лирики, созданной до трагических событий войны, – любовь. Это чувство, связанное с роман-

¹ Одоевцева И. В. На берегах Невы. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2009. С. 411.

² Одоевцева И. В. Зеркало: избранная проза. М.: Русский путь, 2011. 654 с. С. 65–66.

тическими грёзами, испытывает персонафицированный лирический герой книги – «мечтательный пастух». В отличие от героинь Одоевцевой-эмигрантки, персонаж ранней книги Г. Иванова верил в счастье, был убеждён, что нужно подкреплять мечты конкретными целями, что у жизни светлая перспектива: «Судьба ведёт нас к светлой гавани, / Где всё горит иным огнём!»¹

В последней сцене произведения Одоевцевой мы видим, как девушки едут в Канни. Мику начинает тошнить. В уборной, посмотрев в окно, девочка замечает остров в белой пене, который напоминает ей тот, который поразил её в книжке, – «жасминовый». Мика невольно произносит это название, но вдруг видит грязную уборную, пыль и копоть, летящую в окно. Тогда девочка осознаёт, что никакого счастья и радости у неё впереди нет, понимает, что жасминового острова не существует. «Среди эмигрантов, начавших писать прозу в середине 1920-х годов, особенно последовательно к теме несчастливости детства обращалась Ирина Одоевцева» [6, с. 271], – отмечает Мария Рубинс в своей монографии.

В рассказе «Жизнь мадам Дюкло» развёртывается ещё один сюжет «частного» свойства. Семнадцатилетняя Манечка вышла замуж за богатого француза мсье Дюкло. Она переехала к нему в Париж, ожидая, что теперь перед ней развернётся роскошная, интересная жизнь. Напрасные надежды принесли всего лишь «пустые, одинаковые годы». Дни текли однообразно, пока однажды февральским воскресным утром Гастон Дюкло не умер. Несмотря на то, что она стала наследницей, жизнь её в общем-то не изменилась, а из-за траура стала ещё скучнее. Через некоторое время мадам Дюкло, однако, пригрезилось, что она ещё может быть счастливой. Тогда ей и повстречался молодой человек с большими зелёными глазами. После коротких свиданий на лестничной клетке мадам Дюкло чувствовала «какое-то огромное, томительное счастье».

¹ Иванов Г. В. Отплытие на о. Цитеру: Поэзы. Книга первая. СПб.: Ego, 1912. С. 31.

Но быть вместе паре не суждено. Манечку приглашают в Нормандию. Вечером, перед отъездом, сидя в кафе, героиня представляет, что ужинает с воображаемым спутником, которому непременно хочется рассказать о Петербурге. Возвращаясь на квартиру, в подъезде мадам Дюкло снова увидела зеленоглазого незнакомца. Мужчина шевелил губами, словно хотел что-то сказать, но дверь в квартиру открывается, женщина заходит домой, не смея обернуться. В Нормандии Мадам Дюкло чувствует себя мёртвой, поэтому, пробив там меньше, чем планировалось, возвращается в Париж. Дома она первым делом узнаёт, не уехал ли кто-нибудь из постояльцев. Тогда вдове сообщают, что русский мужчина уехал вчера. Выясняется, что русского звали Николай Савельев, что он был влюблён в мадам. Манечка пыталась догнать возлюбленного, но он уплывает на пароходе на родину. Вместе с пароходом в Россию уплывает и её несостоявшееся счастье.

Утраченная Россия – символ счастья

Как и в некоторых других сюжетных звеньях малой прозы Одоевцевой [1], для героини счастье – это Россия. Её прелестная, розовая юность в Петербурге – вот настоящее счастье. Думается, что ощущения главной героини близки автору – самой Ирине Одоевцевой, которая, подобно многим соотечественникам, долгие годы мечтала вернуться на родину.

В рассказе И. Одоевцевой, носящем название цитированного здесь стихотворения Г. Иванова «Эпилог», для Сергея, живущего со своей избранницей в Америке, даже страшные годы Гражданской войны в России кажутся счастливее, нежели мирное время за рубежом: «*Но я вспомнил, как когда-то я прятался у нас в Сосновке. Как меня искали большевики и грозили спалить дом. Как мы сидели ночью в темноте, боясь зажечь свечу, и волки выли в парке, а за окном всё было бело от снега. Помнишь, как мы мечтали бежать, спастись. Тогда Париж, Ницца казались нам раем. А те*

перь мы видим, что всё это жалко и скучно. Знаешь, Таня, может быть, в России мы были бы счастливее...»¹ Теперь они эмигранты, живут в крайней нужде и бедности. Но, несмотря на их тяжёлое положение, Сергей пытается радовать свою жену. Покупая булку к завтраку, он не забывает о подарке для любимой – апельсине.

Татьяна Александровна, наоборот, недовольна нищетой. Она завидует богатым американцам и англичанам. Гуляя по Английской набережной, женщина беспокоится, отчего на неё смотрят прохожие: то ли оттого, что она красива, то ли оттого, что она так бедно одета. На слова мужа о том, что она здесь самая хорошенькая, Таня отвечает: «К чему мне это? Лучше бы у меня были бриллианты»². Именно с интересами и стремлениями этой героини связан мотив ложного счастья. Татьяна мечтает о роскошной жизни. О драгоценных украшениях, которые ей может подарить богатый ухажёр Джонсон. Угадав её желание, он готов купить широкий браслет, в котором, как думала героиня, заключается всё недоступное ей счастье.

Неудовлетворённые скромным эмигрантским существованием, некоторые персонажи рассказов Одоевцевой начинают преследовать иллюзорные цели, принося в жертву богатству и славе самое главное. «Женщины бросают своих русских мужей (и обременяющих их детей) и ищут счастья в новой западной жизни» [6, с. 283], – отмечает Мария Рубинс. Татьяна решает уйти к Джонсону ради денег. Поначалу она и вправду ощущает себя счастливой. В ответ на письмо мужа девушка пишет: «...Я живу в “Негреско”, в той угловой комнате с жёлтыми шторами, на которую мы часто смотрели. Сейчас карнавал, и я очень веселюсь...»³ Но веселью, как и мнимому чувству счастья, приходит конец, когда Таня получает письмо от Сергея, в кото-

ром муж написал о симпатии к другой девушке. Именно после письма она осознаёт, что её теперешнее счастье фальшивое, что настоящие чувства она испытывала только к мужу. Богатство, которым она окружена, становится ей ненавистным. Смотря на Джонсона, девушка думает: «Какой противный пёстрый галстук. И эта наглая жемчужина»⁴.

Большинство героев Одоевцевой осознают истинность счастья искренней любви только тогда, когда практически теряют или упускают его совсем. Поль, герой рассказа «Сердце Марии», также понимает, что любит Марию только в тот момент, когда думает, что она умерла. Поль мечтал встретить Прекрасную Даму, которая будет восхищаться его стихами, а ему досталась приземлённая Мария, для которой счастье – удивить возлюбленного вкусным кроликом. После ужасного сна о самоубийстве Марии герой мчится к девушке с мыслями: «Ведь я её любил... В голубой шляпе, которую я ей подарил. Она прыгала от радости...»⁵ В конце рассказа, прижимаясь к локтю Марии, Поль высказывает искренние слова о том, что он счастлив.

Такое внутреннее раскаяние и изменение героев характеризует их как людей, понимающих в итоге истинные нравственные ценности.

Счастье в том, чтобы дарить его другим

Для некоторых героев Одоевцевой открыто истинное знание, как стать счастливым, – это подарить счастье другому человеку. К такому выводу приходят Сергей из рассказа «Эпилог» и героиня рассказа «Сердце Марии». Для них нет «своего» счастья, они стремятся подарить счастье тем, кого они полюбили. Именно эти герои своими жертвенными поступками пробуждают в других людях истинное понимание целей жизненного пути.

Стоит сказать, что во всех рассказах писательницы счастье – это что-то возмож-

¹ Одоевцева И. В. Зеркало: избранная проза. М.: Русский путь, 2011. С. 35.

² Одоевцева И. В. Зеркало: избранная проза. М.: Русский путь, 2011. С. 35.

³ Одоевцева И. В. Зеркало: избранная проза. М.: Русский путь, 2011. С. 40.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Одоевцева И. В. Зеркало: избранная проза. М.: Русский путь, 2011. С. 33.

ное, совместимое с обыденностью – это такое состояние, которое человек испытывает, несмотря на социальное положение, материальные трудности, разлуку с родиной.

В рассказе «Счастье Улиты» интересный нас мотив вынесен в заглавие. Читатель понимает, что он является главным для всего произведения. Улита – *старая дева, красивая, но худая и длинная, бесцветная и близорукая*. Она разделяет всех людей на счастливых и несчастных, относя себя, естественно, ко второй категории. В её жизни не происходит ничего примечательного. Целыми днями девушка работает в швейной мастерской, но всё равно вынуждена жить впроголодь. Сама героиня будто бы потеряла надежду обрести любовь, следовательно, счастье.

Но вдруг её скучная, серая жизнь меняется. В мастерскую приходит объявление, в котором мужчина пишет о поиске прекрасной души, пометая, что возраст и внешность не имеют значения. Мастерницы сразу же отмечают, что Улита полностью подходит под описание молодого человека. Дома девушка решает ответить на письмо, пишет его до глубокой ночи, не скрывая ничего про свою одинокую неудачную жизнь. Утром письмо отправляется в почтовый ящик. Жизнь девушки превращается в ураган. Сердце трепещет и сжимается, заставляя не обращать внимания на тусклые будни. Когда Улита получает ответ с приятными словами и просьбой выслать фотографию, она просто теряет голову. Теперь её жизнь состоит не из обид, слёз и огорчений, а из роз, счастья и сирени: *«Она была счастлива. Счастлива, как бывают только в шестнадцать лет. Нет, сильнее, острее, так, как не бывают даже в шестнадцать лет. Ведь она столько плакала, столько ждала»*¹.

Начинается активная переписка, герои заочно влюбляются. Ваня приглашает Улиту к себе в Марсель. Она верит, что именно там «начнётся счастье на всю жизнь. До самой смерти». Это сладкое со-

стояние разрушается, когда Улита встречает своего *Ваню-Ваничку*. С самого начала всё не так: сухое «С приездом», вместо тёплых первых объятий, старая гостиница, пропахшая плесенью и капустой, «клоун» вместо «красавица» и «солнышко». За скучным ужином Ваня объясняется и говорит о своём ошибочном выборе. Девушка разочаровывается, хочет спрятаться и ничего не чувствовать. Потеря долгожданного окрылённого состояния потрясает и глубоко ранит героиню. Ночью ей даже приходят мысли о смерти, так как надежды на счастливую жизнь не остаётся. Но вдруг дверь в комнату отворяется, перед недавно оставленной влюблённой героиней предстаёт её Ваня – с заплаканным лицом и просьбой о прощении:

*«– Улиточка, родная моя, — всхлипнул он. — Ты спала, и мне тебя так жалко, так жалко... И я всё понял. / — Что? Что? — переспросила она. / — Я только сейчас понял, как я несчастен, — быстро говорил он. — Как я несчастен, как ты несчастна. Нам нельзя расставаться. Скажи, что ты простила меня?/ Это было невероятно, невозможно. Но теперь ничто уже не могло удивить её. Новая жизнь началась, и счастье пришло. Оно опоздало только на несколько часов»*².

Таким образом, оба героя сохраняют любовь и счастье – дар, который неожиданно послан одиноким людям. В данном случае счастье является главным рычагом для того, чтобы каждый из них обрёл силу продолжать жить.

Помимо этого, важно подчеркнуть, что герои рассказов Ирины Одоевцевой становятся счастливыми только в том случае, если могут заметить и подвергнуть анализу это состояние. Мария Рубинс отмечает: «В её рассказах и романах неуловимость счастья, как правило, связана с невозможностью вовремя распознать его, угадать свою судьбу. Большинство героев и героинь Одоевцевой как будто заколдованы, они живут вслепую, проходя мимо своего предназначения» [5, с. 4].

¹ Одоевцева И. В. Зеркало: избранная проза. М.: Русский путь, 2011. С. 149.

² Одоевцева И. В. Зеркало: избранная проза. М.: Русский путь, 2011. С. 155.

Заключение

Подводя итоги, сделаем вывод, что мотив счастья в рассказах Ирины Одоевцевой играет сюжетобразующую роль, является лейтмотивом её ранней прозы. Герои преобразуются, когда их посещает счастье, и наоборот, мучительно прозревают после того, как теряют свою любовь, обольщаясь ложными идеалами. Лучшие герои постепенно преодолевают скудное одиночество и эмигрантскую тоску, приходят к мудрому знанию: стать счастливым – это преодолеть свой эгоизм и сделать счастливым

своего ближнего, сохранить нравственные заветы своей родины в сердце.

Рассказы И. Одоевцевой занимают оригинальное место в ряду произведений о любви других русских писателей: И. А. Бунина, А. И. Куприна, И. С. Шмелёва, Б. К. Зайцева, Г. Газданова, В. В. Набокова и др. Вероятно, произведения писательницы не претендуют на то, чтобы соперничать с признанными читательской аудиторией шедеврами [2; 3; 7; 8], но их стиль [4] имеет своё неповторимое обаяние.

Статья поступила в редакцию 24.10.2019.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерошевская М. В. Образ лирической героини в поэтическом сборнике «Двор чудес» И. Одоевцевой // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: Молодая наука. 2018. №5. С. 40–50.
2. Коростелев О. А., Кузнецова Е. В. Иван Бунин и Георгий Иванов: спор о поэзии длиною в жизнь // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2018. №56. С. 226–247.
3. Леденев А. В. Язык как «родина последняя»: лингвистическая образность в литературе русской эмиграции // Проблема изгнания: русский и американский контексты: сборник материалов международной научно-практической конференции. Ярославль: РИО Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, 2017. С. 36–42.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
5. Рубинс Мария. Парижская проза Ирины Одоевцевой (Предисловие) // Одоевцева И. В. Зеркало: избранная проза. М.: Русский путь, 2011. С. 2–11.
6. Рубинс Мария. Русский Монпарнас: парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / Пер. с английского языка М. Рубинс, А. Глебовской. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 325 с.
7. Семина А. А. Модификация жанра отрывка в лирике Георгия Иванова и Бориса Рыжего // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. №3. С. 179–189.
8. Семина А. А. Мотив распада в творчестве Георгия Иванова: наследие символизма и экзистенциализм // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. №9. С. 193–205.
9. Струве Г. П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. 3-е изд., испр. и доп.: Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский. М.: Русский путь, 1996. 448 с.

REFERENCES

1. Eroshevskaya M. V. [The image of the lyrical heroine in a poetic collection «Court of miracles» by I. Odoevtseva]. In: *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: Molodaya nauka* [Ural philological Bulletin. Series: Draft: Young science], 2018, no. 5, pp. 40–50.
2. Korostelev O. A., Kuznetsova E. V. [Ivan Bunin and Georgii Ivanov: the discussion of poetry of a lifetime]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Series: Philology], 2018, no. 56, pp. 226–247.
3. Ledenev A. V. *Yazyk kak «rodina poslednyaya»: lingvisticheskaya obraznost' v literature russkoi emigratsii* [Language as the “last homeland”: linguistic imagery in the literature of Russian emigration]. In: *Problema izgnaniya: russkii i amerikanskii konteksty: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The problem of exile: Russian and American contexts: proceedings of the international scientific-practical conference]. Yaroslavl: Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 2017, pp. 36–42.

4. Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The structure of the artistic text. The analysis of the poetic text]. St. Petersburg., Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 704 p.
5. Rubins Maria. *Parizhskaya proza Iriny Odoevtsevoi (Predislovie)* [The Paris prose of Irina Odoevtseva (Foreword)]. In: Odoevtseva I. V. *Zerkalo: izbrannaya proza* [Mirror: selected prose]. Moscow, Russkii put' Publ., 2011, pp. 2–11.
6. Rubins, Maria. *Russian Montparnasse: the Parisian prose of the 1920-1930-ies in the context of transnational modernism* (Russ. ed.: M. Rubins, A. Glebovskaya, transl. *Russkii Monparnas: parizhskaya proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 325 p.).
7. Semina A. A. [Modification of the genre of the passage in the lyrics of Georgiy Ivanov and Boris Ryzhiy]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2017, no. 3, pp. 179–189.
8. Semina A. A. [The motif of decay in the works of Georgiy Ivanov: the heritage of symbolism and existentialism]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2017, vol. 16, no. 9, pp. 193–205.
9. Struve G. P. [Russian literature in exile: the Experience of the historical review of foreign literature. 3rd ed., corrected and supplemented: a Brief biographical dictionary of Russian Abroad] / R. I. Vildanova, V. B. Kudryavtsev, K. Yu. Lappo-Danilevsky]. Moscow, Russkii put' Publ., 1996. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петухова Алёна Игоревна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ №1 г. Одинцово Московской области;
e-mail: alyona.buravkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena I. Petukhova – Postgraduate student, Department of Russian literature of the 20th century, Moscow Region State University; teacher of Russian language and literature, school №1, Odintsovo, Moscow region;
e-mail: alyona.buravkova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Петухова А. И. Мотив счастья в рассказах Ирины Одоевцевой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 94–100.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-94-100

FOR CITATION

Petukhova A. I. The happiness motive in Irina Odoevtseva's stories. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 94–100.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-94-100

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-101-110

ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЬНИЦ В ОЦЕНКЕ АВТОРОВ УЧЕБНЫХ ИЗДАНИЙ ПО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ 1820–1850 ГГ.

Пуряева Н. Н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская федерация*

Аннотация.

Цель. Цель данного исследования – обозначить позицию авторов учебных изданий по истории русской словесности в отношении русских писательниц.

Процедура и методы исследования. В статье рассматриваются учебники, хрестоматии и пособия по русской словесности 1820–1850 гг., упоминающие русских писательниц или включающие в себя тексты их произведений. Дается оценка творчества писательниц авторами учебной литературы первой половины XIX в., анализируется их отношение к теме женского творчества в целом.

Результаты. Делается вывод о том, что намечаются два подхода к восприятию творчества писательниц авторами учебной литературы: рассмотрение его как некоего самостоятельного явления, заслуживающего определённого снисхождения и поощрения (Галахов, Мизко); восприятие его как неотъемлемой части литературного процесса (Греч, Пенинский, Аскоченский, Зеленецкий).

Теоретическая и / или практическая значимость. В статье впервые предпринята попытка дать картину представленности творчества писательниц в учебных изданиях по истории русской словесности первой половины XIX в., а также проанализировать отношение авторов-составителей к проблеме женской литературы.

Ключевые слова: русские писательницы, женское творчество, словесность, учебники, хрестоматии, Бунина, Волконская, Ган, Галахов, Греч, Павлова, Ростопчина

RUSSIAN FEMALE WRITERS IN THE ASSESSMENT OF AUTHORS OF TEXTBOOKS IN RUSSIAN LITERATURE (1820–1850)

N. Puryaeva

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract.

The aim of this study is to outline the attitude of authors of textbooks, anthologies and manuals on Russian literature in relation to Russian female writers.

Methodology. The article discusses textbooks, anthologies and manuals on Russian literature (1820–1850) which mention female writers or include texts of their works.

Results. It is concluded that two approaches to the perception of the female writers' work can be outlined: considering it as a kind of separate phenomenon, which deserves condescension and encouragement (Galakhov, Mizko); its perception as an integral part of literary process (Grech, Peninsky, Askochensky, Zelenetsky).

Research implications. The article is the first attempt to give a picture of the representation of female writers in textbooks on the history of Russian literature, as well as to analyze the attitude of the authors to the problem of female literature.

Keywords: Russian female writers, textbooks, anthologies and manuals on Russian literature, Bunina, Volkonskaya, Gan, Galakhov, Gretch, Pavlova, Rostopchina

Введение

Курс словесности, впервые появившийся в учебных планах с конца XVIII в., за последующие пятьдесят лет претерпел значительные изменения. В течение долгого времени под этим названием велось изучение, прежде всего, риторики, которая со временем стала дополняться пиитикой и время от времени – церковнославянским языком [3, с. 123]. Соотношение данных компонентов (и количество выделяемых учебных часов) регламентировалось учебными планами. Так, по первому учебному плану для гимназий (1804), преподавание риторики велось только в старшем, 3 классе. Этот учебный план без существенных изменений просуществовал до 1828 г. и регулировал работу всех гимназий в империи, за исключением Петербургской. С. С. Уваров в бытность свою попечителем Санкт-Петербургского учебного округа ввёл в ней ряд новшеств, в частности, в 1811 г. в учебный план старшего класса Петербургской гимназии впервые в отечественной педагогике была добавлена словесность и её история. Спустя несколько лет на основе этого опыта был создан учебный план, введённый затем по всей стране реформой 1828 г. По нему в старшем классе вводилось преподавание пиитики с кратким разбором образцов, а также краткая история российской словесности.

Что касается содержательной стороны учебных программ, долгое время они представляли собой список отсылок к тому или иному учебнику, и лишь с 1840 г. в программах начали прописывать содержание учебного курса.

В свою очередь содержание учебников риторики (а затем словесности) 1800–1840 гг. сводилось к перечислению различных видов хриль и тропов с приложением образцов – отрывков из литературных произведений – которые учащиеся должны были научиться воссоздавать в ходе выполнения упражнений. Учебники эти, на усмотрение преподавателя, дополнялись хрестоматиями, которые полностью

состояли из фрагментов литературных произведений, расположенных по жанровому принципу (описание, повествование и т. п.) и не были снабжены ни историко-литературным комментарием, ни биографической информацией об авторе. Последнее, как и анализ произведения, полностью оставалось на усмотрение преподавателя. Главным критерием при отборе примеров из литературных произведений была именно их «образцовость», максимальное приближение к «идеалу». Понятие исторического процесса, хотя прямо не декларировалось, но де-факто учитывалось.

Нормативных документов, формулирующих задачи изучения словесности и регламентирующих перечень включаемых произведений, не существовало до начала 1850-х гг. Перелом в отношении к преподаванию словесности связан с появлением методического руководства «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений» Я. И. Ростовцева (1849).

«Наставление...» ставило «родной язык» (курс русского языка в данном случае включал и русский язык, и литературу) вторым по важности после Закона Божия, т. е. закрепляло его статус как одного из важнейших предметов. Что касается словесности, теоретические понятия, лежавшие в основе курсов риторики и пиитики, теперь предполагалось рассматривать не как самодовлеющие явления, а как элементы изучаемых произведений. Таким образом, принципиально менялась идея курса, основой которого теперь должно было стать собственно литературное произведение. В этой связи особое значение придавалось отбору авторов: это должны быть только «двигатели словесности», из прочих же предлагалось «удержать только тех, произведения которых донныне могут служить образцами»¹. Причём основное

¹ Ростовцев Я. И. Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений: Высочайше утверждено 24 дек. 1848 г. СПб.: Тип. Воен.-учеб. заведений, 1849. XXIV. С. 34–35.

внимание должно было сосредоточиться на отечественной литературе.

«Наставление...», – по сути, первый пример осознания и попытки регламентировать воспитательный потенциал словесности.

Разработка подробных методических рекомендаций в русле «Наставления...» была поручена Ф. И. Буслаеву (раздел русского языка) и А. Н. Галахову (раздел словесности), результатом чего стал «Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях, составленный А. Галаховым и Ф. Буслаевым, на основании Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений высочайше утверждённого 24-го декабря 1848 г.»¹. Он, по сути, реформировал принципы преподавания словесности, отодвигая риторiku и пиитику на второй план и постулируя важность изучения литературы как процесса, ценность эстетической стороны произведения, значимость изучения творчества писателя как некоей целостности, но самое главное, предлагал список авторов, рекомендованных к изучению. Писательниц в этом списке не было.

Итак, формально до 1852 г. (а фактически – до конца 1850-х гг.) отбор произведений в учебнике или хрестоматии определялся исключительно взглядами автора-составителя. В этом смысле он замечательно иллюстрирует процесс формирования канона литературной классики, активно проходившего как раз в 1830–1840 гг.

Русские писательницы упомянуты лишь в 4-х из порядка 35 учебных изданий (учебников по риторике и словесности, а также учебных хрестоматий) и в 3-х пособиях по истории отечественной литературы, созданных в 1800 – начале 1850-х гг. Причём наиболее интенсивно – в 1840–1850 гг.

Творчество писательниц в оценке авторов учебных изданий по русской словесности 1820–1850 гг.

Учебники словесности

Первым в школьную традицию писательниц ввёл Н. И. Греч в очерке по истории русской литературы в «Учебной книге российской словесности» (1820). В первом издании учебника в связи с литературной деятельностью он упоминает царевну Софью, Е. Р. Дашкову, А. П. Бунину.

В оценке царевны Софьи Греч прямо ссылается на статью Н. М. Карамзина в «Пантеоне российских авторов» и дословно приводит её текст. О Екатерине II говорит, что она много сделала для развития словесности, но не называет её в качестве писательницы. О Дашковой Греч пишет, что «науки и словесность были любимым её упражнением»², отмечает её участие в журналах «Невинное упражнение» (1765), «Собеседник любителей русского слова» (1783) и даже называет некоторые литературные сочинения: комедия «Тоисиоков» и драма «Свадьба Фабианова, или Алчность к богатству наказанная». Однако в целом, литературное творчество Дашковой упомянуто как одна из сфер её деятельности, далеко не самая главная.

Первой собственно писательницей Греч называет Бунину, которая, по его характеристике, «занимает отличное место в числе писателей и первое между писательницами России»³, а также приводит текст её стихотворения «Капризы не беда, твердит философ Сава...»⁴, иллюстрируя редкий в русском стихосложении жанр рондо.

Давая характеристику царевне Софье, Екатерине II и Дашковой, Греч, безусловно,

¹ Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях, составленный А. Галаховым и Ф. Буслаевым, на основании Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений высочайше утверждённого 24-го декабря 1848 г. СПб., 1852.

² Греч Н. И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности. Ч. 1. СПб., 1819. С. 415.

³ Там же. С. 606.

⁴ Греч Н. И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности. Ч. 3. СПб., 1820. С. 257.

опирался на уже сложившуюся традицию, в частности, на Карамзина и Новикова¹. Выбирая из современных авторов Бунина, Греч ориентировался, прежде всего, на собственные вкус и взгляды.

Перечень писательниц значительно меняется в третьем издании (1844): статья о Буниной заметно сокращена², а о царевне Софье и Дашковой вовсе отсутствуют упоминания. Зато в «Обзрении истории русской литературы» добавлено упоминание о современных писательницах: «В числе дам-писательниц напомним графиню Ростопчину, сочинительницу повестей и лирических стихотворений; госпожу Жукову, написавшую прекрасные повести под именем “Вечера на Карповке”; госпожу Ган, недавно скончавшуюся, которой умные и преисполненные чувства повести изданы под именем Зенеиды Р-вой; Госпожу К., издавшую (под именем фан-Дима)³ роман “Два призрака”. Госпожа Дурова (Александров) умно и удачно описала похождения Девы-Кавалериста»⁴. Греч ограничивается лишь короткими характеристиками, однако в целом выбор имён отнюдь не случаен: за исключением Ган и Кологривовой все они в разное время появлялись на страницах журнала «Сын Отечества»⁵.

Таким образом, впервые вводя творчество писательниц в школьную традицию, Греч не заостряет на нём внимание как на некоем особом явлении. Рассматривая женское творчество в общем контексте литературы, он предлагает список из восьми заслуживающих внимания писательниц: царевна Софья, Дашкова, Бунина, Е. П. Ростопчина, М. С. Жукова, Е. А. Ган, Е. В. Кологривова, Н. А. Дурова, – при этом воспроизводит в хрестоматии художественный текст только одной из них – Буниной.

Ещё большее значение для закрепления произведений писательниц в школьном литературном каноне имела «Полная русская хрестоматия...» (1843) Галахова. Жанр хрестоматии не предусматривает трактовку произведения, тем не менее, Галахов нашёл способ отметить специфический характер творчества писательниц. Уже в первом издании он поместил статью А. В. Никитенко «О стихотворениях графини

отъезду Буниной на лечение в Англию стихотворения А. П. Степанова (Сын отечества. 1815, ч. 23, №32, с. 245) и Е. Н. Пучковой (Сын отечества. 1815, ч. 24, №33, с. 26). В 1820 г. вышла благожелательная рецензия В. К. Кюхельбекера на опубликованное в 1819 г. «Собрание стихотворений Анны Буниной». Примечательно, что её единственную среди писательниц Кюхельбекер упоминает пять лет спустя в полемической статье по поводу переводов русских стихотворений фон дер Боргом (Сын отечества. 1825, ч. 103, №17).

В «Сыне Отечества» вышло несколько произведений Ростопчиной: стихотворение «Бал» (Сын отечества. 1838, №2), повести «Чины и деньги» (Сын отечества. 1838, №1–2), «Поединок» (Сын отечества. 1838, №3–4). Затем были опубликованы рецензии на прозаический сборник «Очерки большого света, сочинение Ясновидающей» (СПб., 1838) (Сын отечества. 1838, №7) и сборник «Стихотворения» (СПб., 1841) (Сын отечества. 1841, кн. 2, №18. С. 201–205). Произведения М. С. Жуковой в журнале не печатались, однако в нём вышла рецензия на сборник повестей писательницы «Вечера на Карповке» (СПб., 1838) (Сын отечества. 1838, т. 4, отд. 4).

В 1838–1840 гг. в журнале было опубликовано три рецензии на произведения Н. А. Дуровой: роман «Год жизни в Петербурге, или невгоды третьего посещения» (СПб., 1838) (Сын отечества. 1838, т. 6, отд. 4); «Записки Александрова, добавление к девице-кавалеристу» (М., 1839) (Сын отечества. 1839, т. 8, отд. 4); сборник повестей «Клад» (СПб., 1840) (Сын отечества. 1840. Т. 5, с. 253–257).

¹ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. 264 с. О писательницах в данном словаре см.: [2].

² Греч Н. И. Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и пиитики, и обозрение истории русской литературы, изданные Николаем Гречем. 3-е изд., испр. и дополн. Ч. 4. СПб., 1844. С. 327.

³ Псевдоним Кологривовой не раскрыт.

⁴ Греч Н. И. Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и пиитики, и обозрение истории русской литературы, изданные Николаем Гречем. 3-е изд., испр. и дополн. Ч. 4. СПб., 1844. С. 332.

⁵ Более всех это относится к А. П. Буниной: её патристическая заметка и ряд стихотворений были напечатаны в «Сыне Отечества» в 1813–1814 гг. (Сын отечества. 1813. Ч. 3, №2, с. 88–93; Ч. 4, №12, с. 299; 1814, ч. 13, №17, с. 185); в 1817 г. был опубликован её стихотворный перевод драмы С.-Ф. Жанлис «Агар в пустыне» (Сын отечества. 1817, ч. 40, №17, с. 170–186). В 1815 г. были опубликованы посвящён-

ни Ростопчиной»¹. Никитенко, безусловно, признаёт право женщины на творчество и осуждает скептиков: «Если она пишет, тем лучше: значит, она торжественно изъявляет своё уважение к делу, в котором призвана участвовать потребностями своего сердца и нуждами образованности»². Далее критик определяет специфику мужского и женского творческого начала: «В искусстве он (*мужчина*. – Н. П.) творец созданий возвышенных и строгих <...>; он должен всё понять, всё объяснить и высказать: для этого и дано уму его больше крепости, краскам больше яркости и сердцу менее чувства»³. В противоположность мужчине «женщина не пролагает путей ни в жизни, ни в искусстве: для этого не даровано ей того грубого могущества, которое сокрушает препятствия и прельщения <...> Она идёт во всём по следам мужчины, своего природного путеводителя и оберегателя, но она собирает на пути его то <...>, на что не мог обратить взгляда, видящего отдалённое и крупное, и не всегда способного рассмотреть близкое и мелкое... <...> Ея ум есть ум анализа в сфере сердца <...> В созданиях своих она более зависит от впечатлений, чем от свободных соображений ума; более изображает, чем творит, более одушевляет, чем обдумывает»⁴ <...> Эта особенность женского творческого начала задаёт жанры, в которых оно воплощается: «самые естественные формы её идей суть лирика и роман, так называемый нравоописательный, или лёгкая новелла»⁵, «поражать эффектами ужаса или грозного величия также не свойственно её природе»⁶. И, наконец, Никитенко высказывает идею о неотъемлемости женского творчества по

отношению к мужскому: «Ей именно принадлежит здесь то, чего не досказывает и не может досказать слово мужчины, и без её дополнительного слова речь художественная была бы не довершена»⁷.

Статья Никитенко сохраняется на протяжении пяти изданий (т. е. до 1853 г.) и, в сущности, служит программным заявлением, обосновывающим присутствие произведений писательниц в хрестоматии. С третьего издания (1846) тема женской литературы поддержана статьёй самого Галахова «Женщины – писательницы», помещённой в части III («Примечания») хрестоматии. Статья перепечатывалась в неизменном виде в четвёртом и пятом изданиях, в шестом (1853) – сокращена в четыре раза⁸, в том же виде напечатана в седьмом издании; начиная с восьмого издания (1859) отсутствует.

Статья воспроизводит основные положения касательно женской литературы в России, высказанные В. Г. Белинским в рецензии на вышедшие посмертно в 1843 г. «Сочинения Зенеиды Р-вой»⁹. Галахов ведёт отсчёт писательниц с Екатерины II и Дашковой, а всего, говоря о XVIII в., упоминает 23 дамы-писательницы и их основные произведения.

Рассматривая карамзинский период XIX в., Галахов приводит имена 24 писательниц, как наиболее значимых выделяет М. Е. Извекову, Бунину. Он отмечает, что если в XVIII в. дамы в основном занимались переводами, их оригинальное творчество начало развиваться в карамзинский период, а «с появлением Пушкина гораздо больше стало являться у нас женщин-авторов»¹⁰. При этом по мере развития отечественной литературы число писательниц, добивавшихся известности, уменьшалось: «В эпоху зарождающейся

¹ Впервые вышла в «Сыне отечества». 1841, №18, с. 201–205.

² Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Ч. 1. СПб., 1843. 454 с. С. 327–328.

³ Там же. С. 328.

⁴ Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Ч. 1. СПб., 1843. С. 329.

⁵ Там же. С. 329.

⁶ Там же. С. 328.

⁷ Там же. С. 328.

⁸ Оставлены лишь имена писательниц, названия их произведений, и краткие характеристики творчества опущены.

⁹ См.: Отечественные записки. 1843. Т. XXXI, №11, отд. V. С. 1–24.

¹⁰ Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. 3-е изд., дополненное примечаниями. Ч. 3. СПб., 1849. 105 с. С. 52.

литературы нет разборчивости ни в степени талантов, ни в степени образования: писатели пользуются известностью без отношения к их внутреннему достоинству»¹.

Среди авторов пушкинского периода современной литературы Галахов отмечает 36 писательниц, включая десять «особенно замечательных»: З. А. Волконская, А. П. Глинка, М. Лисицына, А. И. Готовцева, Н. С. Теплова, Е. Б. Кульман, Е. А. Ган, Е. П. Ростопчина, М. С. Жукова, К. К. Павлова, – очень коротко характеризуя их творчество. О Волконской пишет, что «почётное имя в литературе» ей принесли «серьёзное образование и многосторонние познания»². Прежде всего образованность Галахов отмечает и в отношении Кульман, в частности, её знакомство с древнегреческой литературой. О Глинке говорит как об успешной переводчице с немецкого; о поэзии Лисицыной, Готовцевой и Тепловой вместе говорит как о передающей «искренние выражения непосредственного чувства женской души»³. Из общего ряда Галахов выделяет Ган, характерной чертой творчества которой называет «сильный талант, силу мысли, понимание действительной жизни, полноту чувства, энергическое, часто цветистое его выражение»⁴. Примечательно, что в хрестоматию её произведения Галахов ни разу не включает, видимо, поэтому приводя пространный фрагмент из её повести «Джеллаледин» в тексте своей статьи. О творчестве Жуковой и Павловой Галахов обещает сказать «при отрывках из их сочинений»⁵, однако не делает этого. Он упоминает также Сару Толстую и Елизавету Улыбышеву, произведения которых выходили на других языках, прежде всего французском⁶.

Таким образом, вслед за Белинским Галахов одним из первых делает попытку представить целостный обзор творчества

писательниц. Он задаёт историческую перспективу теме женского творчества [1; 2; 4; 5; 6] и подытоживает её выводом: «дамы наши давно уже приняли участие в литературе»⁷. Галахов существенно расширяет перечень имён значимых писательниц, доводя его до 83 персоналий. При этом в восьми изданиях хрестоматии, вышедших за 16 лет (1843–1859), помещены произведения в общей сложности восьми заметных современных писательниц: А. П. Глинка, З. А. Волконской, М. С. Жуковой, С. А. Закревской, А. О. Ишимовой, Е. В. Кологривовой, К. К. Павловой, Е. П. Ростопчиной.

Галахов включил произведения писательниц также в «Русскую хрестоматию для детей» (1843)⁸, однако характеристики их творчества не привёл. В семи изданиях хрестоматии помещены произведения А. О. Ишимовой, А. П. Зонтаг, Е. Ф. Тютчевой.

Никак не прокомментировано включение произведений писательниц в состав ещё одного учебного издания – «Книги для чтения и упражнений в языке, составленной для уездных училищ и нижних классов гимназий» (1846) И. С. Пенинского⁹. Хрестоматия включает в себя произведения Ишимовой, Зонтаг, Ростопчиной.

Можно констатировать, что по умолчанию Галахов и Пенинский в своих хрестоматиях для детей очерчивают круг детских писательниц – Ишимова, Зонтаг, Закревская, Тютчева.

Истории словесности

Особняком стоят учебные истории словесности. Они имели статус пособий и служили в основном как дополнительный материал для преподавателя, т. е. им был свойственен более узкий круг хождения. С другой стороны, авторы этих пособий могли позволить себе большую свободу

¹ Там же. С. 52.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 52.

⁴ Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. 3-е изд., дополненное примечаниями. Ч. 3. СПб., 1849. С. 52.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Галахов А. Д. Русская хрестоматия для детей: Книга для чтения и практического изучения отечественного языка. М., 1843.

⁹ Пенинский И. С. Книга для чтения и упражнений в языке, составленная для уездных училищ и нижних классов гимназий. СПб., 1846. 255 с.

в выборе и интерпретации материала. Не последним фактором, видимо, было и место издания: все истории словесности, в которых отмечены писательницы и о которых пойдёт речь ниже, опубликованы не в столицах, а в других культурных и образовательных центрах – Киеве и Одессе.

Первой историей, упоминавшей женщин-писательниц, стала книга В. И. Аскоченского «Краткое начертание истории русской литературы» (1846).

В 156-страничном обзоре истории русской литературы, охватывающем период 20 веков, автор ограничивается в основном упоминанием имени писателя и его произведений, лишь изредка приводя характеристику творчества. Аскоченский отмечает четырёх писательниц: царица Софья, Екатерина II, Жукова, Ган.

Говоря о царице Софье, упоминает приписываемый ей перевод пьесы Мольера: «Явилась переводная мольерова комедия “Лекарь поневоле”, которая была разыграна самой переводчицей, царевною Софьею Алексеевною, при дворе, частным образом с благородными девицами и мужчинами»¹. О Екатерине II пишет как о «самой деятельной распространительнице просвещения»: «Поощряя учёных людей, она сама писала остроумные драмы для эрмитажного театра <...> в то же время она участвовала в периодических изданиях...»². Из писательниц-современниц отмечает только беллетристок, перечисляя их в пёстром ряду современных авторов: «Лучшими из современных нам писателей повестей, по справедливости, почитаются: А. С. Пушкин, Ушаков, князь Одоевский, Загоскин, Погодин, граф Соллогуб, Сенковский (писавший под псевдонимом Барона Бромбеуса и Тютюнджи-Оглу), Владиславлев, Панаев, г-жа Жукова, г-жа Ган (подписывавшаяся Зенеидою Р-вою), Квитка (известный под именем Основьяненки), Даль (то же что и казак Луганский)»³.

Чуть больше внимания творчеству писательниц уделено в двух других пособиях, вышедших в 1849 г. в Одессе.

Зеленецкий, будущий автор министерского учебника словесности, в своей книге «История русской литературы для учащихся» упоминает среди явившихся после Пушкина поэтов Ростопчину, помещая её в один ряд с Лермонтовым, Бенедиктовым и Вельтманом. При этом отмечает, что они «хотя далеко не достигли высоты Пушкина, но замечательны или по дарованию, или потому что отчасти сообщили нашей поэзии новые, разнообразные направления»⁴. О Ростопчиной пишет: «Графиня Е. П. Ростопчина известна значительным числом стихотворений и небольших повестей в стихах. Все они выражают чувствования исполненной поэтического призвания и образованной светской дамы. Притом мечтательное чувство по большей части переходит в них в размышление, иногда меланхолическое, но всегда проникнутое строгой думой. От этого и стих её, в иных стихотворениях шестистопный и пятистопный ямб, отличается медленностью, простотою, но, несмотря на это, строен и полон прелести»⁵. Зеленецкий упоминает также Павлову, пользующуюся известностью «по мелодическому стиху в её собственных произведениях и переводах»⁶.

В главе «Изысканная литература в прозе. Журналистика» Зеленецкий, говоря об исторических романах, обстоятельно рассуждает о Загоскине и Лажечникове и упоминает также О. П. Шишкину, не называя её произведений⁷. В ряду сочинителей романов и повестей отмечает Дурову, Ган, Жукову в одном ряду с Башуцким (роман «Мещанин»), Филимоновым («Непостижимая»), Достоевским, Герценом, Гончаровым, Тургеневым, Бутковым, Панаевым, Каменским.

¹ Аскоченский В. И. Краткое начертание истории русской литературы. Киев, 1846. 162 с. С. 51.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 122.

⁴ Зеленецкий К. П. История русской литературы для учащихся. Одесса, 1849. 236 с. С. 212.

⁵ Там же. С. 213–214.

⁶ Там же. С. 214.

⁷ Там же. С. 218.

При этом, как и Греч, и Пенинский, Зеленецкий не говорит о писательницах как об отдельном, самостоятельном явлении, рассматривая их в общем литературном контексте.

Примечателен учебник Зеленецкого «Теория словесности. Курс гимназический» (1851)¹, написанный по заказу Министерства народного просвещения, т. е. выражавший «официальную» точку зрения. В нём, в соответствии со списком авторов, рекомендованных в уже упоминавшемся нормативном документе – «Конспекте русского языка и словесности...», – русский писательниц нет. Однако в отношении зарубежной литературы Зеленецкий от этих ограничений отступает. Так, в статье о современной английской литературе говорит о романах А. Радклиф как продолжательницы традиций Г. Уолпола, отмечая, что её «сочинения в своё время читались с удовольствием и возбуждали участие во всей Европе»². При этом немедленно продолжает: «во второй половине XVIII столетия романы упали в Англии: писали по большей части женщины, из которых особенно известна Мисс Эджворт»³. В главе «Современная французская поэзия» пишет: «Возрождение литературы после 1792 г. совершалось медленно. Эпоха империи хотя также не была благоприятна для развития поэзии; однако и в то время во Франции явились два замечательные лица: Шатобриан и г-жа Сталь»; и далее: «Сочинение г-жи Сталь «О Германии» имело весьма важные следствия. С одушевлением говорила она в этой книге о Германии, о её образованности, правах, преданиях, и превозносила её поэтов, философов, учёность. Сочинение это с восторгом было читано в Европе и открыло новый мир народно-германского искусства⁴, поэзии лёгкой и одушевлённой. В сочинениях Шатобриана и Г-жи

Сталь воссияла светлая заря для литературы французской»⁵.

Настоящим апологетом женского творчества выступает Н. Д. Мизко в книге «Столетие русской словесности» (1849). В довольно выспренних выражениях он пытается сформулировать специфику женской поэзии: «Муза этой поэзии самая прекрасная муза, и вполне достойна этого благородного титула, которое подчас так недостойно присваивается мужскою поэзию... Но, что ещё важнее для нас, муза эта раскрывает пред нами мир для нас столько любопытный, сколько заветный – мир внутренний души женщины, поэзию светлой мысли – но мысли не ума, а сердца... <...> Но женщина не может сосредоточиться в самой себе: женщина существо двойственное, в котором взаимно гармонируют два элемента, по-видимому, противоположные – мир внутренний и мир внешний...»⁶ Из поэтов отмечает З. А. Волконскую, Н. С. Терюхину (урожд. Теплову), А. А. Фукс, К. К. Павлову, Е. Н. Шахову, Е. Б. Кульман, отдавая безусловное первенство Е. П. Ростопчиной, поскольку она сочетает в своих стихотворениях «богатство собственной поэтической души» и «жизнь общественную»⁷.

В том же слащаво-восторженном ключе Мизко рассуждает о женском творчестве в целом: «Вникните в особенные свойства женской словесности... Какая тесная связь этого языка с самой идеей, им выражаемой, которая в глубине души облекается уже в эту особенную форму, оттого и проникает в душу!.. И опять, каким неподдельным, тихим, но не менее того сильным, одушевлением проникнуты эти произведения! Это одушевление есть тайна искусства: но где же источник этого одушевления более чистый, более искренний, как не душа женщины?.. Прибавьте ещё, что и сантиментальность мужская, которая нередко лишь усилие казаться чувствительными, должна уступить чув-

¹ Зеленецкий К. П. Теория словесности. Курс гимназический. СПб., 1851. 260 с.

² Мизко Н. Д. Столетие русской словесности. Одесса, 1849. 343 с. С. 246.

³ Там же. С. 246.

⁴ Там же. С. 259.

⁵ Там же. С. 260.

⁶ Там же. С. 305.

⁷ Там же. С. 305.

ствительности женской – чувствительности по преимуществу, потому что она идёт от сердца... Да и самый вкус мужской, как бы он ни был теоретически или практически совершенен, не сравнится с этой инстинктивной способностью женщин к изящному, посредством которой они быстро открывают изящество и вместе с тем превращают в изящное все вокруг себя... Наконец, это преимущественная принадлежность женщин, которую называют грацией, не есть ли неотъемлемая собственность их одних, и притом та мощная сила, которой они покоряют всё, что не может устоять против этой силы?... А кто столько смел, что может хвастаться этим, да и кто откажется от этой покорности?...»¹

Среди писательниц Мизко выделяет Жукову, Ган, Дурову, Ростопчину; отдельно отмечая переводы, прежде всего с французского, упоминает Ситникову, Зражевскую, Ишимову.

Заключение

Пособия Аскоченского, Зеленецкого, Мизко вызвали в основном негативную реакцию как современников, так и исследователей более позднего времени, прежде всего поверхностностью суждений и бессистемностью². Тем не менее, нельзя не отметить, что они стали первыми пособиями по истории русской словесности, включившими в себя произведения писательниц.

Анализ приведённых выше учебников и пособий по истории русской словесности 1820–1850 гг. показывает, что намечаются два подхода к восприятию творчества писательниц: рассмотрение его как некоего самостоятельного явления, заслуживающего определённого снисхождения и поощрения (Галахов, Мизко); восприятие его как неотъемлемой части литературного процесса (Греч, Пенинский, Аскоченский, Зеленецкий).

Статья поступила в редакцию 13.03.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пуряева Н. Н. Писательницы в «Словаре русских светских писателей» Митрополита Евгения (Болховитинова) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. №4. С. 131–144.
2. Пуряева Н. Н. Писательницы в первом словаре русских писателей Н. И. Новикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. №3. С. 107–117.
3. Скафтымов А. П. Преподавание литературы в дореволюционной школе (Сороковые и шестидесятые годы) // Учёные записки Саратовского гос. пед. ин-та. 1938. Вып. 3. С. 119–232.
4. Шнайдер Н. Женщина-писательница в словарях XVIII–XIX вв.: краткое изыскание // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сборник научных трудов. Тверь, 2017. С. 19–23.
5. Kelly Catriona. A history of Russian women's writing, 1820–1992. Oxford: Clarendon press, 1998. XII. 497 p.
6. Women writers in Russian literature / Ed. by Toby W. Clyman & Diana Greene. Westport (Conn.); London: Praeger, 1994. XVII. 273 p.

¹ Там же. С. 334–335.

² Резкий отзыв В. Майкова: «Особенность “Краткого Начертания” заключается в том, что оно как будто забавляется над читателями: обещает им начертать вкратце историю русской литературы, и вместо того начертывает что-то такое, что походит совсем не на историю русской литературы, а на “Руководство” – г. Плаксина; обещает показать им развитие внутренней жизни русского народа, а показывает какой-то калейдоскоп, потому что факты, им изложенные, вы можете переставлять как вам угодно» (Отечественные записки. 1846, т. 48, с. 23).

Резкий отзыв С. П. Шевырёва о книге Мизко см.: Москвитянин, 1851, №5, с. 526–528.

Скафтымов признаёт, что учебники Аскоченского и Зеленецкого «pretендуют на некоторую теоретическую самостоятельность, но, в сущности, ничего нового не дают» [3, с. 139]; «Книжка Мизко безграмотна столь же, если не больше, как и другие подобные» [3, с. 142].

REFERENCES

1. Puryaeva N. N. *Pisatel'nitsy v «Slovarе russkikh svetskikh pisateley» Mitropolita Yevgeniya (Bolkhovitina)* [Female writers in the “Dictionary of Russian secular writers” by Metropolitan Evgeny (Bolkhovitinov)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Herald. Series 9: Philology], 2016, no. 4, pp. 131–144.
2. Puryaeva N. N. [Female writers in the first dictionary of Russian writers by N. I. Novikov]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2016, no. 3, pp. 107–117.
3. Skaftymov A. P. *Prepodavaniye literatury v dorevolutsionnoy shkole (Sorokovyye i shestidesyatyye gody)* [The teaching of literature in pre-revolutionary school (Fortieth and sixtieth years)]. In: *Uchenye zapiski Saratovskogo gos. ped. in-ta* [Proceedings of Saratov State Pedagogical Institute], 1938, Issue 3, pp. 119–232.
4. Shnaider N. *Zhenshchina-pisatel'nitsa v slovaryakh XVIII–XIX vv.: kratkoe izyskanie* [Woman writer in the dictionaries of the XVIII–XIX centuries: a brief search]. In: *Rodnaya slovesnost' v sovremennoy kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov* [Native literature in the modern cultural and educational space: collection of scientific papers]. Tver, 2017, pp. 19–23.
5. Kelly Catriona. *A history of Russian women's writing, 1820–1992*. Oxford: Clarendon press, 1998. XII. 497 p.
6. *Women writers in Russian literature* / Ed. by Toby W. Clyman & Diana Greene. Westport (Conn.); London: Praeger, 1994. XVII. 273 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пурыева Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: nadia_np@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N. Puryaeva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the Russian Language for foreign students of the faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: nadia_np@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пурыева Н. Н. Творчество писательниц в оценке авторов учебных изданий по русской словесности 1820–1850 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 101–110.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-101-110

FOR CITATION

Puryaeva N. N. Russian female writers in the assessment of authors of textbooks in Russian literature (1820–1850). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 101–110.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-101-110

УДК 811.1/.2+82-1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-111-118

ЖИВОПИСЬ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ В. МАЯКОВСКОГО

Силаева М. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель данного исследования – выявление закономерностей влияния Маяковского-художника на раннюю лирику поэта.

Процедура и методы исследования. В статье проводится анализ работ, посвящённых исследованию феномена синтеза искусств в поэзии Серебряного века. Особое внимание уделяется основным принципам отражения мира в футуристической итальянской живописи, в картинах русских художников-авангардистов. Методология состоит в раскрытии способов перенесения этих принципов в область словесного искусства – раннюю лирику В. Маяковского.

Результаты. Делается вывод, что именно исследование живописного авангарда начала XX века позволяет создать более полное представление о новаторстве поэзии Маяковского.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в высших учебных заведениях при изучении курса русской литературы Серебряного века, при проведении спецкурса по эстетике футуризма и для составления комментариев к изданию стихов В. Маяковского.

Ключевые слова: Маяковский, футуризм, живопись, поэзия, урбанист

PAINTING IN THE EARLY LYRICS OF V. MAYAKOVSKY

M. Silaeva*Moscow Region State University**24 Veri Voloshinoy ul., Mytischy 141014, Moscow region, Russian Federation***Abstract.**

The aim of this research is to identify patterns of influence of Mayakovsky – the artist on the poet's early lyrics.

Methodology. The article analyzes the works devoted to the study of the phenomenon of synthesis of arts in the poetry of the Silver age. Special attention is paid to the basic principles of reflecting the world in futuristic Italian painting, in the paintings of Russian avant-garde artists. The methodology consists in revealing ways to transfer these principles to the field of verbal art – the early lyrics of V. Mayakovsky.

Results. It is concluded that the study of the pictorial avant-garde of the early twentieth century allows us to create a more complete picture of the innovation of Mayakovsky's poetry.

Research implications. The results of the research can be used in higher educational institutions when studying the course of Russian literature of the Silver age, when conducting a special course on the aesthetics of futurism, and for making comments on the publication of poems by V. Mayakovsky.

Keywords: Mayakovsky, futurism, painting, poetry, urbanist

Введение

Русский футуризм, объединивший поэтов и живописцев, – уникальное явление в мировой культуре, оригинальность которого проявляется в том, что художнику важно создавать для зрителя определённое настроение. Как утверждали сами футуристы, зритель

перед их картинами должен *не присутствовать только, а участвовать в действии*. В живописи итальянский футуризм проявил себя ярче, чем, скажем, в поэзии. Полотна Умб. Боччони, Дж. Северини, К. Кара и многих других художников открыли новые пути для отражения быстро меняющейся жизни. Футуристическая волна распространяется на все виды искусства. Не удивительно, что на пороге следующего рубежа веков (XX–XXI) метапредметные связи стали особенно интересными для исследователей. Метаморфозы идей под особым углом рассмотрены в работе В. Н. Терёхиной «Футуристический велосипед: от изобретения до осмеяния» [7], в котором можно проследить эволюцию образа велосипеда от картины Умберто Боччоне «Динамизм велосипедиста» к картине Н. Гончаровой «Велосипедист» и далее к пьесе В. Маяковского «Баня». Анализируя пьесу В. Маяковского, исследователь сосредоточивает внимание на образе Велосипедкина, во многом ироничного, придающего изобретению Чудакова исключительно бытовой характер. Например, динамизм жизни, заключённый в образе футуристического велосипеда, практически нужен для того, чтобы «прокручивать» пламенные речи ораторов на собраниях, приближая их к долгожданному финалу и т. д. Так, мы имеем возможность наблюдать упрощение образа, ещё недавно венчавшего уверенное вхождение футуризма в мир. «Возвратимся к образу человека на велосипеде с картины Наталии Гончаровой. В 1913 г., как мы видели, велосипедист оптимистично рвался в будущее. На рубеже 1930-х гг. ему не хватало скорости, опыта и уверенности в своих силах. В пьесе Маяковского «Баня» воздвигается неподвижная машина времени подобно розановскому деревянному «Велосипеду» [7, с. 111].

В более поздней работе – «От жёлтой кофты до красного Лефа: Маяковский среди художников» (2018) – В. Н. Терёхина объясняет уникальность русского авангарда зрелищностью принятого в модернизме синтеза искусств и размытостью жанро-

вых и видовых границ: «Текст входил в живописное полотно как равноправный изобразительный элемент (цикл «Времена года» Ларионова, «Англичанин в Москве» Малевича). Напротив, «Железобетонные поэмы» Каменского или «Заумная гнига» Кручёных-Розановой рассматривались как предметы искусства и экспонировались на художественных выставках» [8, с. 8]. Не удивительно, что тема живописности слова становится наиболее актуальной именно в отношении футуристов. Все они были либо художниками, либо почти художниками. Думается, эта работа ценна прежде всего тем, что в ней представлен бурный поток жизни авангардного искусства в России начала XX века. Отвечая поставленным перед ней задачам, она стремилась охватить всю «эпоху Маяковского», не останавливаясь подробно на отдельном периоде его творчества.

В статье М. И. Козловой «Лирический герой В. Маяковского как автопортрет» внимание уделено лирике как до-, так и после-революционного периода творчества поэта. Наблюдая за Маяковским-художником, исследователь анализирует цветопись, ассоциативно подбирая образы к тому или иному тону: «В. Маяковский передаёт своё мироощущение, взгляд на мир цветописью и графическими решениями» [5, с. 396]. М. И. Козлова не ставит перед собой цель погрузиться в особенности живописного отражения мира. В качестве важных составляющих «автопортрета» Маяковского выступают графика и ритмика.

С. А. Васильев справедливо указывает на концептуальную значимость живописного видения Маяковского: «Живописное начало становится неотъемлемой составляющей образа лирического героя, связывается с лирическим сюжетом, с заданным в свёрнутом виде повествованием, в ряде характерных черт (учитывая компактность лирического произведения) определяет поэтическую картину мира произведения, его художественный космос» [2, с. 289]. Однако трудно согласиться с исследователем, когда он указывает на близость некоторых образов, создавае-

мых Маяковским, с графикой. При этом С. А. Васильев приводит в пример стихотворение «А вы могли бы?». В этом хрестоматийном стихотворении принципиальную роль играет цвет как таковой. Герой преобразует жизнь, «плеснувши краску из стакана» (В. Маяковский. «А вы могли бы?»). После его активного творческого порыва город наполняется новым чувством, меняется система образов – даже черепица крыш из чешуи превращается в ищущие поцелуя губы.

Футуристическое отражение мира

Одна из существенных особенностей футуристического отражения темы – это **деперсонализированный характер ощущений**, ощущение толпы.

Предметы утратили свойства статичных, чётко отдалённых друг от друга тел. Проницаемость их и растворённость всех чётких граней – также одно из наиболее характерных свойств футуристической предметности. Основу русского футуристического мифа составляло явление обретения нового зрения, новых органов восприятия и сознания: «Живописцы-будетляне любят пользоваться частями тел, разрезами, а будутляне-речетворцы разрубленными словами»¹.

Мотив движения передаётся при помощи совмещения нескольких точек зрения, смещения форм, наложения различных образов и предметов друг на друга: «Футуризм выяснил положение места изобразителя движущегося мира. Человек образует собой центр, кругом которого происходит движение; выяснилось, что такое вообще не происходит в одном радиусе клинообразного схода, а происходит и спереди и сзади, с боков, сверху, снизу, человек стоит осью, кругом которой движется миллион механизмов»².

В начале XX века футуризм определяет направление эстетических поисков. 1900–1912 гг. – кубофутуризм созревает внутри

других течений, в частности неопримитивизма, который вошёл в кубофутуризм, по мнению Д. Сарабьянова, «в качестве специфически национальной компоненты» [6].

Появление супрематизма в 1915 году обусловило появление нового, «трёхмерного» пространства, в котором есть предмет, его восприятие и художник, со своим видением этого предмета.

Е. Вязова выделяет характерное для Маяковского «наслоение смыслов», при котором «игровой принцип, подразумевающий элемент иронии, позволил занять по отношению к миру позицию действенного созерцания и включение в его динамичные ритмы, и восхождение того романтического по духу настроения, которое с высоты оглядывает все вещи, бесконечно возвышаясь над обусловленным...» [3, с. 15].

Трактовка города как преобразования мира и устойчивость мотивов смерти наделили футуристический город апокалипсическими чертами. Апокалипсис превращался в зарождение новых энергий. По мнению Вязовой, подобное явление трактуется как «переход на новую ступень постижения мира» [3].

Мотив иконографии города – фабричные трубы. В этом проявлялось сопоставление архитектуры готической и нового мира. Формировалась модель городского сознания как перехода к новым формам восприятия мира.

Необходимо отметить, что живопись и литература кубофутуристической направленности одинаково влияли друг на друга. Так, есть основания проводить параллели между поиском путей преобразования мира у поэтов-футуристов и таких живописцев, как Н. Гончарова, К. Малевич, М. Ларионов, Д. Бурлюк, А. Лентулов, О. Розанова, П. Филонов, И. Пуни и др. Е. Бобринская считает, что итальянские художники весьма условно повлияли на русскую живопись. Искусствовед определяет некоторые признаки развития итальянской традиции: «хронометрическое умножение движущегося предмета или его частей», «дробление предметов и фигур на плоские геометрические формы, лишая

¹ Малевич К. Собрание сочинений в 5 томах. М.: Гилея, 1995. Т. 1. С. 180.

² Там же. С. 180.

щие изображение статичности», «членение пространства картины на геометрические фрагменты, смещённые относительно друг друга» [1, с. 30]. Русские художники по-своему отражают футуристическую идею сверхскорости жизни – они дают представление о внутреннем динамизме, воплощением которого становится цвет.

Живопись в поэзии Маяковского

Одной из основных характерных черт кубофутуризма принято считать симультанность – «общее для поэзии и для живописи стремление создать систему выразительности, воплощающую в одном художественном произведении... мир в его целостности, слитности пространства и времени, внутреннего и внешнего» [1, с. 57].

Маяковский будто вторит этому определению: «Художник, объявив диктатуру глаза, имеет право на существование. Утвердив цвет, линию, форму как самодвлеющие величины, живопись нашла вечный путь к развитию»¹. Статья «Живопись сегодняшнего дня» образно и действительно призывает: «Возьмите от жизни элементы всякого зрительного восприятия, линии, цвет, форму и, закружив их танцем под музыку сегодняшнего дня, – дайте картину»². В той же статье автор выделил передовых, по его мнению, художников современности: «Более всего говорили о своей новизне, кажется, Гончарова и Ларионов, и краской, и линией, и формой. Ларионов же каждый день придумывает новые и новые направления, оставаясь талантливейшим импрессионистом»³.

К. Чуковский оставил своё первое впечатление о Маяковском: «... он представлялся мне совершенно иным, чем вся группа его сотоварищей: может быть, я ошибался, но сквозь эксцентрику футуристических образов мне чудилась подлинная человечья тоска, несовмести-

мая с шумной бравадой его эстрадных высказываний»⁴. Безусловно, притяжение Маяковского к творческой интеллигенции футуристической направленности не было поверхностным. К. Малевич, например, «вытеснил» изображение лиц, явлений, предметов наплывами, будто бы совершенно невозможными сочетаниями красок. Таким образом художник отражал противные ему несовершенства мира. Этот же приём можно найти и в поэтической мастерской Маяковского.

Ассоциативное мышление Маяковского было на редкость свободным и оригинальным, так как поэт соотносил предметы и явления разной природы. В 1914 году Маяковский на публичном выступлении отметил: «Мы хотим дать теоретическое обоснование футуризма... Поэзия футуризма – это поэзия города, современного города. Город обогатил эти наши переживания и впечатления новыми городскими элементами, которых не знали поэты прошлого. Весь современный культурный мир обращается в огромный исполненный город. Город заменяет природу и стихию. Мы, горожане, не знаем лесов, полей, цветов – нам знакомы тоннели улиц, с их движением, шумом, грохотом, мельканием, вечным круговращением»⁵.

Русская живопись начала XX века состояла из разнохарактерных направлений. Но живописцы, пусть и разными путями, пытались достичь единой цели – преобразовать окружающую действительность. Поэтому в их творчестве можно наблюдать общие черты.

Одной из устойчивых тенденций в живописи становится наложение мира земного на мир небесный, мир вечных ценностей. Однако этот принцип совмещения художники использовали по-разному. Кузнецов и Кустодиев отображали образ Прекрасного, либо сокрытого от людей, либо не замеченного ими. Мир Филонова и Малевича пугающе далёк от традицион-

¹ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 12 томах. М.: Госиздат Худож. лит., 1955. Т. 11. С. 6.

² Там же. Т. 11, с. 17.

³ Там же. Т. 11, с. 21.

⁴ Чуковский К. И. Из воспоминаний. М.: Советский писатель, 1958. С. 298.

⁵ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 12 томах. М.: Госиздат Худож. лит., 1955. Т. 7. С. 42.

ных представлений о нём: его формы, линии, краски безнадежно искажены. И тот, и другой пути нашли отражение в творчестве Маяковского.

В наследии поэта невозможно выделить лирику природы, где, анализируя приём психологического параллелизма, можно было говорить о внутреннем мире лирического героя. Поэт-урбанист, угнетённый городской действительностью, по его же вышеприведённому признанию, отстранился от гармонично протекавших вселенских процессов. В. Дядичев отмечает, что уже в ранней лирике «есть то, что станет определяющим в поэтике Маяковского: зримая конкретность, красочность и динамичность образов, метафорическая насыщенность, объёмность и многозначность метафор» [4, с. 3].

Особое место в лирике Маяковского занимают образы солнца, неба, земли, луны и т. п. В них поэт сосредоточил свои самые красивые представления о высших ценностях. Причём небо может содержать в себе надежду человека на духовное исцеление и пугать его близящейся расплатой за всё содеянное. Космос Маяковского не отстранён от происходящего – он становится участником событий, эмоционально переживающим их и тем самым усугубляющим преступность земных деяний. Так появляются «звёзды в платочках из синего ситца», которые становятся отражением материнского горя. Они и страдают происходящему, и расширяют художественное пространство, переводя его в масштабы Вселенной.

В данном контексте важно выделить стихотворение «Послушайте!», в котором лирический герой совершает действительную попытку преобразования мира. Источником преобразующей силы становится Создатель, путь к которому герой преодолевает для того, чтобы люди жили с верой в душе, с надеждой и любовью. Образом-символом опорных для жизни каждого человека чувств будет звезда. Звезда – один из самых любимых Маяковским художественных образов. Насколько «благополучен» этот образ в

художественном пространстве, настолько благополучен весь этот мир.

Раскрытое направление поэтического поиска было свойственно и художникам-футуристам. Любая деталь из мира природы несёт на себе бремя тайного знания о человеке, его порывах и разочарованиях, об участии Вселенной во внутренней и внешней жизни людей. Масштабы поставленных задач велики, поэтому включённость космических тел в материю художественного произведения постоянна.

В живописи М. Ф. Ларионова Д. Сарабьянов выделил «принцип деформации» образа: *фигуры людей* «сильно деформированы – но не ради того, чтобы выявить структуру, подчеркнуть изначальные, постоянные качества человеческого тела, а ради характеристичности конкретного движения, состояния, действия» [6]. О полотнах Р. Р. Фалька начала XX века было замечено: *натюра* «не разлагается на произвольные части», она «деформируется, сопротивляясь, делая явные усилия, почти ощутимые физически. Это напряжение формы и создаёт чувство тревоги» [6, с. 44, с. 51].

Д. Сарабьянов, будучи не только исследователем искусства, но и создателем его, прочувствовал умение Фалька в предметах заключать внутренние порывы человека, его открытия и переживания.

Это был очевидный процесс перехода от одного принципа отражения действительности (импрессионистического) к другому, новому, способному не только на выражение чувств, но и на умышленное заострение или преувеличение событий действительности (экспрессионистическому). И здесь Маяковский достигает известных высот. Поэт нашёл перспективные ассоциации между опустошённым человеком и мёртвой материей. Его устрашающие метафоры воспринимаются обязательными для отражения предельно разрушенного духовно мира. Любимое К. Станиславским, а после и В. Маяковским «увеличивающее стекло» призвано обратить человека к самому себе.

Важной составляющей футуристической живописи (как итальянской, так и русской) становится портрет. Е. Бобринская утверждает, что портрет теперь – сумма «ощущений тактильных и зрительных, ассоциативных цепочек, в которые выстраиваются предметные и фактурные комбинации» [1]. Портретисты начала XX века раскрывают внутренний мир человека с помощью множества ассоциаций, подчас неожиданных, воплощением которых становятся эксперименты с фактурой. Художники стремятся раскрыть бессознательное, стихийное восприятие человека. Поэтому так свободно в портретах фигурируют разные плоскости, разные фактуры, множество линий. Ближе к революционным годам футуристическая живопись станет неактуальной, её место займёт так называемое беспредметное искусство, а футуризм продолжится только как литературное течение. Но никакое направление в искусстве не исчезает в одночасье и насовсем. Искусство имеет свойство растворяться, обеспечивая себе жизнь вечную. Так, Маяковский включал элементы окружающей действительности в отражение внутреннего мира человека. Написанный в 1918 году «Автопортрет» также расположен в пространстве урбанистического пейзажа. Более того, возникает ощущение несвободы, невозможности отделить себя от города. Точка перспективы здесь расположена в нижнем правом углу, где проявляется собственно образ героя. Метафорично его присутствие передано с помощью сочетания жёлтого и коричневого цветов. Далее появляется ощущение, будто город, с его домами и дымными трубами, не просто обступил героя, а сомкнулся над ним; воздуху едва удаётся пробиться сквозь этот надёжный заслон с окнами-глазницами. Ту же невозможность, несвободу мы встречаем и в лирике поэта: «Я бы всех в любви моей выкупал, / да в дома обнесён океан её»¹.

¹ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 12 томах. М.: Госиздат Худож. лит., 1955. Т. 1. С. 72.

Заключение

Безусловно, искусство слова обладает большим арсеналом средств воздействия на человека в сравнении с живописью. Кроме того, для людей язык входит в состав предметов, явлений жизненной необходимости. Тем не менее, именно практика художника, с её особенностью бессловесного эмоционально и философски глубокого восприятия жизни сделала Маяковского недостижимым в области создания художественного пространства произведения и включённости в него лирического героя. Поэт объединил в ранней лирике события окружающей действительности, их чувственное восприятие и авторскую оценку происходящего. Безусловно, истоки подобного метода находятся в живописи русского авангарда. Соединение несоединимых живописных тенденций также получило импульс в поэтическом творчестве Маяковского, где образ рождался в, казалось бы, невозможном соотношении разных сфер жизни. В тетраптихе «Облако в штанах» встречаем: «Вошла ты, / резкая, / как «Нате!». Вызывающе дерзкое, уверенное появление любимой сравнивается со звучанием одного из ранних стихотворений Маяковского. Тон стихотворения соотносится с характером прихода Марии в гостиницу. Ёмкость, ограниченность средств при создании макромира тоже наследуется от живописного опыта. В стихотворении «Мама и убитый немцами вечер» образ мёртвого мира создан прямым и категоричным соотношением: «По чёрным улицам белые матери / судорожно простёрлись, как по гробу газет»². Так поэт не оставляет этому миру шанса на выживание, поскольку всё, что в нём происходит, происходит в гробу.

Лирический герой Маяковского максимально «освободил» процесс создания художественного образа, показав будто бы невозможные пути ассоциативного соотношения ранее не соотносимых предметов и явлений. Он видел в этом ответственном процессе особую миссию.

² Там же. Т. 1, с. 14.

Футуристическое полотно, к которому Маяковский имел непосредственное отношение, особенно повлияло на его поэзию, что позволило раскрыть суть трагических противоречий окружающей действительности и место в ней поэта.

Статья поступила в редакцию 07.05.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринская Е. Футуризм и кубофутуризм: Европа. Россия: [Альбом]. М.: Галарт, 2000. 174 с.
2. Васильев С. А. Функции словесной живописи в лирике В. В. Маяковского // Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения Владимира Маяковского. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2018. С. 289–297.
3. Вязова Е. С. Город в искусстве кубофутуристов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1999. 23 с.
4. Дядичев В. Лиля Брик. Любимая женщина Владимира Маяковского. М.: Литагент Алгоритм, 2016. 235 с.
5. Козлова М. И. Лирический герой В. Маяковского как автопортрет // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: Сборник материалов VI Международной научной конференции / Под редакцией Г. Н. Тараносовой, И. А. Измestьевой. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2019. С. 395–398.
6. Сарабянов Д. Русская живопись конца 1900 – начала 1910-х годов: Очерки. М.: Искусство, 1971. 143 с.
7. Терёхина В. Н. Футуристический велосипед: от изобретения до осмеяния // Славистический сборник. Отв. редактор Корнелия Ичин. Белград: Нови Сад, 2015. Вып. 88. С. 105–114.
8. Терёхина В. Н. «От жёлтой кофты до красного Лефа». Маяковский среди художников. СПб.: Росток, 2018. 608 с.

REFERENCES

1. Bobrinskaya E. *Futurizm i kubofuturizm: Evropa. Rossiya: [Al'bum]* [Futurism and cubofuturism: Europe. Russia: [Album]. Moscow: Galart Publ., 2000. 174 p. (History of painting. The twentieth century / 1910–1930).
2. Vasil'ev S. A. *Funktsii slovesnoi zhivopisi v lirike V. V. Mayakovskogo* [Functions of verbal painting in the lyrics of V.V. Mayakovsky]. In: [Vladimir Mayakovsky in the world cultural space: materials of the International scientific conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of Vladimir Mayakovsky]. Moscow: Gorky Institute of world literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 289–297.
3. Vyazova E. S. *Gorod v iskusstve kubofuturistov: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [The City in the art of cubofuturists: abstract of PhD thesis in art history]. Moscow, 1999. 23 p.
4. Dyadichev V. *Lilya Brik. Lyubimaya zhenshchina Vladimira Mayakovskogo* [Lilya Brik. The woman of Vladimir Mayakovsky]. Moscow, Litagent Algoritm Publ., 2016. 235 p.
5. Kozlova M. I. *Liricheskii geroi V. Mayakovskogo kak avtoportret* [V. Mayakovsky's Lyrical hero as a self-portrait]. In: [Text: philological, socio-cultural, regional and methodological aspects. Collection of materials of the VI International scientific conference. Edited by G. N. Tarasova, I. A. Izmestieva]. Tolyatti, Tolyatti State University Publ., 2019, pp. 395–398.
6. Sarab'yanov D. [Russian painting of the late 1900 – the beginning of the 1910-ies: Essays]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1971. 143 p.
7. Terekhina V. N. [Futurist Bicycle: from invention to ridicule]. In: Slavistic collection / Executive editor Cornelia Ichin. Belgrade, Novi Sad Publ., 2015, issue 88, pp. 105–114.
8. Terekhina V. N. «*Ot zheltoi kofty do krasnogo Lefa*». *Mayakovskii sredi khudozhnikov* ["From the yellow jackets to a red Lef". Mayakovsky among artists]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018. 608 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Силаева Марина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: silaevamv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Silaeva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian literature of the XX century, Moscow Region State University;
e-mail: silaevamv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Силаева М. В. Живопись в ранней лирике В. Маяковского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 111–118.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-111-118

FOR CITATION

Silaeva M. V. Painting in the early lyrics of V. Mayakovsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 111 –118.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-111-118

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-119-124

РАМОЧНЫЙ КОМПЛЕКС КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ КНИГИ СТИХОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «СОКРАЩАЯ РАССТАВАНИЕ» В. БОРИСОВА)

Хомяков С. А.

*Московский государственный медико-стоматологический университет имени А. И. Евдокимова
127473, г. Москва, ул. Делегатская, д. 20, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель исследования заключается в подробном анализе рамочных элементов, что позволяет говорить не о сборнике стихотворений, а исключительно об эстетическом явлении (книга стихов), потому что у автора появляется возможность напрямую говорить с читателем.

Процедура и методы исследования. В статье рассмотрена книга стихов «Сокращая расставание» Вениамина Борисова как единое целое, подробному анализу подвергаются рамочные элементы. При проведении исследования применены текстологический и герменевтический методы, что позволяет подчеркнуть единство книги стихов на архитектурном уровне.

Результаты. Проведённый анализ показал, что рамочные элементы, обратный – нехронологический – принцип расположения стихотворений, включение цветных иллюстраций служат главной задаче – показать определённый временной отрезок жизненного пути лирического героя, который жил «сокращая расставание». Название поэтического сборника становится не только соединяющим элементом всех стихотворений, входящих в его состав, но и ключом к сюжетам маленьких новелл и рамочным элементам.

Теоретическая и / или практическая значимость. Практическая значимость статьи обусловлена возможностью её использования как иллюстрации одного из новых подходов к анализу художественного текста.

Ключевые слова: книга стихов, «Сокращая расставание», Вениамин Борисов, рамочный комплекс, семантика названия

THE FRAMEWORK COMPLEX AS A KEY TO UNDERSTANDING THE BOOK OF POEMS (BASED ON THE COLLECTION “SHORTENING THE PARTING” BY V. BORISOV)

S. Khomyakov

*A. I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry
20-1 Delegatskaya ul., Moscow 127473, Russian Federation*

Abstract.

The aim of the study is to analyze the framework elements in detail, which allows us to speak not about a collection of poems, but only about an aesthetic phenomenon (a book of poems), because the author has the opportunity to speak directly with the reader.

Methodology. The article considers the book of poems “Shortening parting” by Veniamin Borisov as holistic book. The framework elements are analyzed in detail. The study uses textual and hermeneutic methods to emphasize the unity of the book of poems at the architectonic level.

Results. The analysis showed that the framework elements, the reverse – not chronological-principle of the arrangement of poems, the inclusion of color illustrations serve the main task- to show a certain time period of the life path of the lyric hero, who lived “shortening the separation”. The name of the poetry collection becomes not only a connecting element of all the poems that make up it, but also a key to the plots of small novels and frame elements.

Research implications. The practical significance of the article is due to the possibility of its use as an illustration of one of the new approaches to the analysis of literary text.

Keywords: book of poems, “Reducing Parting”, Veniamin Borisov, framework complex, title semantics

Введение

В современном литературоведении каждый элемент произведения становится значимым при анализе [9] не только художественно-композиционных особенностей текста, но и при описании картины мира поэта или писателя [8]. В исследовательском фокусе наметилась тенденция не к обособленному рассмотрению текстов, а в их единстве с выявлением определённых особенностей и закономерностей [4, с. 57–68], характерных с самого начала творческой деятельности поэта вплоть до последнего произведения [6, с. 208–212]. При анализе книги стихов мы предлагаем рассматривать все стихотворения, входящие в её состав, как единый текст, что позволяет увидеть более сложную организацию сборника – рамочные элементы коррелируют друг с другом и становятся частью «книги автора». Целью данной статьи является подробный анализ семантики рамочных элементов поэтического сборника «Сокращая расставание» В. Борисова.

Типология заглавий

Учёные до сих пор не пришли к единому мнению, как же называть все текстуальные элементы: в литературоведении используется привычное понятие «рама» [6; 7] наравне с «заголовочно-финальным комплексом» [2, с. 175] и «паратекстом» [3]. Однако вопрос, скорее, стоит не в разработке терминологического аппарата, а в определении отдельно взятого элемента в конкретном произведении с учётом установок автора и выбранного им жанра [5, с. 127–130]. Сразу становится очевидным, что заглавие прозаического произведения (несмотря на разрозненность входящих в его состав частей, обладающих сюжетом, например «Герой нашего времени»), части которого могут обладать хронологическими инверсиями, окажется некой скрепой

(«Евгений Онегин»), в отличие от названия книги стихов, в которой каждое небольшое лирическое произведение не обуславливает выбор в пользу того или иного названия, так как работает совершенно иной принцип. «Пролетая над гнездом кукушки» К. Кизи и «На дне» М. Горького, вопреки использованной метафоре, указывают на суть общественного конфликта и определённый ход сюжета. Иначе дело обстоит с поэтическими сборниками и книгами стихов: первые могут быть озаглавлены как «Стихотворения» или «Избранное», что ставит каждое произведение в сборнике в равные отношения, если они расположены в хронологической последовательности. Книга стихов, в которой важнее оказывается авторское присутствие, нося определённое название, обращена к читателю (например, внутренние циклы в «Белой стае» А. А. Ахматовой) и ставит остро вопрос адреса.

Можно выстроить целую типологию названий произведений, что зависит от основных мотивов и сюжетов («Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова), основного конфликта («Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Война и мир» Л. Н. Толстого), фигуры главного героя («Три сестры» А. П. Чехова, «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского), авторской оценки исторических событий («Поэма воздуха» М. И. Цветаевой, «Реквием» А. А. Ахматовой), осмысления жизненного пути («Во весь голос» В. Маяковского). Такую классификацию можно применять всё-таки к жанрам эпоса или драмы, где название по-прежнему остаётся важным элементом для последующего продвижения произведения на магазинных полках (например, «Гарри Поттер и ...»).

В книге стихов чаще всего название [1, с. 19] сугубо субъективно, большим значением обладают другие элементы (эпиграфы, адресаты), которые в некоторых случа-

ях схожи с ремарками в драматургическом произведении, а также моделируют дополнительное художественное пространство и порождают смыслы, которые не сопряжены с конкретным стихотворением, но важны в единстве для всего сборника, отвечающего задачам поэта.

Семантика рамочных компонентов

Книга стихов «Сокращая расставание» содержит 68 произведений, каждое из которых имеет собственное название (всегда не по первой строчке), связанное с сюжетом стихотворения. Исключением является только «То многое, что я не выразил...» – оно не озаглавлено; объяснение находим в первой строке. Все стихотворения носят русские названия, кроме одного произведения, имеющего греческое название «ιδέα» и обусловившего философское настроение произведения. В. Борисов – при определённой традиционности и наследственности сборника – отказывается от дат в конце каждого стихотворения, создавая ощущения целостности книги, где каждая страница – продолжение предыдущей, и разрушая связь с реальным физическим временем. Автор этому всецело подчиняет композицию книги – «сократить расставание» и, следовательно, «расстояние». Каждое стихотворение является воспоминанием из прошлого – бесконечно длящегося и целого. Стихотворения расположены в обратном порядке, как и нумерация страниц, – и стихотворение «Сокращая расставание», которое должно стоять в конце сборника, оказывается первым после прозаического предисловия (в лермонтовском духе объясняются причины, побудившие В. Борисова к изданию своих стихов), лишённого названия, но снабжённого тремя эпитафиями, разрывающими временную нить повествования и не имеющими никакого отношения к событиям в маленьких лирических произведениях. Книга посвящена, как отмечает В. Борисов, «тем сумасшедшим, кто

ищет и верит. Потому что они обязательно найдут»¹.

В. Борисов не часто обращается к эпиграфам, однако в 12 стихотворениях они использованы, при этом тематический охват крайне широк, поэт обращается к музыкальным и литературным произведениям А. Васильева («Выхода нет»), Б. Ахмадулиной («Дуэль»), М. Танича («Текстильный городок»), Р. Брэдбери («Марсианские хроники»), Д. Быкова («Сумерки империи»), Е. Летова («Лето прошло»), Н. Коржавина («Стихи о детстве и романтике»), В. Набокова («Защита Лужина»), А. Рембо («Роман»), А. Розенбаума («Ау»), С. Рунге («Песня о Первом Пионерском Отряде»), Е. Евтушенко («Медленная любовь»), что часто обуславливает мрачную символику, а также лексику, связанную со значением «разрыва», «расставания». Обращение к музыкально-стихотворным произведениям моделирует самостоятельное художественное пространство, связанное и с определённым временем, и с конкретными событиями. Музыка является своеобразным вектором сборника (в том числе на уровне неточных рифм, которые такими не выглядят).

Весь сборник предваряют эпиграфы, взятые из художественного фильма «Бриллиантовая рука», «Коллекционера» Дж. Фаулза и «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Расположение в таком порядке не случайно. Первый эпиграф – слова из песни, прозвучавшей в «Бриллиантовой руке», передают состояние лирического героя и позволяют иногда в шуточной форме говорить о важных для него вещах. Второй эпиграф, занимающий значительное место, обрамлён двумя поэтическими фрагментами и сообщает о силе чувств лирического героя, для которого любовь схожа с сумасшествием и безумием («Волосы у неё были замечательно красивые. Ни у кого больше таких не видал. Мне часто хотелось их потрогать. Просто погладить. Пощупать. Ну, такая возможность была,

¹ Борисов В. Сокращая расставание: [сборник стихотворений: 16+]. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 86.

когда рот ей пластырем заклеивал»¹). Третий эпитафия, отсылающий к «роману в стихах» А. С. Пушкина и вселяющий надежду лирическому герою, – это обращение к произведению русской классики с одновременной полемикой, что, несмотря ни на что, счастье будет обретено.

Только одно стихотворение – «Недосказанное Казани» – в сборнике имеет адресата, но имя которого скрыто от глаз читателя («Д., которая живёт в К.»). Место, заявленное в названии стихотворения, противопоставляется Москве как суетной столице, а признанию в любви Казани (обнаруживаются схожие мотивы с посвящёнными Москве стихотворениями, написанными М. И. Цветаевой), скорее, обусловлено именно фигурой таинственной «Д.».

Особого внимания заслуживают иллюстрации: рамочный элемент, позволяющий не разделять входящие в состав сборника стихотворения, например, на циклы, а сделать книгу стихов цельной. Семь иллюстраций помещены всегда перед важными стихотворениями, однако не являются изображающими описанные в них события. Если сюжеты стихотворений – это фрагменты, выхваченные из памяти главного героя, то цветные картинки (приводит к удорожанию издаваемой книги!) не всегда рассказывают о его жизни или о возлюбленной. Интересной предстаёт пропорция иллюстраций: на трёх изображён молодой человек с девушкой, на двух – одинокий молодой человек, на одной – девушка и на одной – городской пейзаж. Также между иллюстрациями наблюдается определённая иерархия (в той последовательности, как идут в сборнике), а событийный ряд разворачивается из прошлого в настоящее, в отличие от расположения стихотворений с обратной нумерацией: сцена в метро (стр. 71) – расставание; фонтан в ночном парке (стр. 59) – одиночество и тишина; силуэт мужчины на фоне дома (стр. 38) – дистанция и одновременно отсылка к первой иллюстрации; силуэт молодого человека на фоне открывающегося

вида из окна (стр. 28) – надежда и отсылка к третьему эпитафия, помещённой в начале сборника; девушка, держащая ветку в руке, в лёгком платье (стр. 18) – символ надежды; силуэты молодой пары в машине (стр. 8) – практически «сокращённое» расстояние; силуэты молодого человека и девушки, которые держатся за руки (стр. 2) – «преодоление» расставания². Благодаря иллюстрациям, выполняющим роль кинокадров, история главного героя рассказывается ещё раз и опять же отсылает к названию книги стихов.

Ещё один интересный феномен, который мы можем наблюдать, – это оперирование «чужим словом», при этом обращение к общеизвестным поэтическим строкам порождает не только связи с внетекстовой реальностью, но и некое внутреннее единство сборника, что способствует раскрытию характера лирического героя.

Заключение

Поэтический сборник «Сокращая расставание» В. Борисова предстаёт и композиционно, и сюжетно целостным произведением, потому что все рамочные элементы (названия, эпитафия, картинки и т. д.) подчинены одной задаче – познакомить читателя не с конкретными событиями из жизни героя, а показать путь, который им был проделан, когда «сокращалось расставание». Обращение в эпитафиях к музыкальным или литературным аллюзиям расширяет рамки художественного пространства, позволяя каждому рамочному элементу предстать значимым, частью большого целого в рамках всей книги стихов. Поэт, обращаясь к реалиям прошлого (элементы исторического и биографического часто присутствуют в книге), к различным музыкальным произведениям, используя современную лексику, стремится «победить время и пространство» (А. Ахматова) и сократить расстояние, что ему и удалось.

Статья поступила в редакцию 06.03.2020.

¹ Борисов В. Сокращая расставание: [сборник стихотворений: 16+]. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 87.

² Борисов В. Сокращая расставание: [сборник стихотворений: 16+]. М.: РИПОЛ классик, 2018. 87 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кормилов С. И. Роль подписи автора при публикации литературного произведения // «Склонила муза лик печальный...»: памяти Николая Николаевича Паикова: сборник научных статей: в 2 т. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. Т. 1.
2. Орлицкий Ю. Б. Минимальный текст (удертон) в составе заголовочно-финального комплекса стихотворного текста // Поэтика заглавия: сб. науч. тр. / Федер. агентство по образованию, Рос. гос. гуманитар. ун-т, Твер. гос. ун-т. Москва; Тверь: Лилия Принт, 2005.
3. Соколова Е. В. Паратекст // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М., 2004.
4. Хомяков С. А. Архитектоника рамочного текста (на примере «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой) // *Litera*. 2018. №3. С. 57–68.
5. Хомяков С. А. Петербург – Петроград – Ленинград (Заметки о художественном городе А. Блока, В. Брюсова, А. Белого, А. Ахматовой) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. №6. С. 127–130.
6. Хомяков С. А. Пространство и время в художественном произведении (заметки о хронотопе «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. №3. С. 208–212.
7. Чернец Л. В. Рамочный текст // А. П. Чехов. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. В. Б. Катаев. М.: Просвещение, 2011.
8. Щербakov А. Б. Проблема рамочного текста «Мертвых душ» // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2016. №11–2. С. 84–86.
9. Segiryan I. G. Author's digression in the aspect of theory of metatext. In: *Advanced Studies in Science: Theory and Practice: A Collection of Scientific Papers*. London, 2015, pp. 138–142.

REFERENCES

1. Kormilov S. I. *Rol' podpisi avtora pri publikatsii literaturnogo proizvedeniya* [The role of the byline when you publish literary work]. In: *«Sklonila muza lik pechal'nyi...»: pamyati Nikolaya Nikolaevicha Paikova: sbornik nauchnykh statei: v 2 t.* [“The Muse bowed its sad face...”: in memory of Nikolai Nikolaevich Paikov: collected of articles in 2 volumes]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 2011. Vol. 1.
2. Orlicskii Yu. B. *Minimal'nyi tekst (uderton) v sostave zagolovochno-final'nogo kompleksa stikhotvornogo teksta* [Minimal text (Uderton) in the header-final complex of the poetic text]. In: [The poetics of titles: collection of scientific works / Federation Agency on education, Russian State Humanitarian University, Tver State University]. Moscow; Tver, Liliya Print Publ., 2005.
3. Sokolova E. V. Paratekst [Paratext]. In: *Zapadnoe literaturovedenie XX veka: Entsiklopediya* [Western literature of the twentieth century: an encyclopedia]. Moscow, 2004.
4. Khomyakov S. A. [Architectonics of a Framework text (on the example of “Poems without a hero” by A. A. Akhmatova)]. In: *Litera*, 2018, no. 3, pp. 57–68.
5. Khomyakov S. A. [Petersburg – Petrograd – Leningrad (Notes on art city by A. Blok, V. Briusov, A. Belyi, A. Akhmatova)]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of Volgograd state pedagogical University], 2010, no. 6, pp. 127–130.
6. Khomyakov S. A. [Space and time in fiction (notes on the chronotope of “Poem without a hero” by A. A. Akhmatova)]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2010, no. 3, pp. 208–212.
7. Chernets L. V. *Ramochnyi tekst* [Framework text]. In: [A. P. Chekhov. Encyclopedia / Comp. and scientific ed. by V. B. Kataev]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2011.
8. Shcherbakov A. B. [The problem of the framework text of “Dead souls”]. In: *Novaya nauka: Opyt, traditsii, innovatsii* [New science: Experience, traditions, innovations], 2016, no. 11–2, pp. 84–86.
9. Segiryan I. G. Author's digression in the aspect of theory of metatext. In: *Advanced Studies in Science: Theory and Practice: A Collection of Scientific Papers*. London, 2015, pp. 138–142.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хомяков Сергей Александрович – кандидат филологических наук, старший преподаватель подготовительного отделения Московского медико-стоматологического университета им. А. И. Евдокимова; e-mail: khomjakov.sergey@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Khomyakov – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Preparatory Department, A. I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry; e-mail: khomjakov.sergey@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хомяков С. А. Рамочный комплекс как ключ к пониманию книги стихов (на материале сборника «Сокращая расставание» В. Борисова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 119–124.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-119-124

FOR CITATION

Khomyakov S. A. The framework complex as a key to understanding the book of poems (based on the collection “Reducing parting” by V. Borisov). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 119–124.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-119-124

РАЗДЕЛ III. РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-125-129

НАЧАЛО «ВТОРОГО ВЕКА ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА» В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Щедрина Н. М.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Рецензии на книги:

Александр Солженицын: взгляд из XXI века: Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения / сост. Л. И. Сараскина. М.: Русский путь, 2019. 624 с.

Личность и творчество А. И. Солженицына в контексте мировой культуры: Материалы международной научной конференции; Южный федеральный университет, ЮНЦ РАН. Ростов-на-Дону; Таганрог; Изд-во Южного федерального университета, 2019. 142 с.

Жизнь и творчество А. И. Солженицына: взгляд из XXI века: Материалы всероссийской научно-краеведческой конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения писателя. Кисловодск, 2019. 222 с.

Русская и белорусская литературы на рубеже XX-XXI веков (к 100-летию А. И. Солженицына): сб. науч. статей / редкол.: С. Я. Гончарова-Грабовская (отв. ред.). Минск: РИВШ, 2018. 250 с.

THE BEGINNING OF "A. SOLZHENITSYN'S SECOND LIFE CENTURY" IN THE MODERN RESEARCHES

N. Shchedrina

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoi ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Reviews on the following scientific texts:

Aleksandr Solzhenitsyn: vzglyad iz 20 veka: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya / sost. L. I. Saraskina. M.: Russkij put', 2019. 624 s.

Lichnost' i tvorchestvo A. I. Solzhenicyna v kontekste mirovoj kul'tury: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii; YUzhnyj federal'nyj universitet, YUNC RAN. Rostov-na-Donu; Taganrog; Izd-vo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2019. 142 s.

ZHizn' i tvorchestvo A. I. Solzhenicyna: vzglyad iz HKHI veka: Materialy vserossijskoj nauchno-kraevedcheskoj konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. Kislovodsk, 2019. 222 s.

Russkaya i belorusskaya literatury na rubezhe HKH-HKHI vekov (k 100-letiyu A. I. Solzhenicyna): sb. nauch. statej / redkol.: S. YA. Goncharova-Grabovskaya (otv. red.). Minsk: RIVSH, 2018. 250 s.

На открытии международной научной конференции «Александр Солженицын: взгляд из XXI века» [1], приуроченной к столетию со дня рождения писателя, вдова Наталия Солженицына провозгласила начало «второго века жизни Александра Солженицына на земле» и выразила надежду, что мысли современных учёных «будут сопровождать Александра Исаевича второе столетие».

© СС BY Щедрина Н. М., 2020.

Шагом в исследовании творчества Александра Солженицына явились материалы конференций, проходивших на родине писателя, в Кисловодске, в местах, где он жил: в Ростове-на-Дону, в Рязани, а также во многих регионах России и в других странах. В юбилейный год семинары, чтения, круглые столы и международные форумы прошли не только в нашей стране, но и в республике Беларусь (Минск), в США (Вашингтон – библиотека Конгресса; Нью-Йорк), в Италии (Милан), во Франции (Париж).

Юбилейная международная научная конференция, проходившая в Москве, собрала более 200 учёных из 12 стран мира: России, США, Китая, Австралии, Франции, Швейцарии, Черногории, Сербии, Польши, Венгрии и др. Участвовали писатели, литературоведы, культурологи, представители федеральных органов исполнительной власти. Организаторами были Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Правительство Москвы, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Российская государственная библиотека, Дом русского зарубежья.

Результатом стал солидный сборник материалов (624 с.) по нескольким направлениям в изучении творчества писателя: «Художник и историк», «От первого лица. Публицистика», «Языковые стратегии. Поэтика», «Литературные созвучия и отражения», «Писатель в музее» [1]. В книге представлены и новые разыскания: документы и факты – свидетельства участия Солженицына в Великой Отечественной войне (В. А. Мазаев), роль Восточной Пруссии в биографии писателя (Л. Амберг), неизвестные материалы 1963–1972 (Т. В. Левченко).

Открывают сборник выступления и приветствия: М. В. Сеславинского, Н. Д. Солженицыной, В. П. Лукина, С. Фредериксона, О. Г. Духовницкого.

Одно из главных мест занимают работы, в которых рассматриваются масштабные произведения Солженицына – «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное Колесо» (статьи

М. С. Высокова, Е. Ю. Михайлик, Ф. Лесур, А. Ю. Сергеева-Клятис, А. В. Урманова, М. Е. Федякина, Н. М. Щедриной).

Уделено внимание и публицистике писателя (В. Борщев, П. Проценко, А. Сопова, Е. Бальзамо, Я. Явдосюк-Малец), сборнику миниатюр «Крохотки» (С. Галанинская, А. Кубасов), романам «В круге первом» и «Раковый корпус» (К. Дж. Маккенна, Г. М. Алтынбаева, В. Ш. Кривonos), а также языковой концепции Солженицына (В. Б. Заянчкаускайте, А. Е. Аркатова).

Необходимо выделить статьи обобщающего (Е. Г. Водолазкин, М. Николсон, Ж. Нива, Ф. А. Лукьянов, А. Дель Аста) и метафорического (Р. Темпест) характера, а также те работы, авторы которых выявили биографические и историософские схождения взглядов Солженицына с А. Ф. Лосевым, М. М. Бахтиным (Е. А. Тахо-Годи, Дж. Парравичини).

Писатель и кинематографист М. Кураев задался вопросом: почему надо экранизировать Солженицына? Л. Сараскина, литературовед, автор первой научной биографии, проанализировала этапы не всегда добровольного, но всегда напряжённого диалога Солженицына с советской и постсоветской властью. Литературным созвучиям писателя с А. П. Чеховым, А. М. Горьким, Б. Л. Пастернаком посвятили свои рассуждения М. М. Голубков, И. Регеци, А. Ю. Сергеева-Клятис.

Органично вписался в сборник раздел «Биография в документах. Архивы». Авторы его знакомят читателей с проектом «Жизнь и творчество А. И. Солженицына в архивных документах», где впервые будут представлены около полутора тысяч документов, позволяющих воссоздать ключевые события жизни и творчества писателя (А. Артизов). О том, как формируется и осваивается колоссальный архив Солженицына речь идёт в статье директора Российского государственного архива литературы и искусства Т. М. Горяевой.

Отведено место разговору об освоении маршрутов по солженицынским местам в Кисловодске, где родился писатель, а также экскурсионным, связанным с жизнью

в Москве (Г. А. Тюрина, В. С. Яновский). Рассказано о привлечении цифровых технологий в музейном деле (Е. Я. Жукова), о выпуске мультимедийного диска образовательного назначения (Ю. Е. Павельева).

Продолжением взгляда на А. И. Солженицына из XXI века стал сборник материалов научно-краеведческой конференции, состоявшейся в Кисловодске [2]. Основная тема представленных выступлений учёных, краеведов, работников библиотек, учителей и учащихся, студентов Ставрополя и Кавказа – биография писателя, его семейные корни, изучение и популяризация творческого наследия автора, связь с родными местами. Много интересных сведений можно почерпнуть из этой книги о родословной Солженицына, о формировании этих фондов в музее «Крепость», а также об отделе Государственного музея истории российской культуры имени В. И. Даля (Музей А. И. Солженицына) в Кисловодске, расположенном в старинном особняке, принадлежащем старшей сестре матери Солженицына – Марии Захаровне Горинной (урождённой Щербак) – и её мужу – Фёдору Ивановичу Горину. Мария Захаровна являлась не только тётёй, но и крёстной матерью будущего писателя. Восстановление дома шло непросто: указ о создании музея на месте разрушенного дома был подписан в 2008 году, открытие состоялось только в 2015. Возвращён к жизни также храм Св. Великомученика и Целителя Пантелеймона, в котором крестили маленького Сашу Солженицына.

По материалам юбилейной научной конференции, посвящённой 100-летию писателя, проходившей в Ростове-на-Дону в Южном федеральном университете, *aima mater* Солженицына, организованной совместно с Южным научным центром РАН при активном участии «Дома русского зарубежья», вышел сборник «Личность и творчество А. И. Солженицына в контексте мировой культуры» [3]. В книге нет разделов по темам и рубрикам: в каждой работе содержится свой, сокровенный, выстраданный взгляд на классика XX века.

В статье Е. В. Белопольской (Ростов-на-Дону) раскрыта неоднозначность оценок критиков на поступок Иннокентия Володина в романе «В круге первом», соотносимая со временем создания романа и восстановлением писателем редакций произведения. Философская доминанта творчества Солженицына рассмотрена В. П. Макаренко (Ростов-на-Дону), утверждающего, что у классика «понятие силы используется для аргументации идеи сильной мысли, а не сильной власти» [3, с. 73]. Феномен авторского выражения получает толкование в статье Н. М. Щедриной (Москва), для примера взято эпическое повествование А. И. Солженицына «Красное Колесо». Финалы последней части этого романа – «Апрель Семнадцатого» – тоже тесно связаны с авторской концепцией и рассмотрены А. И. Ванюковым (Саратов). Разговор о том, что в «Одном дне Ивана Денисовича» «на первый план выдвигается не сталинский режим как виновник всех бед, а неустойчивость нравственных принципов общества, потерявших веру» [3, с. 42], ведёт Вера Зубарева (США, Филадельфия). А. П. Рассадин (Ульяновск) знакомит читателей с рецензией журналиста Алексея Даниловича Астафьева на повесть «Один день Ивана Денисовича», опубликованную в декабре 1962 года в газете «Ульяновская правда» и привлёкшую А. И. Солженицына как лучшую. Писатель разыскал её автора и состоял с ним в переписке.

Историософское открытие Александра Солженицына в публицистической книге «Россия в обвале» рассмотрено В. Ю. Даренским (Украина, ЛНР, Луганск). Для Г. П. Михайловой и А. Е. Шалкине важна проблема восприятия личности и творческого наследия Солженицына в Литве (Литва, Вильнус).

Чехов и Солженицын – фигуры разных эпох и столетий – привлекли внимание исследователей из Великого Новгорода (Н. Ф. Иванова) и Санкт-Петербурга (Е. Н. Петухова). Рассматривается взгляд писателя XX века на А. П. Чехова и бли-

зость «Матрёниного двора» к повести «Овраги».

Есть в книге работы, раскрывающие языковую картину мира Солженицына (В. Ю. Злобина (Россия, Вятка), Н. Г. Сичинава (Грузия, Кутаиси)). Опытom изучения «Архипелага ГУЛАГа» в школе и использованием фильма С. Говорухина «Александр Солженицын» 1992 года для интервьюирования учащихся делятся Н. В. Сухорукова, А. В. Белозерова (Ростов-на-Дону).

Ш. Г. Умеров (Москва) представил свой рассказ-свидетельство, повествующий о том, как он, десятиклассник, живший тогда на Крайнем Севере, читал только что опубликованный в «Новом мире» «Один день Ивана Денисовича», а оказавшись в Хельсинки, будучи студентом МГУ, в 1975 году в книжном магазине, стоя у полки рядом с произведениями русских писателей, «жадно глотал “Телёнка”» [3, с. 133], публицистическое произведение «Бодался телёнок с дубом» недавно высланного за рубеж Александра Солженицына.

Нельзя не отметить выход сборника «Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XIX веков» в Белорусском государственном университете по итогам международной конференции, посвящённой 100-летию А. И. Солженицына [4]. Специальный раздел «Художественная па-

радигма творчества А. И. Солженицына», включающий 13 статей, каждая из которых освещает избранный аспект творчества Солженицына. Эпическое произведение «Красное Колесо» рассматривается в статьях Т. В. Клофастовой (Украина), Моника Сидор (Польша), Н. М. Щедриной (Россия, Москва), роман «В круге первом» – Е. В. Мархеловой (Белоруссия, Минск), публицистика анализируется в работе Н. С. Цветовой (Россия, Санкт-Петербург), драматургия писателя – С. Я. Гончаровой-Грабовской (Белоруссия, Минск). Авторы сборника интересуют наследие Солженицына в рамках взаимодействия, взаимовлияния на другие литературы – белорусскую (Л. Д. Синькову, И. Б. Лаптёнок (Белоруссия, Минск)), западноевропейскую (С. Ф. Мусиенко, Е. А. Леонову (Белоруссия, Гродно)). «Встречу противоположностей» [4, с. 3] – Горького и Солженицына – рассматривает М. М. Голубков (Россия, Москва), а «принцип единства» А. Солженицына и В. Распутина – А. Ю. Горбачев (Белоруссия, Минск). «Медиаимидж образа писателя» [4, с. 64] раскрывает В. А. Капцев (Белоруссия, Минск).

Представленный в сборниках материал ещё раз подтверждает актуальность восприятия творчества А. И. Солженицына сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Солженицын: взгляд из XXI века: Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения / сост. Л. И. Сараскина. М.: Русский путь, 2019. 624 с.
2. Личность и творчество А. И. Солженицына в контексте мировой культуры: Материалы международной научной конференции; Южный федеральный университет, ЮНЦ РАН. Ростов-на-Дону; Таганрог; Изд-во Южного федерального университета, 2019. 142 с.
3. Жизнь и творчество А. И. Солженицына: взгляд из XXI века: Материалы всероссийской научно-краеведческой конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения писателя. Кисловодск, 2019. 222 с.
4. Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI веков (к 100-летию А. И. Солженицына): сб. науч. статей / редкол.: С. Я. Гончарова-Грабовская (отв. ред.). Минск: РИВШ, 2018. 250 с.

REFERENCES

1. *Aleksandr Solzhenitsyn: vzglyad iz KHKHI veka: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya* / sost. L. I. Saraskina [Alexander Solzhenitsyn: a view from the XXI century: materials of the international scientific conference devoted to 100-anniversary from birthday / ed. L. I. Saraskina]. Moscow, Russkii put' Publ., 2019. 624 p.
2. *Zhizn' i tvorchestvo A. I. Solzhenitsyna: vzglyad iz XXI veka: Materialy vserossiiskoi nauchno-kraevedcheskoi*

- konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* [The life and work of Alexander Solzhenitsyn: a view from the XXI century: Materials of all-Russian scientific-and-regional conference devoted to the 100 anniversary from the birthday of the writer]. Kislovodsk, 2019. 222 p.
3. *Lichnost' i tvorchestvo A. I. Solzhenitsyna v kontekste mirovoi kul'tury: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; Yuzhnyi federal'nyi universitet, YUNTS RAN* [Personality and works of A. I. Solzhenitsyn in the context of world culture: materials of the international scientific conference; southern Federal University, candidate of chemical Sciences]. Rostov-on-don; Taganrog; Publishing house of southern Federal University, 2019. 142 p.
  4. *Russkaya i belorusskaya literatury na rubezhe XX–XXI vekov (k 100-letiyu A. I. Solzhenitsyna): sb. nauch. statei / redkol.: S. Ya. Goncharova-Grabovskaya (otv. red.)* [Russian and Belarusian literature at the turn of XX–XXI century (to 100th anniversary of A. I. Solzhenitsyn): Coll. of scientific articles / editorial Board: S. Y. Goncharova-Grabovskaya (resp. ed.)]. Minsk, RIVSH Publ., 2018. 250 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щедрина Нэлли Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: schedrina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nelli M. Shchedrina – Doctor of Philological sciences, Professor at the Department of Russian Literature of the 20th Century, Moscow Region State University;
e-mail: schedrina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щедрина Н. М. Начало «второго века жизни Александра Солженицына» в современных исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 3. С. 125–129.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-125-129

FOR CITATION

Schedrina N. M. The Beginning of "A. Solzhenitsyn's Second Life Century" in the Modern Researches. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 3, pp. 125–129.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-125-129

РАЗДЕЛ IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-130-132

ЯЗЫК И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Леденёва В. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

LANGUAGE AND ACTUAL PROBLEMS OF EDUCATION: 5th INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE

V. Ledeneva

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Традиции и новаторство, разработанное и перспективы – эти актуальные научные аспекты стали векторными при проведении V Международной научно-практической конференции «Язык и актуальные проблемы образования». Пятая конференция – это всё-таки юбилейное научное мероприятие, которое показало устойчивость внимания учёных к интегративной проблематике. Конференция обращена к вопросам обучения родному языку, сохранению и привитию культуры речи в процессе образовательной и воспитательной деятельности, к совершенствованию методики преподавания лингвистических дисциплин в школе и вузе, анализу опыта психолого-педагогической деятельности, направленной на формирование языковой личности дошкольника, ученика, студента, создание актуальных учебников и пособий на современных носителях, которые будут прививать ценностное отношение к родному и осваиваемому как коммуникативный инструмент русскому языку в ситуации билингвизма и т. д.

Организаторами конференции, укрепляя традиции сотрудничества, явились Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, Международная академия наук педагогического образования, Московский государственный областной университет, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Московский педагогический государственный университет.

Пленарное заседание открыл доклад, который указал на проблемные зоны в дошкольном образовании, требующие обсуждения (Волосовец Т. В., Кириллов И. Л., Кутепова Е. Н., Буянов А. А. «Актуальные проблемные зоны реализации ФГОС ДО в образовательных организациях, реализующих образовательные программы дошкольного образования, в том числе для детей в возрасте до 3 лет»), что и состоялось в рамках этой части конференции. Все представленные на пленарном заседании доклады касались этой области. Так, Н. А. Герасименко осветила роль слова в личностном становлении педагога, а в докладе Г. П. Новиковой данная проблематика была конкретизирована, так как в нём охарактеризовано исследование научного потенциала преподавателей до-

школьной педагогики и психологии в профессиональных организациях.

О. С. Ушакова и В. И. Яшина изменили вектор подхода, обратив внимание на особенности формирования языковой личности воспитуемого – дошкольника. О традициях в системе образования детей младшего возраста также сделал развёрнутый доклад почётный гость конференции из Франции – г-н Р. Просперини (Prosperini R.). Специальная секция конференции «Развитие детей раннего и дошкольного возраста. Обучение родному языку. Языковая личность ребёнка» стала научной площадкой для освещения поднятых на пленарном заседании вопросов и позволила доложить о результатах конкретных исследований, в том числе лонгитюдных, познакомить с опытом и достижениями участников конференции.

Сильной стороной конференции является её проспективность (детский возраст – дошкольное учреждение – школа – вуз – культура речи языковой личности зрелого человека – специалиста-педагога), широкий интерес к слову, тексту, их действующей и прежде всего воспитывающей силе. Данную особенность отражают доклады секции «Язык и культура речи: традиции и перспективы. Языковая подготовка и культура речи педагога».

В представленном Е. И. Артамоновой и О. И. Гагаулиной докладе был затронут вопрос о гуманизации речевого развития обучающихся во внеурочное время. И. Ю. Гац рассмотрела предметно ориентированную ситуацию на занятии по методике обучения русскому языку в вузе. Т. М. Воителева прикоснулась к такой важной стороне лингвистической компетенции, как эстетическая ценность русского языка – явления национальной культуры, обратилась к работе над осознанием этой категории обучающимися. В свою очередь это под-

держали Е. М. Маркова, Т. В. Маркелова, Д. Н. Дубинина, В. П. Сморгча, В. В. Абраменкова, проанализировавшие особенности речевой деятельности молодёжи с разной языковой подготовкой, в том числе иностранцев, столкновение с «антикультурой» общения в связи с особенностями коммуникативных запросов носителей и пользователей русского языка на современном этапе его функционирования. Теоретический вклад в поддержку значимости для образования и воспитания категории языковой ценности внесли доклады Т. Е. Шаповаловой, Е. Н. Палий, И. К. Алексеевой. Этому способствовали и материалы, посвящённые языку и стилю И. А. Бунина, чей 150-летний юбилей не обошли вниманием участники конференции.

История и современность, поиски путей совершенствования методов и обогащения дидактического материала, инновации в образовании стали предметом обсуждения для С. Г. Букаренко, Т. П. Ковиной, Ю. В. Кореневой, О. С. Гаврилиной, А. У. Одиловой, М. А. Степанчикова и др.

Русский литературный язык – язык государственный, полифункциональный, и обучение ему является стратегической задачей эффективной государственной языковой политики, что отразил не только доклад Н. В. Юдиной, но и прагматические интенции всех обсуждавших особенности связи языка и образования, его роль в формировании личности человека XXI века.

Доклады вызвали неподдельный интерес и профессионально обсуждались. Все участники одобрили работу V Международной практической конференции «Язык и актуальные проблемы образования», настроились на то, что 2021 год также откроется этим научным мероприятием.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета, академик Международной академии наук педагогического образования; e-mail: ledenevavv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina Ledeneva – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Modern Russian Language Named after P. Lekant in Moscow Region State University, academician of the International Academy of Pedagogical Education;
e-mail: ledenevavv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Леденёва В. В. Язык и актуальные проблемы образования: V Международная научно-практическая конференция // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 3. С. 130-132.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-130-132

FOR CITATION

Ledeneva V. V. Language And Actual Problems Of Education: V International Scientific and Practical Conference. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 3, pp. 130-132.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-130-132

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2020. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор Е. О. Духовнова
Переводчик И. С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка В. А. Кулакова

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,5, уч.-изд. л. 10,5.

Подписано в печать: 24.07.2020 г. Дата выхода в свет: 29.07.2020 г. Заказ №2020/06-14.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А